

200
ЛЕТ
ВМЕСТЕ

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА
ЕВРЕИ И СОЦИАЛИЗМ

**200
ЛЕТ
ВМЕСТЕ**

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА
ЕВРЕИ И СОЦИАЛИЗМ

Москва
алгоритм
2009

Оформление художника *Б. Протопопова*

К 21 **Кара-Мурза С. Г.**
Евреи и социализм / Сергей Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2009. — 240 с. — (Двести лет вместе).

ISBN 978-5-9265-0680-5

По известному утверждению С. Кара-Мурзы, советскому обществу противостоял сложившийся в течение многих лет антисоветский проект, в котором участвовала часть советской интеллигенции — так называемые диссиденты и советские евреи, а также важное течение в среде левой западной элиты — еврокоммунизм.

Почему вся эта элита — и наша, и западная — стала противником советского строя и какую роль она сыграла в его гибели — об этом книга известного писателя и ученого.

УДК 94(47+57)
ББК 66.3(2)615-4

ISBN 978-5-9265-0680-5

© Кара-Мурза С. Г., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад вышла в свет моя большая книга «Советская цивилизация» (М., Алгоритм, 2001). В ней сделана попытка «реконструировать» процесс зарождения советского «проекта» и становления советского строя, то есть воплощения его в реальных условиях, predetermined нашей исторической судьбой. Далеко не все из того проекта, который сложился в сознании и мечтах миллионов советских людей и их предшественников, удалось воплотить в жизнь. Наше общество не выдержало перегрузок, ряда наложившихся друг на друга напряжений и кризисов, которые усугубила тяжелая, плохо понятая нами «холодная война» с Западом. Советский проект был пресечен, а советский строй во многих своих важнейших проявлениях уничтожен.

Для понимания сути советского проекта и советского строя исключительно важным следует считать отщепление от них тех политических и культурных сил, которые ранее принимали активное участие в становлении советского общества как части мировой цивилизации, его защите от идейных и военных угроз. Более того, после Второй мировой войны произошло даже превращение ряда влиятельных групп и течений, как внутри страны, так и на Западе, в активных *противников* советского строя. В некоторых случаях можно говорить даже об их переходе на сторону *врагов СССР* в холодной войне.

Объем главной книги, и так уже чрезмерный, не позволял подробно останавливаться на некоторых более специальных вопросах, и было решено издать серию небольших книжек как спутников основного текста. Тому, кто интересуется каким-то одним вопросом больше, чем другими, будет легче выбрать себе нужный текст из такой россыпи книжек.

Может показаться странным, но на сущность советского строя важный свет проливает история созревания того, что можно назвать антиподом советского проекта или *антисоветским проектом*. Он сложился как целостная, имеющая внутреннюю логику система обвинений и упреков в адрес советского общества и советского человека. Иногда они замаскированы тем, что акцентировались на политическую систему, идеологию, репрессивную политику и т.д. Но обычно, раскапывая более глубокие, не всегда ясно сформулированные основания этих обвинений и упреков, видишь, что недовольство вызывали фундаментальные расхождения интересов и идеалов. Поэтому антисоветский проект является хоть и кривым, но многозначительным зеркалом, отражающим советское общество.

Ранее выходила моя книга «Интеллигенция на пепелище России» (М., Былина, 1997), в которой обсуждались главные постулаты антисоветского проекта, созревшего в умах части нашей интеллигенции. В нынешней же книжке взят более узкий и более фрагментарный объект. Это две специфические группы внутри советской интеллигенции — т.н. диссиденты и советские евреи, а также важное течение в среде левой западной элиты — *еврокоммунизм*.

Может вызвать некоторое удивление тот факт, что евреи, составляющие особый народ и выделяемые по национальному признаку, рассматриваются здесь как культурное и политическое течение, сыгравшее важную роль в кризисе и гибели советского строя. Думаю, эта натяжка простительная, поскольку для нашей темы важны не этнографические факторы, а именно ход мысли и изменение установок советских евреев как влиятельной части советской интеллигенции. Из-

вестно, что подавляющее большинство советских евреев принадлежало к интеллигентным кругам, а не имеющее высшего образования меньшинство находилось под влиянием образованной еврейской элиты. Тот факт, что эта элита в значительной своей части заняла во время перестройки антисоветскую позицию, сыграл очень большую роль в исходе кризиса. Понятное дело, что речь идет лишь о части как евреев, так и интеллигенции вообще или западных коммунистов. Однако эта часть была столь влиятельной, что во всех случаях произошло изменение *вектора* политических идеалов и установок этих групп в целом.

Раздел 1

ЕВРЕИ, ДИССИДЕНТЫ И ЕВРКОММУНИСТЫ

БЕЗ АНТИСЕМИТИЗМА И ЮДОФИЛИИ

В том клубке противоречий, которые выродились в 80-е годы в кризис, приведший к гибели советского строя, было одно очень деликатное обстоятельство, о котором не принято было говорить,— культурные и политические установки советских евреев, которые были в СССР особым народом, но в то же время и особой, очень влиятельной социальной группой. Бурная кампания против «русского антисемитизма», проведенная в конце 90-х годов, имела полезную сторону: она узаконила открытое обсуждение еврейского вопроса. Этой возможностью мы обязаны воспользоваться, говоря об истории советского строя.

Подходить к вопросу приходится осторожно — табу, наверное, снято не для всех. Где получить лицензию, неизвестно. Даже мыслитель такой величины, как Л.П.Карсавин, написавший в 1927 г. работу «Россия и евреи», начал ее с такого замечания: «Довольно затруднительно упомянуть в заглавии о евреях и не встретиться с обвинением в антисемитизме».

Да что Карсавин! Виднейший деятель сионизма В.Е.Жаботинский заметил в 1909 г.: «Можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзыв о еврейских особенностях... Евреев превратили в какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и от этого обычая теряют больше всего именно евреи, потому что, в конце концов, создается такое впечатление, будто и само имя «еврей» есть непечатное слово».

Почему я, по размышлении, принялся за эту тему? Потому, что не упорядочив наши мысли в этом вопросе, мы так и будем тыкаться, как слепые щенята, в углы экономики и политики. Вместо выхода из кризиса по тому узкому коридору, что нам остался, мы будем пребывать в беспорядочном броуновском движении. Что толку спорить о том, надо или не надо тратить все с кровью собранные деньги на спасение банковской системы, если забывается, что это — еврейский вопрос? Об этом заявили сами «олигархи».

Почему я посчитал, что, взявшись за эту тему, я смогу протянуть ниточку хотя бы неявного диалога с евреями? Потому, что после долгого копания в самом себе я пришел к выводу, что я — не антисемит. Иначе бы не взялся. Конечно, никто не даст мне справки с печатью, и я объясню мой вывод.

Я не потому не антисемит, что имею друзей-евреев и люблю их. Это к делу не относится никак. Можно быть отъявленным расистом и влюбиться в мулатку. Да у меня, похоже, и нет уже друзей-евреев, я с ними разошелся в октябре 1993 г. А когда я с ними дружил, то любил их за их ум и нрав, а вовсе не за особые еврейские черты. Критерий «дружить с евреем» или «влюбиться в мулатку» верен для больших чисел, и по этому критерию русские — не антисемиты, это факт. Но я говорю о себе лично, и социология тут бессильна.

Наоборот, глупо считать антисемитом того, кто не любит особые еврейские черты и привычки, кому противна фаршированная щука. Это — обычная «неприязнь к иному», обычный этноцентризм, который необходим для сохранения народов. Не будь этой подсознательной неприязни и отчужденности, все народы и культуры слились бы в один муравейник, все бы мы стали «приятно смуглявыми», и человечество угасло бы, потеряв разнообразие.

Так почему же я — не антисемит? Потому что, по мне, евреи — один из важных и необходимых корней России. И я не желаю, чтобы он засох из-за манипуляций Гусинского. Русский ум и взгляд — неповторимый плод культуры. Он воз-

ник и окреп в непрерывном диалоге и борьбе с еврейским умом и взглядом.

А.Межиров, «из еврейства», так сказал о наших двух народах:

Они всегда, как в зеркале, друг в друге
Отражены. И друг от друга прочь
Бегут. И возвращаются в испуге,
Которого не в силах превозмочь.
Единые и в святости, и в свинстве,
Не могут друг без друга там и тут
И в непреодолимом двуединстве
Друг друга прославляют и клянут.

Об этом двуединстве много думал В.В.Розанов, который самых рьяных «охотников на антисемитов» приводит в замешательство — то ли он юдофоб, то ли юдофил. Это, кстати, очень примечательно: как раз о выразителях сокровенных глубин русского духа евреи затрудняются сказать — антисемит или юдофил. Вот что пишется, например, в издаваемой в Израиле «Краткой еврейской энциклопедии» о Достоевском: «Глубокие противоречия, свойств. мировоззрению Д., приводили его одновременно и к слепой ненависти к евреям и к глубоким прозрениям, создавая в его уме образ еврейства, в к-ром карикатурные искажения сочетаются с глубоким пониманием экзистенциальных особенностей еврейского народа и его истории».

В.В.Розанов не исходил ни из какой установки, он просто писал о том, что видел — без антисемитизма и юдофилии. И он, между прочим, написал, выделив курсивом: «Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или над ленивым русским. Это что-нибудь да значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками». Конечно, В.В.Розанов не был на концертах Хазанова и не видел евреев новой формации, конца XX века, на вершине их власти в России. Но власть — дело временное, и она лишь

прикрывает то, о чем говорил В.В.Розанов. Впрочем, раз прикрывает, об этом можно пока и не говорить (но иметь в виду). Есть другие, явные вещи.

Кафка в одной из своих талмудических притч сказал: «Из настоящего противника в тебя вливается безграничное мужество». Русский дух всегда имел рядом, в рукопашной, как раз такого противника с равноценным мессианским накалом, русский дух «отталкивался» от иудейства. Иудей — это не добродушный немец с пивной кружкой. О немце не напишешь «Слово о Законе и Благодати».

За последние сто лет еврейский ум — важная часть культуры России, он соединен с русским умом по принципу дополнительности, как в симбиозе, а не в паразитизме. Вот случай из моей жизни. В 70-е годы возник глупый всеобщий энтузиазм в виде НОТ. И приходит ко мне старый еврей из большого отраслевого НИИ — зав. отделом НОТ. Он читал мои работы по социологии и позвал меня обследовать его НИИ. Я увлекся, составил программу, были в ней даже находки. Стали думать, как организовать работу, я сделал план, он согласился. Надо идти к директору НИИ, утверждать. Я, говорю, изложу ему план, а вы поддержите. Он замахал на меня руками: что вы, что вы, сидите уж и молчите.

Приходим к директору — нормальный мужик, программу одобрил. Стал ему мой покровитель излагать план действий, и я с ужасом слышу, что он порет дикую чушь, какой-то глупейший бред — от нашего имени. Поморщился директор, как от зубной боли, и говорит: «Вы, Евсей Соломонович, опытный работник, а такие глупости говорите. А дело-то несложное. Вот так надо делать,» — и он изложил в точности наш план. Евсей Соломонович заюлил: «Простите, Павел Васильевич, не додумали мы. Ведь верно, верно вы предложили, так мы и сделаем». Муторно мне было и жалко директора, но старик мне сказал: «Надо думать о деле, а не о престиже. Предложи мы нормальный план — любой директор его бы исковеркал».

Возможно, православный человек скажет, что лучше вообще не делать никакого дела, чем пользоваться такими методами. Так-то так, но все же иногда и дело делать надо. Научиться методам Евсея Соломоновича я не смог и не смогу — а в паре мог бы работать, пока милый мой Павел Васильевич, умный мужик и толковый химик, остается самодуром. А может ли он не быть самодуром? Ответ не очевиден.

Где ни копнешь, близ Павла Васильевича есть такой толковый Евсей Соломонович со своим складом ума. Так что дело не только в Канторовиче и Зельдовиче, но и в армии таких безвестных тружеников. В годы перестройки я по службе имел дело с одним криминалистом, он прошел весь путь от рядового оперативника до крупного специалиста по организованной преступности. Каждая мало-мальски солидная банда — рассказывал он — имеет консультанта-еврея. Хоть какого-нибудь пенсионера, плановика или бухгалтера. Любое дело обсуждают с ним, слушают уважительно. Он советует скромно, сослагательно: «Не знаю, не знаю. Я бы сделал вот так...».

И не только эта гибкость еврейского ума нужна как особая нить в ткани российской рациональности. Нужна и ее обратная сторона — логическая жесткость. Талант русского ума поражает и восхищает, но когда речь идет о деле среднего размера, руки от этого таланта опускаются. Только о деле заговоришь, русский ум взмывает ввысь, из среднего дела выклеивается фундаментальное умозаключение, в котором подспудно есть и этика, и красота, и мистика. Когда рядом есть еврей, он загоняет это парение в рамки дисциплины. Он надсмотрщик логики. Неприятно, но необходимо.

Думаю, позволительно вспомнить Ницше. Он, правда, недолюбливал евреев, да зато они его любят, так что цитировать его можно. Ницше, говоря о роли евреев в культуре Запада, объясняет, почему ученые, вышедшие из семьи протестантских священников и учителей, в своем мышлении не доходили до полного рационализма: «Они основательно привыкли к тому, что им верят, — у их отцов это было «ремес-

лом»! Еврей, напротив, сообразно кругу занятий и прошлому своего народа как раз меньше всего привык к тому, чтобы ему верили: взгляните с этой точки зрения на еврейских ученых — они все возлагают большие надежды на логику, стало быть, на принуждение к согласию посредством доводов; они знают, что с нею они должны победить даже там, где против них налицо расовая и классовая ненависть, где им неохотно верят. Ведь нет ничего демократичнее логики: для нее все на одно лицо, и даже кривые носы она принимает за прямые».

Конечно, и еврейство не приобрело бы его нынешней силы, если бы не росло, «обнявшись с русскими».

Еврейский ум на русской почве
Обрел подобие души...

Ведь не дряблым потомкам французских рантье, растворившимся в гражданском обществе, было дано создать государство Израиль. Это делали выросшие на державности, на духовном хлебе России Моше Даян и Голда Меир. Именно истощения связи с Россией и боятся сионисты того поколения:

Потомок богоизбранных евреев,
Питомец я России мессианской...

Впрочем, признавать это или нет — дело самих евреев, а мы поговорим о себе. Иметь дело с «настоящим противником» непросто и опасно. Если зазеваешься, он может тебя и придушить. Вопрос в том, настолько ли ты ослаб, чтобы желать «освободиться» от противника. Иными словами, сегодня антисемит тот, кто желал бы полного Исхода евреев из России, именно «чтобы и духу их здесь не было», — как молили об Исходе египтяне, радуясь даже тому, что евреи их при этом обобрали. Я этого не желаю, особенно чтобы обобрали. Я именно хочу, чтобы еврейский дух и ум были в России, продолжали со мной и диалог, и борьбу.

Я не считаю, что мы сегодня настолько ослабли, что при этом диалоге и борьбе не выживем, что мы нуждаемся в стерильных условиях. Не говоря уж о том, что надежды устроить такие стерильные условия через исход евреев — иллюзия. Какая разница, управляют ли Гусинский НТВ, а Сорос финансовыми спекуляциями из своих московских квартир или из Парижа? Но даже не в этой «технической» проблеме дело. Главное — понять, почему же в России нет антисемитизма. А его нет, как ни старайся.

Русские голосуют за еврея Жириновского и еврея Явлинского, а докажи кто-нибудь, что и Лужков еврей — все равно будут за него голосовать. Они радостно хохочут самым диким антирусским шуткам Хазанова: «Во дает!». У Хазанова уже глаза страдающие — ничем не может русских разозлить, ведь это драма для артиста. Да что говорить, русские всего лишь вежливо, но равнодушно выслушивают жалобы наших любимых писателей на русофобию еврейских борзописцев. «Спор о Сионе» и дочитать никто до конца не может, а если и дочитает, то через неделю все забудет — не трогает, все это и так знают. И ведь нет тут никакой апатии, никакой бесчувственности.

Напротив, комментарии, которые слышишь на улице, в очереди, в электричке, удивительно практичны и рассудительны. О телевидении скажут: «Что-то евреи распоясались, совсем чувство меры потеряли». Во время кампании против А.М.Макашова — еще глубокомысленнее: «Чего это они так развопились? Видно, где-то им на хвост наступили». И во всем этом — никакого антисемитизма (может быть, лишь грубость — в зависимости от состава собеседников). Никакого желания «изжить евреев». Только «окоротить» их, если «чувство меры потеряли».

Что за этим стоит? Видимо, неосознанное чувство, что евреи — это порождение самой России. Ее не всегда приятный, но неизбежный и необходимый продукт. Избавиться от него нельзя, да этого глупо и желать. Уедут, допустим, все евреи — завтра они сами зародятся в России, как перешла

в иудаизм какая-то деревня в Воронежской области или как русский философ В.С.Соловьев (почти перешел в иудаизм). Таков уж артистизм русских — что где увидят, все у себя порождают, да еще в преувеличенном виде. Так входят в роль, что переплюнут образец.

Кроме того, Россия — сложная и целостная цивилизация, которая последние два века росла, своими силами покрывая все социальные функции. Раз евреи встроились в эту сложную систему, устранить их уже невозможно. Тут можно привести аналогию с муравьями. В каждом муравейнике в строго заданной пропорции разделяются рабочие и боевые муравьи, у них разные повадки и даже строение тела. Если выловить всех муравьев одного сословия, то через какое-то время оно вновь появляется и достигает той же заданной пропорции.

Евреи и стали в России подобием «сословия», так что когда кто-то мечтает «окоротить» их, речь идет вовсе не о национальном противоречии. Сами же евреи любят говорить о себе, как о «дрожжах». Пусть так, дрожжи нужны. Но ведь нельзя же допускать, чтобы тесто перекисло. Так что антисемитизм — тупиковый путь. Стремиться надо к «экологическому равновесию».

ЕДИНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ИЗРАИЛЯ

Я, кроме того, знаю, что «противник» не монолитен, и та его часть, что желает или допускает из корысти удушения России,— малая часть евреев. Малая, хотя и влиятельная. Антисемит, который превращает евреев в монолит, есть искренний и бесплатный помощник «душителей». Вспомню В.В.Розанова, который в момент революции так сказал о внутреннем разделении евреев: «Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства, может быть, и думают «в целом руководить потом Россией», то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского мужика (идеализированного) и ремесленника и вообще (тоже идеализированно-

го) сироту». Так что есть магнаты еврейства — и есть советские «бедные жидки», которые даже своим магнатам нас не уступят (хотя их, конечно, поубавилось со времен Розанова). И разговаривать надо и с теми, и с другими.

Тут, кстати, встает трудная задача — как же назвать это влиятельное меньшинство в еврействе, этих «магнатов»? Как же подчеркнуть при этом, что речь не идет о евреях как народе? Каждая такая попытка вызывает шумную кампанию политиканов — как и сегодня. Ее пугается не только обыватель, но и «системная оппозиция». Она наперебой объясняет всем раввинам и послам, что «осудила высказывания Макашова», косвенно признавая тем самым, что эти высказывания содержат антисемитизм. Но ведь это неверно. А.М.Макашов употребил грубое слово «жиды» именно с целью отделить это меньшинство от евреев как народа. Стыдно должно быть тем образованным политикам и их прислужникам, которые делают вид, будто этого не понимают.

Отвлекаюсь немного на этот инцидент, пусть это и побочный вопрос. А.М.Макашов, хотя и говорил импульсивно, очень четко очертил объект — именно потому, что он в своем типично советском взгляде чужд антисемитизма. Во-первых, он предупредил, что говорит о «жидах», о меньшинстве «магнатов-душителей», — добавив: «а настоящие евреи с нами». Да и само понятие «жид» имело у А.М.Макашова социальную, а не национальную окраску (можно говорить лишь о национальном оттенке — ввиду этнического состава нынешних «магнатов»). Он говорил: «Основные богатства, созданные трудом всего населения СССР, перетекали в руки жидов-кровососов, из которых четыре пятых — евреи по национальности». То есть, как минимум одна пятая жидов в России, по его мнению, — не евреи.

Во-вторых, в словах А.М.Макашова не было никакой агрессии даже по отношению к «жидам». Он лишь предупредил, что если его и его соратников будут убивать (как убили Рохлина — кстати, говорят, еврея), то они «утянут с собой в могилу» с десятков этих «жидов». По списку, значит, очень не-

много, «око за око». Тут и речи нет о том, чтобы идти «бить жидов». Речь лишь о том, чтобы «утянуть с собой» жидов, которые тебя придут убивать. Неужели и «убивающего меня» нельзя пальцем тронуть, если он с высокой вероятностью может оказаться евреем?

Наконец, в сумбурной перепалке с провокатором с НТВ Лобковым (надеюсь, что каждый логически мыслящий человек признает, что Лобков, приставая к Макашову и издеваясь над ним, вел себя как хладнокровный и злорадствующий хулиган-провокактор) А.М.Макашов выразил важную установку. Узнав, что Лобков — русский, он сказал, что бессовестный русский, конечно, хуже честного еврея. Значит, ни в высказываниях (ни, полагаю, в мыслях) А.М.Макашова не было и намека на антисемитизм и «расизм», то есть на утверждение генетического превосходства одной нации над другой. Критерием оценки для А.М.Макашова является не национальность, не кровь, а совесть: честный еврей лучше нечестного русского.

Сравните это, например, с таким афоризмом Арона Гуревича, который в западной прессе отрекомендован как «известный на Западе историк, член Академии наук»: «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба». Этот афоризм приводит, как авторитетную оценку, виднейший испанский поэт Хосе Агустин Гойтисоло. Арона Гуревича я не читал, но он почему-то считается на Западе главным знатоком истории России — на него ссылаются в своих монографиях самые уважаемые историки. В его афоризме как раз содержится чистый расизм, поскольку отрицательная черта («ментальность раба») приписывается каждому русскому, как некоторое биологически присущее всем русским качество.

Я не для того это привел, чтобы огрызнуться: мол, «сами вы русофобы». Из сравнения, думаю, видно, что взгляды А.М.Макашова и А.Гуревича структурно различны. Те, кто замазывает это различие — или извиняясь за А.М.Макашова, или «защищая» его контратакой на русофобию, объективно помогают провокаторам.

Вообще, сама возможность устроить шумную кампанию по поводу слова «жид» говорит о прискорбном снижении уровня общественного сознания. Как легко стало подменять важную суть самыми ничтожными мелочами. Ну какое вообще отношение имеет слово «жид» к национализму или расизму? Сами же евреи, ругаясь, обзывают друг друга жидами — они что, антисемиты? Как не стыдно интеллигенции клеветать на такую жеваную приманку?

Во дворе большого дома, где я жил в детстве, верховодил еврей. Он жил в полуподвале, бросил школу и промышлял мотоциклами, был не вполне законопослушен. Нисколько не скрывая и не стесняясь своего еврейства, он врос в русскую хулиганскую среду. Я с ним общался — двор есть двор, к тому же я с детства увлекался мотоциклом. В нашем доме жил известный медик, родственник С.Я.Маршака. Его арестовали по «делу врачей». Потом он появился и как-то шел мимо нас к подъезду. Наш «атаман» спросил его: «Что, жид, отпустили?» Тот пристально посмотрел на хулигана, ничего не сказал и прошел в подъезд.

Мне было противно, и я спросил: «Почему ты его обозвал? Ведь ты сам еврей». Он выругался и сказал, что одно дело «жиды», а другое «евреи». Тогда я ничего не понял, подумал, что в нем просто говорит злость человека из полуподвала. Сейчас, уже по нынешним книгам, я вижу, что довольно темное «дело врачей» было использовано в еврейской среде для создания сильнейшего психоза (историк М.Гефтер даже считал то дело «пороговым» явлением). Судя по поведению «еврея из низов», далеко не все евреи были довольны этими действиями своих «верхов».

Конечно, евреи сейчас не видят для себя никакой реальной опасности, защитой от которой могла бы быть солидарность с русскими, но ведь плевать в колодец, из которого ты пил еще вчера, — свинство. А свинство рано или поздно выходит боком. Старые евреи, помнящие войну и немцев, могут представить в своем воображении такую сцену: они убегают от немцев и стучатся в окна чужих домов с просьбой

спасти их. Из одного окна выглядывает грубиян Макашов, из другого — сладкоречивый антикоммунист Сванидзе. Как ни крути, а всем ясно, что Макашов спрячет «жида» в своем погребке и, если не повезет, пойдет за него на виселицу. А Сванидзе — целуя еврея и обливаясь слезами — сдаст его в комендатуру (именно такой образ Сванидзе сам себе выстроил на телеэкране).

Кстати, раз уж разговор пошел о фашистах и слове «жид», вспомню еще эпизод из личного опыта. В 1961 г. я лежал в больнице с гепатитом. Хорошее дело — ничего не болит, лежишь и отдыхаешь. Палата была большая, и по очереди кто-то что-то рассказывал. Лежал у нас молодой пожарный, а рядом с ним — технолог с Московского мясокомбината, еврей. Пожарный рассказывал про свою жизнь. Родом он был из белорусской деревни, ее немцы сожгли, а его забрали партизаны. Вышло это, как он выразился, «из-за жидов». Они убегали из города от немцев, пришли вечером, под дождем. Их спрятали. Соседи сообщили, немцы приехали, расстреляли взрослых и сожгли избу. Из леса в ту же ночь пришли партизаны, расстреляли соседей и сожгли их избу. Назавтра приехали немцы — и так всю деревню погубили «с двух сторон». Технолог слушал с интересом и сделал только замечание: «Нехорошо говорить «жиды», это евреям обидно». Пожарный согласился: «Это я по привычке. Так у нас евреев называли, я вас обидеть не хотел». Вопрос: считают ли евреи этого пожарного антисемитом? Он ведь и сегодня может по привычке это слово сказать.

Вот я и хочу обратиться к тому большинству и еврейских, и русских интеллигентов, которые, тайком ненавидя и боясь «магнатов еврейства» и их лобковых, вдруг оказались вместе с ними, возмущившись словом «жид» у А.М.Макашова. Что же их возмутило? Что не сумел А.М.Макашов ловко и ни для кого не обидно решить проблему различения «магнатов» и остальных евреев? Но разве эта проблема проста?

Здесь я тоже прибегну к сравнению. В издательстве «Наука», самом нашем академическом, вышла в 1994 г. книга «Рус-

ская идея и евреи: роковой спор». На обложке подзаголовок: «Христианство — антисемитизм — национализм». То есть, авторы ставят вопрос фундаментально, дальше некуда. Первый раздел называется «Религиозная судьба России и Израиль» (под Израилем понимается не государство, а еврейство вообще). В этом разделе в качестве духовного противника антисемитизма выступает протоирей Сергей Булгаков, здесь напечатан его труд «Гонения на Израиль (Догматический очерк)», написанный в 1942 г.

Составители этой книги — самые радикальные и непримиримые противники «красно-коричневых», сатанизирующие их примерно так же, как западная пресса сатанизировала сербов во время войны в Боснии. Достаточно сказать, что они всецело на стороне тех, кто расстрелял из танков парламент в 1993 г. А те, кто погибал от танковых снарядов («сторонники путча октября 1993 г.»), для них просто вне закона и морали. То есть, их признание о. Сергия Булгакова противником антисемитизма есть оценка высшая, непрекаемая — оценка фундаменталистов. Засвидетельствовать почтение к Булгакову приходил на посвященные ему конференции даже очень авторитетный среди еврейской интеллигенции Е.З.Майминас.

С.Булгаков, великий русский мыслитель, конечно же, выше антисемитизма. Но он же жил не в вакууме! Как же он решил ту проблему, что встала перед А.М.Макашовым, — с вершины своего знания и своей мудрости, признанных еврейской элитой?

Как он ее решил, видно из его воспоминаний о февральской революции: «Я... знал сердцем, как там, в центре революции, ненавидели именно Царя, как там хотели не конституции, а именно свержения Царя, какие жида там давали направление». Слово «жида» выделено самим С.Н.Булгаковым, его он употребляет не раз.

Составители книги «Русская идея и евреи» говорят о русских и о Православии как победители, наступившие на грудь лежащему врагу. Возможно, это объясняет ту смелость, с ко-

торой они опубликовали труд С.Н.Булгакова. Дело в том, что С.Н.Булгаков с большой проникновенностью поставил тот самый вопрос, над которым мы бьемся,— о «разделении и единстве» Израиля, о том, что в нем скрыт и жизненно важный корень России, и ее удушение. Ведь если бы «жиды» и «евреи» легко разделялись, то не было бы и трудностей. Спиноза хороший — Шейлок плохой, Маркс хороший — Троцкий плохой (таким простым разделением соблазняют видные деятели КПРФ А.Фролов в «Советской России» от 17 ноября 1998 г. в статье «Хабиру» и Ю.Белов в статье «Необычная война» от 10 декабря 1998 г.).

С.Н.Булгаков связал самое острое противоречие, которое мы наблюдаем в нашей современной жизни, с религиозной подосновой этой жизни. Тем самым он вывел проблему из ложной формы конфликта крови, расы, национальности (то же сделал А.М.Макашов в приземленных, грубо-житейских выражениях). Если бы С.Н.Булгаков был только религиозным мыслителем, только о. Сергием, труд его был бы чисто богословским. Но он был и общественным деятелем, одним из духовных творцов современности, так что связь религии с земной жизнью в его труде есть для многих из нас наставление. Вчитаемся в большую выдержку из этого труда:

«И самой таинственной стороной из судеб Израиля остается именно его единство. Благодаря ему вина одной лишь его части, его вождей, является судьбой для всего народа, и эта часть говорит от лица своего народа, призывая на себя проклятие христубийства и христорбчества. Но это же единство имеет для себя и другую, положительную сторону: весь Израиль спасется силою спасения его «святого остатка», хотя до времени этот остаток и сокрыт в Израиле отпадением. Таким он и ныне предстоит пред лицом мира. В теперешнем его состоянии его самосознание вырождается в еврейский расизм, национальное идолопоклонство, завистливую пародию на который представляет собой расизм германский...

Образ Израиля в этом состоянии является роковым и страшным. С одной стороны, он является гонимым именно

со стороны христианских народов, причем это гонение принимает время от времени жестокие и бурные формы — преследования и ненависти до истребления, таковы еврейские погромы даже до сего дня, а с другой стороны, он сам остается явным или тайным гонителем Христа и христианства, до прямого и лютого преследования его, как в России. Но то и другое есть еще не самая тяжелая сторона в его судьбе. Худшая же заключается в том, что отвергший Христа Израиль вооружается орудием князя мира сего, занимает его престол. Вся неодолимость стихии еврейства, его одаренность и сила, будучи направленными к земному владычеству, выражается в культе золотого тельца, ведомого ему изначально в качестве ветхозаветного искушения еще у подножия Синая. Власть денег, мамона являются всемирной властью еврейства. Этот неоспоримый факт не противоречит тому, что значительная, даже большая часть еврейства и доньше пребывает в глубокой нищете...»

Вот это единство и разделение Израиля, это упоение «всемирной властью еврейства», особенно в момент, когда «Россия лежит, всеми плюнутая, в грязи», и составляют главную трудность для диалога. Еврей-патриоты России не могут «сдать» Гусинского и потому молчат. Но они же здесь, среди нас.

В советское время обо все этом не говорили — не ворошили. Может быть, это и правильно в таких делах. Сегодня мы идем к разумному диалогу очень трудно. С одной стороны — крик о русском антисемитизме, с другой — попытки соединить национализм с марксизмом. Вот та статья А.Фролова под названием «Хабиру», которую я упомянул выше. Это документ, в котором вся первая часть является откровенно антиеврейской, но пафос второй части — выговор воображаемым русским антисемитам.

Главные установки статьи мне кажутся неверными. Хабиру — значит «пришельцы, чужеземцы, разбойники». А.Фролов утверждает, что отсюда и произошло само слово «евреи». То есть, уже с заглавия автор берет не спокойный, а агрес-

сивный тон. Куда наносит он удары и каков может быть результат? На мой взгляд, удары наносятся по самосознанию русских как народа; по православию; по русским как антисемитам и «черносотенцам». Кроме того, удар наносится по здравому смыслу. Все это — в оболочке стерильного, лабораторного антисемитизма, который должен привлечь читателя (якобы в душе антисемита). Выпишем содержательные тезисы статьи А.Фролова.

1. Евреи (хабиру) — вненациональная разбойничья корпорация. Сами они не являлись народом. Их история состоит из разбоя, массовых убийств и сексуальных извращений, другого у них не было. Главное для собирания евреев — не чистота крови, не этническое происхождение, а принадлежность к определенной идеологии, иудейскому вероисповеданию.

2. Евреям принадлежит «честь» изобретения геноцида не как средства борьбы за существование, а как особой идеологии. В доисторические времена они проводили крупномасштабный геноцид на практике. Но существует закон исторического возмездия, который действует объективно и неотвратимо.

3. Евреев надо строго отличать от иудеев (израилитов). Эти — настоящий народ. Сегодня евреи и иудеи смешаны, но ни в коем случае (!) между собой не совпадают. Еврейство включает в себя как иудеев, так и неиудеев, равно как и среди иудеев попадают евреи.

Спрашивается, как можно их «строго отличать», если главное для собирания евреев — иудейское вероисповедание? Не надо ломать над этим голову, эти странности, вольно или невольно, построены по образцу, который разработан именно для нагнетания антисемитизма в интересах т.н. «сионистов». Реальные современные противоречия в отношениях с евреями никак не связаны ни с историей двухтысячелетней давности, ни с доисторическими преданиями. В чьих интересах мистификация этих реальных противоречий? Никак не в интересах русских, и тем более трудящихся.

Известно, что в России антисемитизма нет, и его сейчас пытаются создать. По тем же образцам, что и на Западе. Статья А.Фролова с его седыми преданиями о «хабиру» — из той же серии. Даже если бы в этом предании был какой-нибудь современный смысл, никакой практической пользы для политики из него вывести нельзя. Разделить еврейство на иудеев и евреев невозможно, сам А.Фролов никаких критериев не предлагает. Концепция деления еврейства на «евреев» и «иудеев» окончательно запутывается тем, что, по А.Фролову, «Гитлер, Гиммлер и Эйхман — те же самые хабиру». Даже идея Ю.Мукина называть хороших евреев «евреями», а плохих «жидами» более безобидна, чем «хабирология» А.Фролова.

Никакой разумный еврей этой постановки вопроса, думаю, не примет. По сути, вся эта теория А.Фролова, приводящая к подсказанной, как он утверждает, его учителем М.А.Лифшицем идее исторического возмездия, есть провокация против евреев. Предложение снабдить музеи холокоста цитатами из Ветхого завета, напоминающими о жестокости евреев-хабиру, выходит за всякие приемлемые рамки. Результат таких акций известен: сплочение евреев сионистами и навешивание ярлыка антисемитизма на «страну пребывания», здесь — на русских.

Замечу, что то описание «хабиру», которое дает А.Фролов, может быть перенесено и на русских. Русский народ, как и евреи, обладает мессианским религиозным сознанием. Это народ-«богоносец», а Россия — богоизбранная земля (святая Русь). Как и «хабиру» в изложении А.Фролова, русские собирались не по чистоте крови, а на духовной основе. Как и «хабиру», русские все время были в пути (по словам Ключева, «Россия — избяной обоз»). Эти три качества, три особенности, у А.Фролова выглядят как свойства, предопределяющие какой-то античеловеческий тип народа. Но ведь это совсем не так. Значит, не в этих особенностях дело.

Вернемся к тезисам статьи А.Фролова.

4. Современный Запад — новая версия евреев-хабиру. Протестанты-пуритане — их двойники-преемники. Учение о предопределенности — точный аналог еврейской идеи богоизбранности.

Все это — немыслимые натяжки. Сказать, что пуритане это двойники того образа хабиру, что нарисовал А.Фролов (разбойники, убийцы и сексуальные извращенцы), — абсурд. Связь протестантизма с Ветхим заветом известна, но это связь тонкая и сложная. Когда зерно истины раздувается сверх меры, оно превращается в подлог. Идеолог, который взвешивает явления фальшивыми гирями, хочет он того или нет, становится провокатором. Если КПРФ примет такую трактовку современного Запада, которая вытекает из тезиса А.Фролова, она себя изолирует от большинства здравомыслящих людей и на Западе, и в России.

Вообще, идея Лифшица-Фролова о законности «исторического возмездия» даже за доисторические деяния сразу ведет к логическому выводу: КПРФ несет полную ответственность за невинные жертвы коммунистов, погибшие совсем недавно, в 30-е годы. И почему, если к евреям-хабиру причисляются Гитлер и Гиммлер, нельзя коммунистов ассоциировать с фашистами, как это делает на телевидении какой-нибудь Сванидзе? КПРФ как рациональная, коммунистическая партия отвергает демагогические приемы Сванидзе в принципе, как преступную манипуляцию сознанием, а не потому, что он обижает именно КПРФ. Но ведь подход А.Фролова совершенно аналогичен методу Сванидзе.

Вот еще тезис А.Фролова:

5. Сионизм — явление чисто классовое, лишь замаскированное «маской иудейского национализма». В статье есть даже претензия вскрыть классовые корни сионизма.

Противореча сам себе, А.Фролов одновременно пишет: «Сионизм есть именно наследник ветхозаветного еврейства, эксплуатирующий в своих целях национальные чувства иудеев. Для него иудейство — лишь инструмент, от которого он легко может в случае надобности отказаться».

Это — нагромождение неверных утверждений. Во-первых, сионизм — радикальный противник «ветхозаветного еврейства» (которое в крайнем виде представлено хасидами, категорическими противниками создания государства Израиль — это государство должно было быть создано вместе с восстановлением Храма лишь по пришествии мессии). Сионизм — модернизаторское течение в еврействе, враждебное традиционной еврейской религиозной общине.

Во-вторых, в терминах классовой борьбы сионизм в основном исторически есть течение социалистическое. Более того, сионистская компартия Поалей Цион настойчиво пыталась вступить в Коминтерн, но была отвергнута потому, что не пожелала отказаться от еврейского национализма. То есть, сионизм — разновидность националистического социализма. Первый этап деятельности сионистов — создание в Палестине кооперативов (кибуцев) коммунистического типа, с полным запретом собственности и даже семейного питания (с кибуцев в 1929 г. была «срисована» модель колхозов, которая привела к катастрофе на первом этапе коллективизации). Главная сионистская партия — Партия труда Израиля, лидерами которой были виднейшие сионисты (Бен-Гурион, Голда Меир, Ицхак Рабин и др.), с 1951 г. входит в Социалистический интернационал. Эта партия вобрала в себя марксистскую партию Поалей Цион. Из чего же следует, что сионисты — хабиру, а Маркс, наоборот, хороший иудей?

В третьих, из чего видно, что сионизм есть течение чисто социальное, что оно лишь носит маску национализма и в любой момент готово пожертвовать интересами еврейства? Никаких оснований для такого утверждения столетняя история сионизма не дает. Даже ООН квалифицировала сионизм как крайнюю форму национализма. Интересно, А.Фролов и нацизм считает чисто классовым явлением?

Скорее всего, в вопросе о сионизме А.Фролов с какой-то целью душит читателей. Даже если он это делает с хорошей целью, результатом становится беззащитность одураченного читателя перед манипуляцией его сознанием.

6. А.Фролов представляет Ветхий Завет как текст, возмечивающий зверские преступления «хабиру». Тем самым он вступает в непримиримый конфликт с христианством, для которого Ветхий Завет — священная книга.

В политической демагогии нередко использование мест из Библии как понятных метафор. Иногда невозможно избежать дискуссии на этом поле, но желательнее при этом выражать свою неприязнь к такому использованию Библии (особенно если она представлена в плохом свете). Нападение А.Фролова на Ветхий Завет столь же незаконно, как незаконно и антирелигиозно было уподобление СССР «Египту», сделанное главным раввином Москвы, исходя из Талмуда (Каббалы), для оправдания разрушения СССР.

Религиозный текст нельзя трактовать как текст исторический, он весь — иносказание. А.Фролов использует даже числа, приведенные в Библии: «Суммирование числа человеческих жертв, упомянутых в Ветхом Завете, рождает смешанное чувство отвращения и недоверия». Невероятное для коммуниста признание. Надо же, числа из Библии у него «рождают недоверие»! А то, что мир был создан 7 тысяч лет назад, у А.Фролова недоверия не вызывает? Число в религиозном тексте не имеет никакой связи с числом физическим — зачем же деятелю КПРФ, которая декларирует уважение к религии, делать такие заявления?

Далее от обличения «хабиру» А.Фролов переходит к борьбе с «черносотенной, фашистской и тому подобной идеологической заразой». Здесь — главный смысловой центр статьи. Сказки про «хабиру» объективно служат приманкой для выполнения той задачи, что в теории манипуляции сознанием называется «захват аудитории». Но об этом поговорим ниже.

В общем, создавать сегодня основу для диалога трудно. Но упускать шанс нельзя, и я выскажу ряд тезисов — хотя бы они и выглядели монологом. Чтобы уйти от ненужной ругани и легких деланных обид, я буду ссылаться только на надежно установленные, признанные видными еврейскими авторите-

тами факты и данные. Что-то я нахожу сам, что-то почерпну из основательных и кропотливых изысканий В.В.Кожина, который не только проявил в них высокую научную взыскательность, но и действительно имел диалог с видными деятелями современного сионизма.

Понятно, что разговор такого рода не может блистать острым словечком и кому-то покажется занудливым. Но я думаю, что именно такой разговор нам очень нужен.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?

Начиная диалог с радикальными представителями еврейства, мы должны сначала осмыслить их первые заявления о России. Не будем трогать гротескные фигуры вроде Новодворской. Возьмем сугубо академическое издание — упомянутую книгу «Русская идея и евреи» (1994), выпущенную небывалым для издательства «Наука» тиражом в 15 тыс. экземпляров.

Первое, что бросается в глаза, это как раз уход от всякого диалога. В этой книге все оригинальные работы собраны в раздел «Христианство после Освенцима и ГУЛАГа». Здесь много говорится о Православии, но не дано слова ни одному православному священнику или писателю. Авторы — польский ксендз, еврейский богослов, историк Талмуда (христианин неизвестной конфессии), писательница из диссидентов и историк западной науки XVI века. Возможно, православных и приглашали, но те, прочитав, что написано их соавторами, отказались. Итак, каковы же главные мысли?

Первая из них в том, что христианство по сути своей есть антисемитизм и юдофобия. Корень зла — в христианстве.

Эта мысль настолько непреклонна, что христианство представлено почти как непосредственная причина Холокоста (уничтожения евреев нацистами). Вот что мы читаем:

«Христианские теологи впервые задумываются над темой «антииудаизм в Новом Завете». Они обнаруживают юдофоб-

ский потенциал Нового Завета — потенциал, который сполна реализовался в истории Церкви».

«В евангелии Матфея мы находим... пароль христианского антисемитизма: «Весь народ сказал: пусть кровь Его будет на нас и на детях наших» (27:25). Что же касается евангелия Иоанна, то в нем есть текст, ставший ключевым для христианского варианта идеи жидо-масонского заговора».

«Сегодня Освенцим надвигается на нас, как суд над самим христианством... Не будь юдофобии в самом христианстве, Освенцим был бы невозможен в сердце христианской Европы... Неспособность христиан противостоять нацистской юдофобии была обусловлена юдофобией целого ряда христианских святых, в том числе Иоанна Златоуста, Августина, Фомы Аквинского и Мартина Лютера».

Не будучи религиозным человеком, я все же скажу, что подобная прямая увязка социальных процессов XX века с Новым Заветом или Иоанном Златоустом — невиданная профанация религии. Тем более когда речь идет о Западной Европе, где, как давным-давно сказал Ницше, «Бог умер». Об атрофии «естественного религиозного органа» в среднем человеке буржуазного общества много писали богословы и историки культуры — к чему же обвинять христианство? Европейец давно уже не выводит из него свои политические и социальные идеи.

И потом, почему же христиане Европы виновны, что не пошли на смерть, защищая евреев, если сами евреи не стали защищать ни друг друга, ни даже свои семьи? Ведь нацистам не стоило ни капли крови собрать и уничтожить, как говорят, 6 миллионов евреев. Это было бы невозможно, если бы среди них возникла хоть какая-то воля к сопротивлению. Восстание в Варшавском гетто — единичный и в масштабах мировой бойни небольшой эпизод.

Более того, Э.Фромм в своей известной книге «Анатомия человеческой деструктивности», подробно цитируя исследование Б.Беттельхайма о поведении разных групп людей в нацистских концлагерях, говорит о том, что именно «аполитич-

ные заключенные из среднего класса (особенно евреи)» вели себя несолидарно и были пособниками СС: «Они принимали все слова и действия СС как совершенно законные и возражали только против того, что они сами стали жертвами; а преследования других они считали вполне справедливыми».

Но все же книга посвящена русской идее. При чем здесь христианство Запада? Отделяющие евреев от христиан постановления Латеранского собора (1215 г.), которые не раз упоминаются в книге, были приняты после полного разрыва Запада с Православием, даже после разграбления Византии крестоносцами. Но по контексту книги выходит, что все равно русские виноваты. А ведь православные христиане и их сыновья дали отпор Гитлеру, спасли значительную часть евреев от Холокоста, освободили Освенцим. Как это ни поразительно, в книге об этом ни слова!

В целом Православие в книге представлено как бы не христианским, почти языческим, национальным (а уж его поддержка российской государственности в советский период трактуется как «сотрудничество с палачами»). Один из авторов пишет: «Я думаю, что наше православное христианство утратило характер Евангелия... Взамен этого оно стало «стержнем русской культуры»... Принеся некогда проповедь Евангелия в жертву национальной идее, Русская православная церковь по-прежнему остается верой нерассуждающих крестьян и людей, чье сознание связано с общинным менталитетом... Не уверен, что РПЦ станет той церковью, которая приблизит русский народ к пониманию христианских ценностей демократии».

Давайте остановимся на этих тезисах. Ведь они составляют идейное ядро классической западной русофобии (понятие о которой авторы книги, видимо, по незнанию, связывают с Шафаревичем). Историк-эмигрант Н.И.Ульянов пишет:

«С давних пор отшлифовался взгляд на сомнительность русского христианства, на варварство и богопротивность его обрядов, на отступничество русских, подлость их натуры, их раболепие и деспотизм, татарщину, азиатчину, и на последнее

место, которое занимает в человеческом роде презренный народ москвитов. На начало 30-х годов XIX в. падает небывалый взрыв русофобии в Европе, растущий с тех пор крещендо до самой эпохи франко-русского союза».

Упреки в том, что Православная церковь (видимо, в отличие от западной) не ведет нас к «ценностям демократии», — вообще поразительный рецидив инфантильного евроцентризма либеральной галерки прошлого века (она, по выражению Н.И.Ульянова, была уверена, что «на Западе и полиция добрее, и церковь прогрессивнее»). Связывать церковь, стоящую на догматах почти двухтысячелетней давности, с современной западной демократией, возникшей пару веков назад, просто глупо. Даже странно — где же здесь хваленая еврейская логика?

Итак, куда ни кинь, везде клин. На Западе христианство истинно, следует Новому Завету и потому оно — антисемитизм. Россия встала против Гитлера, но это потому, что Православие, будучи неистинным, сплотило народ языческой державной идеей, отказавшись от Евангелия. Здесь антисемитизм вытекает из христианства потому, что оно неистинно («национально»). То есть, в 1994 г. повторяется формула, которой В.Гроссман определил Отечественную войну: «Наше дело было неправое». Что-то во всем этом есть ненормальное. Какой-то болезненный духовный надлом.

Перейдем от христианства к русской идее в ее более широком смысле, к идее России. В упомянутой книге евреи видят мир через призму Холокоста. Ну что ж, через любую призму что-то можно увидеть, надо только честно излагать увиденное. Что же видят авторы, которые претендуют быть выразителями еврейства?

Трудно писать такие вещи, но в общем у них получается, что Холокост — порождение именно России. Если бы я не знал лично и довольно близко некоторых из этих авторов, я бы подумал, что это пишут люди, свихнувшиеся из-за невыносимого, иррационального страха, — как Лютер, которому мерещился черт. Россия, в которую собралось более полови-

ны евреев всего мира, гонимых из Западной Европы, теперь объявлена именно главной и практически единственной губительницей евреев!

Такую общую установку дал один из основателей и президент Научно-просветительского центра «Холокост» историк М.Я.Гефтер в своей книге «Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос» (1995). Звучит она так: «Холокост, взятый в своем философско-историческом и в экзистенциальном объеме,— это русская тема, это русский вопрос».

Итак, хотя евреев уничтожали в 40-х годах XX века немцы, а 3-4 века до этого все другие страны Запада, в «философско-историческом» плане виновна в этом Россия. При этом «дело Бейлиса» 1913 г. и «дело врачей» 1953 г. (оба дела без единой жертвы со стороны евреев) ставятся совершенно на одну доску с уничтожением 6 млн. евреев нацистами. Таковы гири и весы, которыми взвешивает «вину России» еврейская Фемида.

Какова логика «философско-исторических» обвинений Гефтера? На мой взгляд, логики нет никакой, а есть просто, как «установка сверху», утверждение о якобы генетической связи между проявлениями антисемитизма в России и делами нацистов. С точки зрения науки это подлог, поскольку фашизм есть очень необычное порождение Запада и только Запада. Никакой генетической связи с внешне похожими явлениями в России, Индии, Китае и т.д. он не имеет. Вся эта «философская история» — идеология чистой воды. Даже на Западе фашизм был разрывом непрерывности, болезненным припадком, который вовсе не «вытекал» из предыдущих состояний культуры. Известно, что антисемитизм нацистов совершенно не связан с антисемитизмом Веймарской республики. Нет, нам настойчиво предлагают версию закономерности Холокоста, причем исходящей из России. Читаем:

«Историческая судьба евреев, на которую их обрекли христианские народы, в Бабьем Яре просто продолжалась. Гитлеровцы были не первыми, кто устроил массовое уничтожение евреев на Украине. Их предшественником был Богдан

Хмельницкий, один из самых страшных злодеев в исторической памяти еврейского народа... Коренное население оккупированных нацистами территорий СССР активно участвовало в уничтожении евреев».

Фразеология этих рассуждений такова, что следующим шагом будет просто изъятие всяких упоминаний о гитлеровцах. Уже сейчас молодой неискушенный читатель может воспринять нацистов как второстепенных и пассивных участников уничтожения евреев в XX веке. Вот что значит исказить меру — вроде бы и не соврал, но белое представил черным. А ведь с такой логикой можно сказать, что «евреи активно участвовали в уничтожении евреев» — в гораздо большей степени, чем русские и белорусы.

Недавно в стремлении вбить клин между русскими и евреями пресса раздула совсем уж неприличную кампанию вокруг посредственного фильма Спилберга «Список Шиндлера» (в философском смысле фильм просто убогий). Смысл кампании был в том, чтобы вытеснить из нашей исторической памяти тех советских людей, которые прятали в подполе евреев и шли за это на виселицу (или Василь Быков уже сжег, как партбилет, свои рассказы о таких людях?). Фигурой спасителя сделан не белорусский колхозник, а Шиндлер, сколотивший на труде евреев крупный капитал и живший среди заключенных евреек, как петух в курятнике.

Напор, с которым подавался этот фильм во всем мире, перешел все границы, и в западной прессе было сделано уточнение (на основании книги воспоминаний его жены): Шиндлер был агентом гестапо и все делал в рамках согласованной акции. Так что не он спас сотню евреев, а гестапо. Бежать на Запад ему пришлось от советских войск, ввиду неминуемого наказания за его акции в концлагерях.

Чтобы представить Россию виновницей Холокоста, идеологи вынуждены создавать два почти взаимоисключающих мифа — о глубинном антисемитизме царской России и одновременно о государственном антисемитизме в СССР. То есть, подвести читателя к выводу, что антисемитизм — при-

сущее России сущностное качество. Р.Рывкина в книге «Евреи в постсоветской России: кто они?» (1996) так и пишет: «Антисемитизм в России (речь идет об антисемитизме политических группировок) инвариантен всем ее политическим режимам: он сохраняется независимо от того, какая именно власть устанавливается в стране».

Вновь откроем книгу «Русская идея и евреи». Здесь такая связь времен: «В недра мира было брошено семя злодейства. Ненависть к евреям, нарастающая в предреволюционной России, подожгла Германию, а затем и Россию. Мир — единое целое. Россия заплатила за жажду расправы над евреями ГУЛАГом».

Итак, именно в России — семя зла, Россия «подожгла Германию». И вывод: ГУЛАГ — справедливое наказание России. Поскольку «жажда расправы над евреями» якобы вечно присуща России (инвариантна), то какое следующее, после ГУЛАГа, наказание нам готовится? Ведь этот вопрос просто напрашивается.

Вот образ русских в книге: «Из недр «христианнейшего» народа слышится только: «Ж-ж-ид прок-ля-тый!...». Этот «Ж-ж-ид прок-ля-тый!» взят у В.В.Розанова, но это ложь. Никогда он не говорил, что «из недр» слышится только это. Это исходило из очень немногих уст в момент слома всей жизни. Зачем же врать так банально?

Странная, кстати, логика: слово «христианнейший» взято в издевательские кавычки, но ведь чуть выше доказывалось, что корень антисемитизма как раз в христианстве. Впрочем, с логикой неважно во всей книге в целом, цель ее — загипнотизировать читателя, а не пробудить. Интереснее другое: своим тоталитарным обвинением авторы книги заявляют, что они исторгли себя из «недр» русского народа, противопоставили себя ему полностью и непримиримо. Услышь их юдофил В.С.Соловьев, он бы, я думаю, замахал на своих последователей руками: «Чур! Чур меня!».

Приписывать большому народу (на деле — множеству народов России) и большой культуре инвариантную, генетиче-

скую склонность к злодейству, «жажду расправы» — значит выходить не только за рамки науки, но и вообще рационального мышления. Это как раз и есть расизм, но даже расизм всегда пытается как-то объяснить истоки вражды. Здесь же во всей книге нет никаких попыток найти возможные причины предполагаемого патологического антисемитизма русских. С точки зрения обоснованности и даже просто добросовестности у нынешних идеологов антирусского еврейства произошел потрясающий откат по сравнению с еврейскими историками и деятелями сионизма первой половины века.

Снова подчеркну, что я выбрал не хлесткие газетные слова. Это мысли, изложенные в академическом издании и отражающие весь контекст книги. А ведь она претендует на отражение диалога («рокового спора»). Какой там диалог! Я прочел ее несколько раз и не нашел следа противоположной точки зрения, хотя бы в изложении. Светлым пятном в России представлены лишь «свеча Б.Пастернака, светившая и в этой ночи, отщепенство и дезертирство со всех фронтов Юрия Живаго». Чтобы заслужить одобрение, надо быть отщепенцем русского народа и «дезертиром со всех фронтов».

Даже оговорка о том, что «свое слово миру Россия сказала своей литературой», противоречит всему контексту, поскольку, выходит, эта литература в самой России была услышана и понята лишь отщепенцами:

«Сын еврейского коммерсанта из Киева, автор «Апофеоза беспочвенности», философ библейского экзистенциализма Лев Шестов как никто другой усвоил философский смысл хранимого русской литературой опыта... Кто, кроме еврея, «филолога» милостью и заповедью Божией, может испытывать всепоглощающую любовь к русскому слову, русской речи и литературе?».

Это какая-то фантазмагория. Иной раз думаешь, нет ли тут скрытого издевательства над евреями. Когда читаешь всех этих почитателей Льва Шестова и Спинозы «в одном пакете», удивляет их неспособность взглянуть на свои тек-

сты со стороны. Как будто их подмывает сказать нечто прямо противоположное здравому смыслу.

Кстати, благосклонное упоминание о русской литературе (как будто она «вырвалась» не из тех же недр) — не более чем прием «доброго следователя». Тут же в элитарном академическом журнале «Общественные науки и современность» некто Аб Мише, взяв Гоголя в качестве всемирного эталона антисемитизма, пишет: «Гоголь бессмертен. И вездесущ. Глаголом антисемитским жегшие сердца людей, вот они, гоголи, каждому народу свои», — и перечисляет главных гоголей разных народов, в том числе: «в России — вождь декабризма Пестель, ничтожный Булгарин и великий Пушкин, Достоевский, И.Аксаков»... и т.д. Так что и русская литература по указу Аб Мише должна нашить себе звезду антисемита.

И главное, ненависть направлена не на какой-то неверный образ России, в ней нет ошибки. Если выписать все выдвинутые в книге обвинения в адрес русских и очистить их от злобных оценок, отражающих темперамент и воспитание авторов, то видно, что суть подмечена верно. Ядро России, русские, соединены державным мышлением и общинным духом (это называется «тоталитаризм» — в качестве ругательства). Отсюда — несовместимость с индивидуализмом и демократией западного типа, трудности в создании гражданского общества. Все так. Это вы и ненавидите? Но ведь эти свойства в гораздо большей степени, нежели русским, присущи самим евреям! Виднейшие авторитеты еврейства даже называют евреев не народом, а семьей.

Да это и очевидно: впусти евреи в свою среду разъединяющую силу демократии и гражданского общества, они бы растворились в больших нациях без следа. Весь механизм соединения евреев тысячелетними традициями и праздниками, ритуалами и запретами (даже в пище) охраняется самым тщательным образом. До недавнего времени этот механизм доходил именно до крайнего тоталитаризма (это у меня не ругательство). Виднейший деятель сионизма В.Е.Жаботинский писал в 1936 г.: «Я тут разочарую наивного читателя, кото-

рый всегда верил, что в гетто нас силой запер какой-то злой папа или злой курфюрст... Гетто образовали мы сами, добровольно, по той же причине, почему европейцы в Шанхае селятся в отдельном квартале».

В.В.Розанов как раз в тех своих записках, где он идеализирует евреев, представляет еврейский кагал высшим образцом общинной жизни, доходит до его апологетики: «Естественное качество кагала — не давать отделяться от себя, вражда к тому, кто отделился (судьба Спинозы в Амстердаме и «херема» над ним)... Херем и был совершенно справедлив, потому что «община» важнее личности, пусть даже эта личность будет Сократ или Спиноза... Но и вообще и в частности, без отношения к Христу и отношения к евреям, — «кагал» есть естественно-социальная форма жизни всех людей».

Другое дело, что вне своей среды евреи в Новое время были разъединяющей, рыночной (и демократизирующей, то есть выступающей против и аристократии, и крестьянства — «общины») силой, что и вызывало упреки, конфликты и катастрофы, подобные изгнанию из Испании. Но это — особая большая проблема, которой авторы книги, возможно, и понять не могут. Как раз из-за своей ненависти к общине.

Противопоставляя евреев «русской идее», эти авторы умалчивают о том показательном факте, что евреи вовлечены даже в русскую общинность сильнее русских (самый русский пьяница в пивной — еврей). Даже в российскую державность вовлечены. Причем не ассимилируясь с русскими, а именно в силу своего еврейства:

Вечно и нисколько не старея,
Всюду и в любое время года
Длится, где сойдутся два еврея,
Спор о судьбах русского народа.

Вот эта глухота радикальных интеллектуалов еврейства к важным чертам и России, и российских евреев, прискорб-

на. Это даже нельзя назвать тенденциозностью, от этого веет ненавистью, желанием разрыва, войны, мщения. Разрыва не только с Россией, но и внутри самого еврейства. Не об авторах, которые уже стали винтиками в идеологической машине стравливания граждан России, я говорю. Прискорбно, что никто из евреев их не остановит и даже не бросит им слова упрека. С кем же вести диалог?

Но пытаться вести его надо.

РАЗЖИГАНИЕ АНТИСЕМИТИЗМА КАК ВСЕМИРНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА

Та «охота на антисемитов», которая разыгралась на наших глазах, была бы невозможна, если бы ее режиссеров попыталась урезонить существенная часть еврейства. Следовательно, для этой кампании имелась подготовленная почва. Почва эта готовилась не только в России. По каким-то, не вполне ясным причинам, за последнее десятилетие на самом Западе наблюдается активная «кампания против антисемитизма». Проводится она таким образом, что начинаешь подозревать: цель ее — как раз искусственное оживление угасшего было антисемитизма в США и Европе.

Ряд еврейских ученых на Западе, которые считают, что разжигание антисемитизма наносит вред самому государству Израиль, указывают на две стороны этой кампании. Во-первых, она исходит из принципа «лучшая защита — нападение» и имеет целью прикрыть расизм израильтян по отношению к арабам. Раздув кампанию против антисемитизма, удастся запугать каждого, кто попытается критиковать любые слова или дела евреев на Ближнем Востоке (в принципе, это может оказаться полезным и в других местах). Во-вторых, само понятие «антисемитизм» превращается в чисто идеологическое, из него устраняется всякое национальное содержание.

В 1973 г. министр иностранных дел Израиля Абба Эбан заявил следующее: «Одна из главных задач любого диало-

га с цивилизованным миром состоит в том, чтобы доказать, что между антисемитизмом и антисионизмом нет абсолютно никакой разницы». Но сионизм (и, следовательно, антисионизм) — идеология, ему следует меньшинство евреев в мире. Таким образом, и антисемитизм в этой новой трактовке полностью выводится из сферы национальных отношений, объектом его становятся не евреи, а сионисты, приверженцы определенной идеологии (говорят о «выхолащивании понятия антисемитизм»).

В начале 80-х годов были сделаны шаги к тому, чтобы расширить слишком узкие идеологические рамки понятия антисемитизма, сделать его пригодным для любых политических целей. В США даже ввели туманное понятие «реальный антисемитизм» (возможно, помощники Брежнева уже тогда подрабатывали на двух хозяев). Есть в США Лига против диффамации (учрежденная еврейской организацией «Бнай Брит», эта Лига считается в США «главным официальным надзирателем за антисемитизмом»). Ее директор Натан Перламутр в 1982 г. выпустил книгу «Реальный антисемитизм в США», где растолковывает новое понятие, признавая, что старый, обычный антисемитизм сник. Что же понимается под новым? Все, что не нравится правящим кругам Израиля и США. Перламутр поясняет это на доходчивых примерах: так, антисемитами в США являются «пацифисты эпохи войны во Вьетнаме, которые перековали мечи на орала и защищают палестинских террористов», те, кто «осуждает политику США в Центральной Америке и требует сокращения военных расходов» и т.п.

Лига не только проводила прямые кампании против либеральных деятелей, приклеивая им ярлык антисемитов, но и распространила среди еврейской верхушки университетов США черный список профессоров, которых она посчитала антисемитами. Хотя список был с пометкой «конфиденциально», он попал в печать, и большое число умеренных еврейских интеллигентов и их ассоциаций выступили с про-

тестом. Но это в США, в России таковых интеллигентов не нашлось бы.

К чему это привело? К такому парадоксальному положению, когда значительная часть евреев в США и Европе (и даже многие известные сионисты) явно подпадают под категорию антисемитов. Это щекотливое затруднение «магнаты еврейства» преодолели, введя понятие «самоненавистничество». Есть, мол, такие чокнутые евреи, которые ненавидят свое еврейство. Но это, согласитесь, неубедительно.

Второй результат столь же парадоксален — из числа «реальных антисемитов» официально исключены как раз те открыто неофашистские и юдофобские организации, примыкающие к республиканской партии, которые поддерживают политику Израиля в Палестине. Небольшой скандал случился в августе 1988 г., когда в предвыборной кампании Дж.Буш принял поддержку неофашистов, встречался с ними и включил их в свой штаб на высоком уровне. Наивные евреи подняли шум, но лидеры еврейских организаций объяснили им, что «антисемитизм этих неофашистов устаревший и анемичный». А настоящая «ненависть к еврею» кроется в демократической партии и особенно среди сторонников кандидата-негра Джексона. Хотя там обычного антисемитизма не видно, но это и есть «реальный антисемитизм». Читая все эти истории, диву даешься. Безумный, безумный, безумный мир. И в него-то нас и тащат.

В общем, усилиями «магнатов» пугало антисемитизма сделали в США мощным политическим оружием. Насколько велик страх перед ним, видно во время президентских выборов. Как сообщил «Уолл-стрит джорнел», Мондейл «из страха обидеть американских евреев» отправил обратно пожертвование, которое прислала на его кампанию одна американка — просто потому, что имела фамилию арабского происхождения. А затем все списки жертвователей были проверены, и возвращены все взносы от лиц с арабскими фамилиями.

Но чтобы эффективно использовать антисемитизм, необходимо, чтобы он все-таки теплился. Его оживление достига-

ется простым способом — от противного. Поднимают нарочитую, раздутую до невероятных размеров кампанию против антисемитизма. И массы людей, которые о нем и не думали, вдруг погружаются в эту проблему. Они не понимают замыслов этой всемирной кампании, а непонимание рождает неосознанный страх: «Что за всем этим кроется?». А страх (фобия) рождает и злость.

Обвинение в антисемитизме смогло стать политической дубинкой именно потому, что смысл его сделали неуловимым — и наложили строжайшее табу на выяснение смысла. Поэтому обвинение в антисемитизме годится на все случаи, а сегодня прямо увязано с демократией и поднято на невыносимый уровень. Один из главных экспертов по русскому антисемитизму Д.Фурман задает формулу: «Разумеется, нельзя отрицать ни громадного вклада евреев в демократическое развитие всего мира и России, ни глубокой взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой с антисемитизмом». Как раньше классовая борьба, теперь борьба с антисемитами будет главным двигателем и содержанием истории человечества.

Этот странный крестовый поход создал очень широкий фронт и вовлекает все новые и новые группы людей. Вот в испанской газете статья: «Значит, и Альфонсо Х — антисемит?». О чем речь? В кафедральном соборе Вашингтона состоялся большой концерт испанских религиозных песнопений XII века. Тогда королем Кастилии был Альфонсо «Мудрый», это было время удивительной веротерпимости между христианами, мусульманами и иудеями. Концерт состоял из песнопений всех трех религий. В одной из песен говорилось, как еврей убил ребенка и закопал у себя в погребке и как народ совершил над ним самосуд.

«Лига против диффамации» обвинила организатора концерта (тоже еврея) в том, что он «стимулирует ненависть к евреям и насилие против них». Каково ему было получить такой упрек! Он начал доказывать, что все-таки это песни XII века, что они не решились накладывать цензуру на такую старую вещь и заменять, как предлагалось, слово «еврей» на «ере-

тик», что подобные же обвинения есть в других песнях — против христиан и мавров. Куда там! Требуется именно цензура — на всю историю человечества и на религии.

Обвинения в антисемитизме Евангелия, о которых уже говорилось, тоже не доморощенный плод наших философов. Недавно в США начали переходить на новый, «политически правильный» перевод Библии, из которой исключено упоминание о том, что Христос был распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему — неважно. Ну что священного остается в тексте после такой пошлой и конъюнктурной политической цензуры? И ведь действия в этой сфере — целая программа.

Другая группа литераторов и богословов в США переписывает Библию так, чтобы она звучала по-английски так же, как на древнееврейском, с той же музыкой и ритмом. В результате все имена в Ветхом и Новом Заветах звучат совершенно иначе, чем привыкли христиане, и понять ничего не возможно. Руководитель этой работы говорит, что тем самым выполняется завет еврейского философа Мартина Бубера, который сказал в 1962 г.: «Люди должны читать Библию так, будто никогда в жизни ее не видели». То есть, христиане и вообще все культурные люди должны прервать духовную традицию, насчитывающую почти два тысячелетия, — начать с чистого листа.

Новая версия Пятикнижия Моисея была представлена 18 декабря 1995 г. в кафедральном соборе Нью-Йорка. Читали ее под музыку Гершвина и Генделя виднейшие поэты и артисты. Раввины одобрили: «Если бы Бог на Синае говорил по-английски, то звучало бы именно так». Видимо, речь идет о действительно великолепной литературной работе, но ведь в «Нью-Йорк Таймс» уже раздаются голоса, что именно эта элитарная версия Библии должна стать обязательным текстом в преподавании религии в США.

Каждый разумный и чуткий человек — за диалог культур, за их взаимное обогащение. Но тот напор, с которым сегодня вколачивают еврейское начало во все сферы общественной жизни, ничего хорошего не сулит. Особенно тревожит

то, что еврейские деятели культуры, философы и историки, среди которых мы знаем и уважаем много умных и проницательных людей, молчат. Как воды в рот набрали! И молчат они вовсе не в нейтральной обстановке, а под демонстративное бряцание оружием авторитетных еврейских лидеров. Что значит в этих условиях молчание?

В политике кампания приобрела еще более радикальный характер. Года два назад министры внутренних дел и юстиции объединенной Европы установили, что уголовное право будет квалифицировать как преступление факт отрицания «холокоста» — массового уничтожения евреев нацистами. Это — огромный, принципиальный поворот во всех представлениях о правовом обществе и гражданских правах. Не менее важный, нежели разрыв гражданского права с религией на заре Нового времени.

Ведь теперь впервые с тех пор уголовным преступлением становится не деяние и даже не высказывание против евреев, а всего лишь мнение относительно достоверности некоторого исторического события. Это — нечто совершенно неведомое в светской юриспруденции. Такое бывает лишь в теократическом праве, которое преследует за неверие. Ведь те потенциальные преступники, которые сомневаются в достоверности сведений о Холокосте, свидетелями его не были. Речь идет лишь о том, верят ли они или не верят тем сведениям, которые получают от историков и идеологов через книги, газеты и кино. И те, кто не верит, — теперь уголовный преступник.

Сразу возникает вопрос: зачем? Разве отрицание Холокоста стало значительным социальным явлением, которое требуется подавить силой уголовного права? Вовсе нет. Есть отдельные, совершенно ничтожные группки «классических неонацистов», существующие, наверное, на субсидии спецслужб, — но и они не отрицают Холокоста. В западной прессе я не встречал «отрицания» ни разу, совсем наоборот, редкий номер газеты обходится без напоминания. Однажды, в 1989 г., был ин-

цидент на ТВ Парижа — как раз устроили дебаты по этому вопросу, и один журналист «отрицал». На него набросились коллеги-евреи и стали картинно бить его перед телекамерами. А ведущий заламывал руки, совсем как Любимов при драке Немцова с Жириновским. Но та сцена явно была подстроена ради сенсации. Зачем же вводить в законы норму, направленную против несуществующей социальной угрозы? Так не делают, если не хотят искусственно создать очаг напряженности и конфликтов вокруг проблемы — превратить ее из воображаемой в реальную.

Может, нам просто непонятна небывалая чувствительность евреев ко всему, что связано с Холокостом? Но вот телезрители, наблюдавшие сцену избиения «отрицавшего» Холокост журналиста, раскрывают газету и читают смачно изложенные перипетии большого скандала в Израиле — такого большого, что обсуждался в кнессете. Некий предприниматель Моше Яхолом объявил о продаже на аукционе в Тель-Авиве запасов мыла, изготовленного в немецких концлагерях из жира евреев. Начальную цену поставил по 200 долларов за кусок.

Поднялся шум — нет ли тут обмана? Эксперты засомневались: из того ли жира сделано мыло? Люди отдадут такие деньги — а если не из еврейского? Кончилось тем, что хозяин аукциона отменил распродажу. Но ведь никто не привлеч жадного Моше Яхолома к уголовной ответственности. Почему же здесь деяние, которое можно считать профанацией памяти о Холокосте, вызывающее омерзение даже у посторонних людей, осуждается несравненно мягче, чем всего-навсего неверное мнение какого-нибудь малообразованного юнца в Финляндии, который сомневается в истории об уничтожении евреев нацистами?

И ведь эта кампания против антисемитизма идет не на уровне культуры, она воплощается в реальную политическую практику. Мне, например, несимпатичен Лех Валенса, но у меня остался неприятный осадок, когда его демонстратив-

но вычеркнули из списка приглашенных в Берлин по случаю 50-летия со дня окончания Второй мировой войны — за два дня до торжеств! Ведь Польша была первой жертвой войны и нацией-героем сопротивления. И президенту Польши Германия отказала в приглашении за «антисемитизм» произнесенной накануне в Варшаве речи. В чем же выразился антисемитизм? В том, что Валенса упомянул о страданиях евреев в общем списке, наряду с поляками. Эти отрывки его речи потом перепечатывались в западных газетах, и комментаторы спорили, можно ли это считать антисемитизмом. Эксперты сомневались, а политики действовали.

Но ведь полякам тоже нацистами был объявлен геноцид. Само понятие геноцид было предложено в 1944 г. именно применительно к уничтожению поляков, а не евреев. Вот слова Гитлера в августе 1939 г.: «Я отдал приказ моим Отрядам Смерти умертвить без жалости всех женщин, мужчин и детей польской расы. Только так мы можем приобрести жизненное пространство, в котором нуждаемся». И из поляков погиб каждый четвертый (как и среди белорусов) — больше, чем погибло евреев. Почему же помянуть поляков наравне с евреями в речи президента Польши — немыслимое преступление? Ведь послать отказ уже приглашенному президенту суверенной страны — беспрецедентное в дипломатии событие.

После горбачевской перестройки в культурологию на Западе вошло понятие «общество спектакля». Еще говорят «эпоха Тимишоары» — самый необычный спектакль, актерами которого был сделан целый народ, разыграли в Румынии в виде самосвержения режима Чаушеску. Нынешняя всемирная кампания по оживлению антисемитизма — часть большого спектакля. По многим репликам, жестам, мимике видно, что ставят этот спектакль люди недобрые, отягощенные темными комплексами и страстями. Ничего хорошего он человечеству не принесет. Как бы не пришлось потом сказать всем нам, как В.В.Розанов:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историю железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

ПЕРВЫЙ МИФ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ РОССИИ

Несомненно, что искусственное раздувание проблемы антисемитизма почему-то стало важной частью всего поворота к Новому мировому порядку. Книга «Русская идея и евреи», о которой уже шла речь, — продукт идеологический, труд специалистов, как раз готовящих такие кампании в России. Нам же надо подойти к вопросу с другой стороны, найти более искреннее, более эмоциональное выражение общественного сознания евреев. Важным источником для этого может служить изданная в 1996 г. антология «Свет двуединый: Евреи и Россия в современной поэзии».

В этой антологии представлены 101 еврейский поэт из России, Израиля и зарубежья — 444 стихотворения, говорящих об отношении евреев к России. Можно считать их в совокупности поэтическим выражением взглядов основной массы евреев. Не представлено в стихах то меньшинство, которое я в первой статье условно назвал «душителями» России. Возможно, их взгляды отражены в других книгах и других стихах, которых я не читал. Но в этой книге я узнаю тех евреев, с которыми приходилось общаться в жизни среднего, нормального советского человека.

Главный мотив собрания этой массы искренних, «политически сомнительных» (с точки зрения правоверного сионизма) стихов — любовь к России, неразрывная с ней связь — и невозможность взаимопонимания:

Что тебе рассказать, если там родилась,
где меня не признали своею,

но с безумной страной безумная связь —
где бы я ни была и куда б ни рвалась,
хоть язык оторвись, хоть глаза повылазь —
так крепка, как удавка на шее!

Это чувство сложно, нет возможности говорить о нем в краткой статье. Я только затрону одну его сторону — страх еврея перед антисемитизмом и обиду за обвинение в русофобии.

Изложил Шафаревич,
Куняев пристукнул печать —
Про меня, русофобку,
вердикт повсеместно размножен.

Здесь сразу возникает нестыковка понятий, которая присуща всему еврейскому монологу с русским. Шафаревич говорит о явлении русофобии, а Сарра Погреб — о том, что якобы ее лично обозвали русофобкой. Наверняка Шафаревич о ней и не думал, но главное — невозможно допытаться у нее, отрицает ли она своей личной обидой само существование русофобии влиятельных еврейских кругов? Не ответит ни да, ни нет. Заметим, что во всех 444 стихотворениях нет ни единого слова, ни намек на признание или отрицание тезиса Шафаревича по существу. Простое замалчивание. А книга называется «Евреи и Россия». И такая подмена предмета спора, перевод его с проблемы явления на личную судьбу отдельного еврея — общий принцип: он применяется и на уровне собутыльников — и в академических изданиях.

Взять хотя бы такой навязший в зубах вопрос, как смысл «Протоколов сионских мудрецов». В книге «Русская идея и евреи» они упоминаются не раз, иногда подробно. Сообщается, что их состряпал сотрудник царской охраны в Париже Рачковский, который «украл 70% текста у французского писателя Мориса Жоли». Но разве в этом дело? Ведь суть не в том, кто написал текст, речь же не о художественном про-

изведении. Спор идет о том, соответствует ли изложенное в тексте тому, что наблюдается сегодня в общественно-политической реальности. Есть много произведений, в которых зашифрована крупная концепция переустройства общества, но неизвестно, являются ли они предписанием к действию или предупреждением (таков, например, важный фильм К.Шахназарова «Город Зеро», 1989 г.). Зачем же притворяться наивными и сводить дело к спору о происхождении текста?

Вообще назойливое упоминание «Протоколов» чуть ли в каждом тексте, направленном против «антисемитизма», наводит на мысль, что целью этих упоминаний как раз и является разжигание антисемитизма, манипуляция сознанием людей, которые к этим «Протоколам» относились равнодушно. Ведь никаких тайн они русским людям не открывают. Напоминают о них затем, чтобы внедрить мысль, будто все в мире происходит по «еврейскому плану», все ими уже «схвачено». Это блеф, который должен вызвать у людей чувство бессильной ярости. Ярость не страшна — в худшем случае новый Осташвили разобьет еще пару очков. Главное, что эта ярость должна быть бессильной.

Кстати, и сам метод переключения спора на вопрос о происхождении «Протоколов» так примитивен, что трудно поверить в искренность авторов. Это игра в поддавки. Допустим, исходный текст впервые опубликовал некто Морис Жоли. Кто он такой и где он этот текст взял — вот в чем вопрос. Ведь отдельные фрагменты этого текста присутствуют в заявлениях самих идеологов сионизма. Так, В.Е.Жаботинский в 1909 г. бросает фразу: «передовые газеты, содержимые на еврейские деньги и переполненные сотрудниками-евреями...» и т.д. Это же один из важнейших тезисов «Протоколов».

Кстати, к моему удивлению, на Западе «Протоколы» известны шире, чем в России. У нас даже те, кто их читал, с трудом могут вспомнить содержание, а для среднего западного интеллигента они стали как бы признанными нормами поведения. В 1991 г. я был в Испании и 13 апреля увидел по телевидению большое обозрение о жизни евреев в СССР. Тогда

для меня, еще не обученного «реформой», эта передача показалась бессмысленной подрывной акцией. Видные евреи, дающие интервью западным корреспондентам в СССР, заявляют, что они отказываются от концепции «двойного патриотизма» — исключают компонент «патриотизма к СССР». Дальше — больше. Группа евреев из Узбекистана, просящих визы в США, объясняет это тем, что в Ферганской области Узбекистана прокатилась волна еврейских погромов, в которых людей сжигали заживо. (Для тех, кто забыл, напомним: сжигали бандиты турок-месхетинцев и русских солдат, о евреях вообще речи не было).

Я написал письмо на телевидение и в главную газету Испании, в том смысле, что подобные передачи как раз и разжигают антисемитизм. Мол, зачем? На всякий случай показал одному видному социал-демократу местного масштаба. Он сказал: «Все правильно, но посылать не следует». Почему? — спросил я. Он удивился: «Как почему? Все газеты контролируются евреями. Зачем же их раздражать?». Я еще был наивен: «Разве и в Испании? У вас же евреев почти нет». Он посмотрел на меня, как на ребенка: «На Западе вся пресса и телевидение представляют собой большую транснациональную корпорацию. Ты что, «Протоколы сионских мудрецов» не читал?».

Но оставим методологические споры о текстах, вернемся к вопросу о страхе перед антисемитизмом. Каюсь, я только из книги еврейских стихов вник в этот страх и понял ту мысль, которую раньше критиковал. Мысль о том, что реально антисемитизма в России нет, а страх перед ним велик — и значит, антисемитизм реален. Философ Д.Фурман пишет: «Какого-то массового антисемитизма опросы не фиксируют (здесь наши данные совпадают с данными других аналогичных опросов), и еврейский погром представляется менее реальным, чем какой-нибудь «кавказский». Но одно дело — реальность угрозы погрома или дискриминации и совсем иное дело — восприятие этой угрозы».

Примерно то же пишет и Р.Рывкина в книге «Евреи в постсоветской России» о страхе евреев перед погромами сегодня: «Данные опроса — это показатель состояния умов, настроения людей. Поэтому проверить истинность здесь невозможно. Более того, если опрошенные и преувеличивают опасность их положения, то важно не расхождение их настроения с реальными масштабами антиеврейских акций (которых никто не знает, никто не считал), а другое: чрезвычайно тревожное состояние их самих. Ибо это настроение и есть та реальность, которая изучается в опросе. И, как выясилось, это настроение чрезвычайно тревожное, если не сказать паническое».

О роли социологов и философов мы поговорим особо, а сейчас о самом страхе. Итак, страх есть, причем почти панический, и источник его не какие-то хулиганы, экстремисты («баркашовцы»), а сама Россия:

Ведь жаждет погрома не горсточка сброда,
А родины-мачехи грозная рать.

Как известно, бывает страх рациональный — соответствующий угрозе. Он помогает человеку выбрать правильное поведение. И есть страх иррациональный, который в восприятии человека резко искажает реальность. Он сам становится угрозой для человека и толкает его на неверные, порой губительные установки и действия. Особую силу приобретает иррациональный страх, когда овладевает коллективами людей. Личные страхи при этом усиливают друг друга, входят в резонанс, создают цепную реакцию, ведущую к панике, а иногда к социальной катастрофе.

Сами еврейские ученые признают, что страх евреев перед погромами не соответствует реальной угрозе. Это страх иррациональный. Насколько я могу судить по моим собственным впечатлениям, русский человек, этим страхом не затронутый, его не понимает и даже не замечает. Он оценивает угрозы адекватно и знает, что сегодня в России евреи, в общем,

защищены от опасностей гораздо лучше, чем русские, татары, чукчи и т.д. Отсюда недоумение: чего же они бьются в истерике? Русский человек считает эту истерику неискренней и видит в ней какой-то глумливый хитрый замысел.

Сейчас я думаю, что тут есть большое непонимание и общественная проблема. Если поверить всей совокупности еврейских стихов, то выходит, мы жили бок о бок с народом, в культуре которого был заложен сильный, доходящий до мании страх. Он был глубинным мотивом непонятных нам обид, странностей и поступков. С нами жил народ с душевной травмой, к которой мы отнеслись, я считаю, невнимательно.

Травма эта, отложившаяся в исторической памяти, была нанесена не в России, а на Западе — рыцарством, которого в православной России и возникнуть не могло. В первом крестовом походе были разграблены еврейские общины на Рейне и Дунае, во втором — во Франции, в третьем — в Англии. Затем, в процессе становления финансового капитала, евреи были изгнаны из Англии (1290), из Франции (1394), из Италии и Германии и, наконец, из Испании (1492). При этом происходили погромы, в которых было уничтожено около 40% евреев всего мира. Бежали евреи в славянские земли, и в XIX веке более половины их оказались жителями России.

Почему же получилось, что страх перед погромами обращен на Россию? Ведь на ее земле никогда не было ничего даже отдаленно напоминающего погромы в Севилье или «Хрустальную ночь» в Берлине. Нам малодоступны труды еврейских и западных исследователей погромов, но их собрал, обобщил и в краткой форме изложил в ряде своих книг В.В.Кожин. Как возник миф о погромах в России и почему в иностранные языки вошло русское слово «pogrom»?

Я приведу такую аналогию. Есть в биологии явление — анафилаксия. Некоторые вещества, попав в организм, вызывают у него помимо краткосрочного заболевания (аллергии), повышенную чувствительность к этим веществам. Организм хранит память о них, иногда всю жизнь. И если когда-то даже

ничтожное, для других безопасное количество этого вещества вновь попадает в организм, происходит бурная, совершенно неадекватная реакция — анафилактический шок. Это — не защитная реакция иммунитета. Это «паника», которая потрясает организм и нередко является причиной его гибели. Я видел такой случай, это неопишемое зрелище.

Даже при «малых дозах погрома» евреи России испытывали анафилактический шок, который поддерживался средствами идеологии. От дозы его тяжесть мало зависела. Как это ни абсурдно, «дело врачей» вызвало потрясение, сравнимое с потрясением от Холокоста. Для русского это трудно принять за чистую монету, это выглядит каким-то дьявольским издевательством. Но это, видимо, искренне. Что же делать?

Я, например, признавая мой грех бесчувственности, в то же время обвиняю еврейских ученых — и Фурмана, и Рывкину, и многих других. Они, давно поняв иррациональную природу этого страха, обязаны были сделать усилие, чтобы перевести его в сферу разумного, в сферу здравого смысла — и затем его лечить. Вместо этого они лелеяли этот страх и разжигали его, раздувая миф о «русском антисемитизме». Оставим в стороне вопрос об их мотивах, они не так уж существенны.

Казалось бы, первым делом философы и социологи должны были заинтересоваться той категорией евреев, которая почему-то изжила иррациональный страх перед погромами и вообще антисемитизмом. Стала относиться к этим угрозам разумно, без истерики — как татары, чеченцы и др. к проявлениям национальной неприязни к ним. Кто эти евреи? Как им это удалось? Их не так мало. Ведь, по данным Р.Рывкиной, в ответе на вопрос «Кому выгодно распространять антиеврейские настроения в России?» 10% евреев назвали какие-либо «еврейские» силы (Израиль, сионизм и др.). Десятая часть евреев не верит в «русский антисемитизм» — это очень много и это факт огромной важности! Никакой честный социолог не мог бы мимо него пройти.

На житейском уровне мы знаем, что как раз евреи, ведущие жизнь в среде «потенциальных погромщиков» и «бытовых антисемитов», страха перед погромами не имеют, они изжили анафилактическую чувствительность. Если собутыльник, распивая на троих, обзовет такого еврея «жидом», то реакция будет разумной и адекватной. Еврей или обзовет его сам, или даст ему в морду, или проглотит, или убежит. И никакой трагедии.

Надо подчеркнуть, что аномальный страх перед погромами создан средствами идеологии недавно, после войны, когда реальное знание о погромах начала века было уже утрачено. Только тогда заинтересованные идеологи смогли построить «виртуальную реальность». А в начале века страх был адекватным, никто от погромов не эмигрировал. Торговцы, которые были объектом погромов, вообще не эмигрировали, уезжали евреи-бедняки, да и то немного. В 1897 г. в России насчитывалось 5,06 млн. евреев, а в 1917 г. 7,25 млн. Уже после первого, кишиневского погрома 1903 г. в городах Юга и Запада России возникла хорошо вооруженная (даже пулеметами!) еврейская самооборона. Погромы служили средством ее сплочения: евреи-provokatory разбрасывали листовки на русском языке с призывами «бить жидов», а сионисты — листовки на еврейском языке, призывая евреев вооружаться. Так что сегодня евреи культивируют миф о погромах.

И русским, и основной массе евреев было бы полезно снять наваждение, понять друг друга и пойти навстречу. Сделать это непросто, потому что влиятельная часть евреев и подконтрольные им СМИ хладнокровно и цинично эксплуатируют пугало антисемитизма. И сегодня, в условиях острого кризиса, невозможно определить, является ли исступленная ненависть к России некоторых евреев напускной, политически выгодной — или это искреннее, болезненное проявление старого комплекса. По мере того, как обостряется кризис и Россия все больше напоминает поле битвы, времени разбираться в этом становится все меньше. Как нет времени вести диалог с человеком, который замахнулся на тебя бритвой,—

даже если ты знаешь, что это хороший, но больной человек. Но пока время есть, надо пытаться ввести разговор в рассудительное русло.

Посмотрим, как творят миф «русского антисемитизма» наши академические философы. Сначала о старой, дореволюционной России. В создании ее черного образа важное место занимает представление всех ее общественных течений с начала века, за исключением потерпевших крах кадетов, как изначально антисемитских. Это и правые (В.В.Шульгин), и христианские философы (Н.Бердяев), сменовеховцы и евразийцы, и, конечно, большевики. Под всем этим якобы лежит черносотенство и его предшественник — славянофильство. А венец всего этого — фашизм.

Читаем в книге «Русская идея и евреи», что черносотенство — «расистский национализм протонацистского толка, вышедший на поверхность политической жизни России в самом начале XX века». И далее: «Не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрило почву, вскормившую гитлеризм». Надо же, не вызывает сомнения! Между тем исследования германского нацизма как раз показывают принципиальные отличия его антисемитизма от тех форм юдофобии, которые существовали в России.

В известной работе о фашизме А.Люкса сказано: «Коммунисты не сумели правильно оценить чрезвычайно важный компонент национал-социалистического мировоззрения — антисемитизм. Большевики понимали опасность антисемитизма, им приходилось довольно часто, как до революции, так и после нее, подвергать острой критике антиеврейские выпады и предрассудки. Однако опыт, накопленный большевиками в отношении русского антисемитизма, не мог способствовать пониманию ими сущности национал-социалистической идеологии. Еврейские погромы в дореволюционной России и дискриминационные меры царского правительства в отношении евреев не давали никаких критериев для оценки антисемитизма, характерного для НСРДП и национал-социалистического государства».

Нас усиленно и с разных сторон убеждают, будто между черносотенством и фашизмом есть генетическая связь. Но из исследований самих же еврейских историков известно, что это не так. Чем было черносотенство в России начала века? Политическим течением монархистов-традиционалистов, которые выступали против готовящейся либеральной революции. Уже из этого вытекает, что ни расизмом, ни национализмом черносотенство быть не могло: расизм возникает лишь в ходе Реформации, с разделением рода человеческого на расу избранных и расу отверженных (поэтому колонизаторы Америки из гражданского общества были расистами, а колонизаторы из традиционного общества Испании — нет). А национализм возникает лишь с превращением народа в политическую нацию, а до такого превращения России начала века было далеко. Черносотенство совершенно определено исходило из понятия «народ».

Политической силой черносотенство не стало, спасти монархию и империю было уже невозможно, но в своих прогнозах его лидеры были прозорливы. Начиная с 1906 г. силами либеральной интеллигенции и революционеров был создан тоталитарный «черный» миф о черносотенстве. Его можно сравнить с мифом об инквизиции, в который мы почти все верим (тем он и показателен).

Число жертв инквизиции было невелико. Более того, именно инквизиция очень много сделала для возникновения в Европе рационального мышления, оздоровила сам интеллектуальный климат: она за сто лет до Реформации после долгих дебатов постановила, что демонов и ведьм не существует. Напротив, Реформация была страшным откатом — протестанты сожгли в Европе около 1 миллиона «ведьм» (и сжигали их в США до конца XVII века, причем судьями были профессора Гарвардского университета).

В конце XIX и первой половине XX века в англосаксонской историографии был создан миф об инквизиции, признание которого стало во всем «цивилизованном мире» обязательным условием допуска в приличное общество. Сегодня

в Испании даже знающий истинное положение дел историк осмеливается говорить об этом лишь шепотом и лишь наедине. Самое поразительное, что глава мировой школы историков инквизиции, американский ученый-протестант, к концу жизни пришел к выводу, что всю жизнь ошибался.

Он со своими учениками начал большой проект: каждый акт сожжения «ведьмы» или еретика наносился на карту в виде точки. И оказалось, что в зоне действия инквизиции виднелись редкие рассеянные точки, а в зонах Реформации (Швейцария и Север Европы) точки слились в большие черные пятна. Это его так потрясло, что перед смертью он сделал героический и беспрецедентный в науке шаг — объявил, что вся история инквизиции есть огромная фальсификация. Но миф был настолько необходим политикам, что предсмертное признание ученого осталось гласом вопиющего в пустыне. Ничего не изменилось — даже в католических странах! Правда уже невыгодна.

Так же и с мифом о черносотенстве. Демонтировать его трудно. Но одно дело — не трогать миф, слишком глубоко вбитый в сознание, и другое дело — продолжать вбивать его еще глубже. А главное, развивать его, дополняя идеей о генетической близости к фашизму. Этой близости нет и быть не может, поскольку эти явления лежат на разных цивилизационных траекториях.

Что речь идет о сознательных подтасовках, говорит факт, который тщательно скрывают. Черносотенцев («охотнорядцев») представили как объединение представителей маргинальных, темных и бескультурных слоев, почти городского дна. На деле в черносотенстве, в том числе в его высшем руководстве, приняли участие виднейшие деятели культуры России: филологи академики К.Я.Грот и А.И.Соболевский, историк академик Н.П.Лихачев, ботаник академик В.Л.Комаров (позднее президент Академии наук), врач С.С.Боткин, создатель оркестра народных инструментов В.В.Андреев, живописцы Маковский и Н.Рерих. К черносотенцам были близки

В.М.Васнецов и М.В.Нестеров. По мнению Льва Шестова, к черносотенству примкнул бы, будь он жив, Достоевский.

В черносотенстве принимали участие виднейшие представители аристократии, а также иерархи Церкви, в том числе причисленный к лику святых будущий патриарх Тихон и митрополит Антоний (прототип Алеши Карамазова). Насколько недобросовестны составители книги «Русская идея и евреи», видно из того, что они проводят параллель между черносотенством и фашизмом, между западным христианством, не возразившем против Холокоста, и Православием — и в то же время приводят тексты обращений и проповедей иерархов Православной церкви, крайне сурово осуждающих погромы как преступление против Бога и человечества (хотя в погромах гибли больше неевреев). Значит, Православие было к антисемитизму непримиримо! Где же аналогия?

Более того, в качестве самых непримиримых борцов против «черносотенного антисемитизма» в книге названы именно Тихон и Антоний — видные деятели черносотенства (Тихон — даже один из его руководителей)! Как можно объяснить такое вопиющее противоречие? Только сознательным обманом.

Развивая мысль об антисемитизме черносотенства, авторы ни словом не обмолвились и о том, что основоположником черносотенства и редактором главной его газеты «Московские ведомости» был еврей В.А.Грингмут. Важную роль в руководстве играли и другие евреи, в частности, близкий соратник П.А.Столыпина И.Я.Гурлянд. Они не были провокаторами. Это были виднейшие деятели еврейства, не порывавшие с ним связей. Об И.Я.Гурлянде, сыне главного раввина Полтавской губернии, «Еврейская энциклопедия» писала в 1910 г.: «Гурлянд проводит идею полного присоединения евреев к началам русской государственности, отнюдь не отказываясь от своих вероисповедных и национальных стремлений». Таким образом, видные деятели черносотенства из числа евреев были патриотами России и при этом совершен-

но не были антисемитами. За это их и вычеркнули из истории — такие евреи Рывкиной не нужны.

Конечно, черносотенцы, в том числе евреи, выступали против революционеров, в том числе против евреев. Но посмотрите, насколько искажено наше историческое сознание. Нам внушили, что черносотенцы — «кровавые погромщики». Говорится даже, что они «залили страну морем крови». На деле черносотенцам вменены в вину три убийства: кадета М.Я.Герценштейна в 1906 г. (авторство убийства точно не установлено), кадета Г.Б.Иоллоса (в 1907 г.) и трудовика А.А.Караваева (в 1908 г.). Революционные организации, самой активной из которых была террористическая структура эсеров под руководством еврея Азефа, убили до 1917 г., по подсчетам американского историка А.Гейфман, 17 тысяч человек. Но до сих пор фурманы и рывкины, доренки и лобковы заставляют евреев трястись от страха перед «черносотенными погромщиками».

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНТИСЕМИТИЗМА

В предыдущей главе мы говорили о том, что сегодня влиятельные еврейские интеллектуалы стремятся представить Россию источником и бастионом мирового антисемитизма. Корень этого они ищут в самом ядре русской культуры, в христианстве. Этот якобы присущий России антисемитизм изображается как нелепое, не имеющее никаких реальных оснований культурное явление.

Сама методологическая основа всех этих умозаключений настолько неубедительна, что невозможно поверить в их искренность. Все это — чистой воды идеология. Куда она ведет сознание и евреев и русских — отдельный вопрос. Идеология создает в воображении «вымышленную реальность». Рассмотрим сначала земную, «реальную реальность».

В книге «Русская идея и евреи: роковой спор» отпор антисемитизму дает философ, которого сами евреи характеризуют так: «величайший из русских философов В.С.Соловьев, известный своей юдофилией, обладавший огромными знаниями в области истории евреев и талмудической литературы». Этот философ находит такие доводы против «экономического антисемитизма»: «Просвещенная Европа установила в социальной экономике безбожные и бесчеловечные принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам... Если евреи, помогая крестьянину, эксплуатируют его, то они это делают не потому, что они евреи, а потому, что они — мастера денежного дела, которое все основано на эксплуатации одних другими».

Ничего себе логика! Поскольку ростовщичество жестоко, а евреи — ростовщики, жертвы ростовщиков должны любить евреев. «Беда не в евреях и не в деньгах, — пишет В.С.Соловьев, — а в господстве, всевластии денег, а это всевластие денег создано не евреями». Представьте: убийца, произведя контрольный выстрел, склоняется к умирающей жертве и шепчет на ухо: «На меня не сердись. Не я изобрел порох, а китайцы две тысячи лет тому назад».

Носителями монетаризма, который везде, куда проникал, разрушал традиционное хозяйство, были евреи («мастера денежного дела»). Это факт, который просто глупо было бы замалчивать. Там, где переход к монетаризму был быстрым («шоковая терапия»), он привел к огромным страданиям людей и к антисемитизму. Вот католическая Испания. В 1492 г. отсюда королевским указом были изгнаны все иудеи. Тех, кто принял христианство, но тайно исповедовал иудаизм (марраны), преследовала инквизиция. Кстати, как нередко бывает, самыми жестокими инквизиторами (как, например, Торквемада) были обращенные евреи. А торговцы-евреи умело использовали инквизицию, чтобы сводить счеты с конкурентами, — донося о том, что те тайно исповедуют иудаизм.

Сегодня испанцы испытывают комплекс исторической вины, и все, связанное с евреями, пишут и говорят крайне

осторожно, взвешивая каждое слово. В чем же, по их мнению, истоки той юдофобии? Именно в страхе традиционного общества перед разрушительным действием монетаризма. Испанский историк пишет: «Евреи олицетворяли рыночную экономику в среде натурального хозяйства. Этот характер рыночников, которым обладало большинство евреев, означал, что когда христианская Европа перешла от феодализма к капитализму, она в известном смысле стала иудейской — перешла в иудаизм в той мере, в которой евреи служили видимым человеческим воплощением новой экономической системы».

Сегодня Россия также испытывает тяжелые удары «новой экономической системы». А ее «видимым человеческим воплощением» также являются евреи. Вот это и есть объективная почва для юдофобии. Использует ли оппозиция и массовое сознание юдофобию как простую идеологию сопротивления — так, как делала Европа? Разжигают ли страдающие люди пламя антисемитизма? Абсолютно нет. Все попытки «архитекторов и прорабов» взрастить антисемитизм провалились. Все свелось к тому, что несчастный Остапвили разбил очки писателю (да и то русскому). Вот что должно было бы поразить любого объективного наблюдателя.

Страдания при внедрении монетаризма для большей части людей были несовместимыми с жизнью. Вот, например, высказывания историков и экономистов Франции о том периоде: «Деньги сделались всеобщим палачом», «Деньги объявляют войну всему роду человеческому», «Финансовое искусство — перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок» и т.д.

Монетаризм, сделавший деньги главным выразителем человеческих отношений, породил на Западе и необычную ранее жестокость. Она возникла прежде всего в сфере действия финансового капитала — как стремление причинить страдание несостоятельному должнику (что выразил уже Шекспир в образе еврея Шейлока). Маркс приводит комментарий 1707

г. к английскому Закону о кредите и банкротстве: «Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встречается ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира».

Каков был накал юдофобии в эпоху «рыночной реформы» в Европе? Рассказывают, что правоверные католики в Испании после 1492 г. носили в мешочке у пояса кусок свиного сала. И внезапно совали его под нос прохожему, который показался подозрительным. Если он, вместо того чтобы откусить кусочек, инстинктивно отдергивал голову, его тут же тащили в инквизицию — не марран ли?

Таким образом, во всех странах, где финансовый капитал радикально вторгся в традиционное хозяйство и разрушал его, возникли причины для антисемитизма — потому, что этот финансовый капитал был представлен прежде всего евреями. Конфликт по сути своей социальный облекался в форму национального.

Известно, что для перевода любого конфликта в рациональное состояние, при котором возможно его разумное разрешение и поиск компромиссов, необходима его демистификация, освобождение от ложных оболочек. Но ведь этого нет — на социальное противоречие напускают туману, прежде всего религиозного. В.С.Соловьев, признавая «всеобщую антипатию к еврейству» и, судя по приведенным выше словам, вполне понимающий роль денежных отношений в этой антипатии, сводит дело к ослаблению в евреях религиозного начала. Он пишет:

«Как только чисто человеческие и натуральные особенности еврейского характера получают перевес над религиозным элементом и подчиняют его себе, так неизбежно этот великий и единственный в мире национальный характер является с теми искаженными чертами, которыми объясняется всеобщая антипатия к еврейству (хотя и не оправдывается вражда к нему): в этом искаженном виде национальное самочувствие превращается в национальный эгоизм, в безграничное самообожание с презрением и враждой к осталь-

ному человечеству; а реализм еврейского духа вырождается в тот исключительно деловой, корыстный и ничем не брезгающий характер, за которым почти скрываются для постороннего, а тем более для предубежденного взгляда лучшие черты истинного иудейства».

Это пишет не антисемит, а философ-юдофил в работе, которую нам предлагают как философское отрицание антисемитизма. Но ведь логика его совершенно неприемлема. Посудите: «ничем не брезгающий характер» относится к вам и вашим близким «с презрением и враждой» — но ваша ответная вражда к нему непростительна. Что же это за жизнь! Ну ладно, если бы мне просто дали по щеке — я бы другую подставил, и дело с концом. А если этот «ничем не брезгающий характер» ведет дело к тому, чтобы извести под корень весь мой род?

Зачем наводить тень на плетень? Почему люди обязаны отыскивать в Гусинском или Соросе «лучшие черты истинного иудейства», а не принимать их в реальном образе, как активных экономических и политических деятелей? Вот на Тайване вышел указ, согласно которому «любая персона, о которой станет известно, что она поддерживает коммерческие отношения с инвестиционными фондами Сороса, будет сурово наказана». Неужели это потому, что в Соросе «чисто человеческие особенности еврейского характера получили перевес над религиозным элементом»? Нет, дело проще — Дж.Сорос своими спекуляциями разорил Тайвань, безжалостно и хладнокровно. Нашел слабое место, рассчитал момент и нанес удар. Хотя деньги и порох, конечно, придумал не он.

Какова роль евреев в экономической перестройке России? Примерно та же самая, что была и в Испании на заре капитализма. В конце XIX века быстрая модернизация старого сословного общества России также породила «еврейский вопрос», а в областях, где еврейский капитал господствовал, были погромы. Израильский историк М.Аронсон признает, что причина погромов — «ускоренная модерниза-

ция и индустриализация, проходившая в России между 1860 и 1880 гг.».

Таким образом, основа погромов была чисто экономической, а не национальная, погромщиками были в основном торговцы-конкуренты. Надо вспомнить, что евреи в России тогда составляли 4% населения, но 75% всех торговцев в России были евреями. На деле погромы были столкновениями конкурентов: в одном из самых крупных погромов, в октябре 1905 г. в Киеве, было убито 47 человек — 12 евреев и 35 других национальностей. Кто кого громил?

Наращение конфликта между еврейской буржуазией и нарождающейся буржуазией других национальностей было замаскировано более мощной волной сопротивления любому капитализму со стороны крестьянства и выросшим на волне этого сопротивления общим революционным движением. Поэтому и можно было создать миф о еврейских погромах — на фоне огромной катастрофы революции никто достоверной историей не интересовался.

Затем, после 1917 г., в России на 70 лет установился особый тип традиционного хозяйства — советское хозяйство без финансового капитала и ссудного процента. Евреи заняли другие социальные ниши, конкуренция угасла, и основания для экономического антисемитизма исчезли. Были сняты и основания для культурного конфликта. Об этом писал выдающийся советский историк Н.И. Конрад в письме к А.-Дж. Тойнби (в марте 1967 г.): «...каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет свою собственную культурную традицию, а многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную культурную историю... В русле культуры нашей страны слились самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти этому мы обязаны острым чувством единства человечества».

Основания для конфликта возникли именно в ходе слома советского строя. Сегодня хозяйство России разрушается самым радикальным, даже преступным образом — при господстве финансового капитала, в котором евреи играют даже бо-

лее выдающуюся роль, нежели в начале XX века. Это — факт, который не только не скрывается обличителями антисемитизма, но даже подчеркивается. На уровне спектакля — похвалы в Израиле банкиров в том, что пять еврейских семей завладели половиной собственности России. В самой России эти кадры крутят по всем программам телевидения — и тут же в газете «Коммерсантъ-daily» банкир А.Смоленский заявляет, чуть ли не с издевательской усмешкой: «Вспомним, как еще недавно народ олигархами пугали. Только где они, олигархи, на самом деле их не было и нет! Это так, более удобный образ врага, чем, скажем, жид и сионист». В ответ олигархов патетически упрекает еврейский писатель Тополь: вы, мол, завладели всей собственностью, киньте хоть косточку голодным русским. Допустим, все это — гротеск, чтобы шокировать публику и доводить ее до полной шизофрении. Взглянем на чисто академические исследования.

Вот Р.Рывкина, отрекомендованная как «известный социолог, профессор, доктор экономических наук» из РАН, близкий сотрудник академика Т.И.Заславской. В ее книге «Евреи в постсоветской России» (1996), как сказано, дана «надежная социологическая информация». Это, конечно, сильно сказано — данные о социальном положении евреев в нынешней России приведены очень скудные, нет даже элементарных индексов распределения евреев по уровню доходов. Но есть качественный вывод: «Позитивная тенденция постсоветской эпохи, расширившая возможности для самореализации евреев,— развитие рыночной экономики... Реально сегодня, как и в эпоху революции 1917 года, еврейская интеллигенция снова являет собой один из наиболее активных отрядов реформаторов — банкиров, руководителей новых общественных организаций, работников прессы и др.». Главное, конечно, банкиры — остальное вторично.

Этому явлению Р.Рывкина дает, как она говорит, «простое и реалистическое объяснение» — евреи стали владельцами огромной доли собственности просто потому, что они «конкурентоспособны для занятия мест в новых и наиболее

сложных сферах экономики — таких как финансы, внешние экономические отношения, рынок ценных бумаг и др.». Это, конечно, никакое не объяснение — «евреи конкурентоспособны потому, что конкурентоспособны». Но такова уж наша профессорша, не проговорится. Да это и неважно. Важен сам факт — в стране возникло острое «этносоциальное неравенство», которое сама же Рывкина в предисловии справедливо называет главной причиной напряженности в межнациональных отношениях.

Это и создало возможность разыграть истерику по поводу «антисемитизма коммунистов» в ноябре 1998 г. Эта истерика имела, видимо, и исследовательские, и чисто политические, прикладные цели. Но мы поговорим именно об условиях. Обвинение коммунистов в антисемитизме отражает две новые, возникшие после войны установки еврейской элиты: их антикоммунизм и их уверенность, что коммунисты обязательно должны быть антисемитами — то есть врагами именно этой еврейской элиты. В действительности Гусинский и его люди опережают события, и коммунисты не «дозрели» до того, что в них предвидят более мобильные и чувствительные еврейские идеологи.

Что же произошло? В ходе революции и затем в советский довоенный период (который проходил еще в идейном русле революции) оснований для конфликта между массой евреев и коммунистами не было, потому что евреи имели и самосознание, и образ гонимых и угнетенных. Под знамя коммунистов собирались люди, которыми двигало стремление защитить и освободить всех таких людей в борьбе со всяческими гонителями и угнетателями. На этой утопии стоял и советский строй.

После войны, с перемещением центра мирового еврейства в США и с образованием государства Израиль, в еврейской политической элите произошел переход к самосознанию угнетателей и гонителей (нередко это заявлялось демонстративно). Таким образом, коммунисты стали ими рассматриваться как потенциальные, а потом и явные противники.

В дальнейшем это самосознание евреев и практика сионистов породили соответствующий образ и в общественном сознании. В ходе нынешней реформы в России этот образ начинает доминировать. Если в начале XX века и в довоенный период в обыденном сознании еврей ассоциировался с трудягой-портным, то уже в 60-е годы это директор и главбух, а сегодня — банкир и министр.

Евреи, составляющие значительную часть новых собственников и обладая уже классовым сознанием, ошибочно полагают, что такое же классовое сознание возникло и в массе трудящихся (на деле здесь еще господствует неклассовое сознание «совка», советского человека). Тот социальный взрыв, которого банкиры и «фабриканты» давно ждут и никак не дождутся, они заранее стараются представить как предосудительный «взрыв антисемитизма». Дескать, не банкира бьют, а еврея.

На деле до настоящего времени в России сложились лишь предпосылки для антисемитизма как неприязни к евреям в целом, евреям как национальности. Русские ведут себя не так, как в прошлом испанцы, англичане или немцы. Эти причины, сдерживающие антисемитизм, лежат в сфере культуры, а не экономики. Если же культура и жизненные экономические потребности приходят в конфликт, то при критическом ухудшении условий жизни побеждает базис, а не надстройка — экономика, а не культура. Умирать от голода и бубнить про себя юдофильские тексты В.Соловьева люди не станут. К такому критическому пределу Россия приближается — вернее, ее приближают Гусинский с Березовским. Об этом им и напоминает Тополь.

Ускоряют размывание культурных барьеров против антисемитизма сами теоретики современного еврейства. Достаточно известно, что русский национализм не шовинистичен, это великодержавный национализм. Даже в таком плачевном состоянии, как сегодня, русские ощущают себя «старшим братом» в семье всех народов, живущих в России, включая евреев. Разжечь в русских устойчивую вражду на националь-

ной почве очень трудно. Нынешняя вражда к кавказцам напоминает злость на брата, который безобразничает в семье. Перестанет безобразничать — исчезнет и злость. Неизвестно с какой целью, но еврейские интеллектуалы снимают этот культурный барьер. В последние годы они начали в элитарной печати дебаты о том, кто такие евреи — народ ли это, живущий в России и имеющий свои культурные корни? И Фурман в своих статьях, и Рывкина в своей книге стараются доказать, что нет — не народ. Кто же?

По словам Рывкиной, высший сегодня авторитет еврейства А. Штайнзальц считает, что «с этнической точки зрения трудно утверждать, что существует такой этнос, как евреи». Рывкина пишет: «Не считая евреев особым народом и исходя из религиозных критериев, автор [А.Штайнзальц] считает, что евреи — это семья». Если так, то дело меняется. Одно дело народ — в нем всегда есть «хорошие» и «плохие», причем они друг другу противостоят. В России «хорошие» люди всех народов противостоят всем «плохим», и не так уж важно, каково соотношение хороших и плохих в каждом народе. Для А.М.Макашова бессовестный русский безусловно хуже честного еврея (даже хуже бессовестного еврея — «жида»).

Иное дело — семья. Семья спаяна слишком сильно, и если ее старшие преступны, младшие не могут против них выступить — или семья разрушается. Против семьи, клана, наносящего ущерб обществу, приходится выступать как против единой солидарной группы, хотя кто-то из этой семьи и недоволен старшими братьями. Чтобы оправдаться в мнении общества, они должны ясно и гласно порвать с семьей.

Если евреи — семья, то кто в ней сегодня «старшие братья»? Не композитор Шостакович и не авиаконструктор Милль. Они представляли еврейскую семью в советское время, но их время прошло. Сегодня «старшие братья» — банкиры. По общему мнению, они обобрали Россию и безжалостно довели половину народа до голода. Неприязнь к этой семье, которая, похоже, беспрекословно следует за своими новыми «старшими», становится естественной. Для этого русским не

надо даже становиться националистами, ибо евреи — не народ, а клан.

Зачем же А.Штайнзальц, а затем и лидеры помельче, пошли на этот идеологический маневр? На ум приходит лишь одно объяснение — сплотить евреев России жесткими семейными обязательствами и открыть шлязы для волны антисемитизма, который обособит евреев от России и поможет «возродить еврейство». Когда А.Штайнзальца назначили духовным раввином России, он заявил: «Я хотел бы только одного: помочь евреям вернуться к своему еврейству». Думаю, средства он для этого выбрал губительные, но принимать их или отвергнуть — дело самих евреев.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ АНТИСЕМИТИЗМА В РОССИИ

В прошлой статье я говорил об экономических предпосылках для антисемитизма. Сама Р.Рывкина, как социолог, признает, что этносоциальное неравенство — различие социального положения в зависимости от национальности — всегда есть предпосылка для напряженности, недоверия, боязни (фобии). Дальше в своей книге она почему-то об этом забывает. В конце XIX века погромы начались, когда относительное число торговцев среди евреев в 100 раз (!) превысило долю торговцев среди лиц других национальностей. А что же сегодня?

Р.Рывкина претендует на то, чтобы в своей книге дать точный социальный портрет евреев. По ее данным, 68% евреев имеют высшее образование, а включая лиц с незаконченным высшим — 76%. Если же прибавить лиц, окончивших техникум, то это 90% евреев. То есть, практически все они принадлежат к прослойке интеллигенции. Как пишет Р.Рывкина, «подавляющее большинство респондентов работают на должностях специалистов». Очевидно, что это — ярко выраженное этносоциальное неравенство. И в ходе приватизации,

когда практически вся государственная собственность присвоена «прослойкой специалистов», это неравенство приобрело характер антагонизма.

Более того, в ходе перестройки положение и здесь сильно изменилось — половина евреев сегодня работает в «гуманитарной сфере». Поскольку деньги и манипуляция сознанием стали в России главным средством господства и власти, то бригада «мастеров денежных дел» и специалистов-гуманитариев предстает перед русскими как господствующее меньшинство. И оно приобрело ярко выраженные национальные черты. Удивляться приходится лишь тому, что эта предпосылка антисемитизма не превратилась в активную юдофобию. Значит, есть особенности русской культуры, которые этому мешают. Но, судя по всему, именно эти особенности сегодня интенсивно разрушаются усилиями политического режима и «специалистов-гуманитариев».

Именно благодаря их деятельности экономическая основа для антиеврейских настроений дополняется культурным фактором: евреи декларируют себя как принципиальные противники не только традиционного для России типа хозяйства, а и всего жизнеустройства. Если хозяйство призвано удовлетворять прежде всего материальные потребности человека и общества, то жизнеустройство включает в себя культуру, идеалы.

Философ Д.Фурман, обвиняя русских в антисемитизме, представляет евреев как наиболее «прозападную» группу. На основании опроса 1991 г. он пишет: «С тем, что на Западе создано лучшее из возможных обществ и нам надо следовать за Западом, согласились 13,2% русских и 52,5% евреев». Но если большинство евреев считают благом то, что для русских бедствие, — не это ли и есть причина напряженности, вполне объективная предпосылка юдофобии? Ведь юдофобия в переводе на русский означает «страх перед иудеем».

Всем уже ясно, что т.н. «радикальные демократы» имеют целью не экономическую реформу (разумную или ошибочную), а именно смену типа цивилизации, типа культуры. Это

и отвергается подавляющим большинством населения, которое к идее рынка отнеслось в общем благосклонно, но считают, что о смене культуры «не договаривались». В этом цивилизационном и культурном выборе евреи резко противопоставили себя этому большинству. По данным Р.Рывкиной, в 1995 г. из числа тех, кто собирался идти на выборы и определил свое предпочтение, 71% евреев шли голосовать за партии «радикальных демократов» — Гайдара, Явлинского и Б.Федорова (а если прибавить «народный капитализм Св.Федорова, то 81%). А за КПРФ лишь 3% евреев. Это не расхождение с массой, а противопоставление, «двухполюсный мир».

Таким образом, фактические данные противоречат выводу Р.Рывкиной о том, что «евреи практически растворились в русской культуре и не образуют культурно однородной национальной общности». По уровню и типу образования, по социальному положению и по культурной ориентации евреи именно образуют очень компактную общность, резко отличающуюся от других народов России. Если же включить в число характеристик такой экономический показатель, как душевой доход, то различия окажутся разительными.

Р.Рывкина искажает реальность, приводя величину среднего дохода опрошенных евреев. Если уж речь идет об этносоциальной характеристике, требовалось включить в расчет и то богатейшее меньшинство (Березовского, Гусинского и т.п.), которое опросу не подвергалось. Тем более, что евреи, по выражению А.Штайнзальца, «не народ, а семья». (Подобные данные приводит М.Вебер в виде вероисповедальной статистики. Так, например, в 1895 г. в Бадене на 1 тыс. человек католики имели 589 тыс. марок капитала, протестанты 954 тыс. марок, евреи свыше 4 млн. марок). Ни о какой «растворенности» евреев говорить сегодня не приходится.

Р.Рывкина, говоря о «гиперактивности» евреев в нынешней реформе, ссылается на живущего в США А.Гройсмана, который пишет о евреях в Якутии: «На примере якутской еврейской диаспоры отчетливо видны определенные закономерности существования евреев в диаспоре вообще и в рос-

сийской в частности. Удивительным образом евреи всегда ухитряются сочетать обособленность с гиперактивным участием в жизни народа, среди которого они селятся. И эмоции, могущие возникнуть у каждого из нас по этому поводу, неоднозначны: от чувства гордости ... до досады из-за приводящих к беде прежде всего нас самих негативных черт национально-го характера — отсутствия чувства меры, эгоизма и т.д.».

А.Гройсман говорит о досаде самих евреев. Но ведь надо подумать и о чувствах «народа, среди которого они селятся». Пока что эти чувства сходу и огульно клеймятся как нелепый, ни на чем не основанный антисемитизм. А дело в том, что радикальные реформаторы пытаются силой заставить русских людей жить не так, как русским кажется правильным и справедливым. И среди этих реформаторов евреи выступают как самая яркая и активная сила.

И в прошлые переломные моменты острых кризисов в России евреи были влиятельной частью революционного или правящего меньшинства. Российскую империю и монархию сокрушили не большевики, а либерально-буржуазная революция, главными организаторами которой были кадеты, партия «Народной свободы», тесно связанная с еврейской интеллигенцией. Не меньшее количество евреев было «делегировано» и в другие революционные партии и движения.

Смешно говорить, что революция такого масштаба, как русская, могла быть результатом «заговора». Речь не об этом, а о том, что в этой драме евреи вышли как актеры первого плана — и придали этой драме особо жестокий, безжалостный характер. Вот свидетельства двух евреев, исходя из разных установок.

И.Я.Гурлянд, «черносотенец», пытавшийся предотвратить разрыв евреев с Россией, писал в 1912 г.: «Еврейская молодежь с головой окунулась в политические заговоры против исторических устоев Русского государства». В.Е.Жаботинский, сионист, то же самое отмечал в 1911 г.: «Все, в ком только было достаточно задору, все побежали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую историю».

И видный сионист вовсе не был этому рад, он предупреждал: «Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства».

Стремление вылезти в трагические моменты на первый план трудно объяснить. Очень красноречива кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г., которая нанесла тяжелый удар по Православной церкви, привела к гибели многих священников и, бумерангом, многих активных «антиклерикалов» (уже в 30-е годы). Главным идеологом той кампании был Л.Троцкий, самое активное участие в ней приняли И.С.Уншлихт, Р.С.Землячка, Я.А.Яковлев (Эпштейн). Их напор был такой, что Ленину не раз приходилось буквально одергивать, призывая слишком не выпячивать роль евреев в такой страшной акции, выставляя вперед М.И.Калинина. Но приходилось «выпячиваться», поскольку и Калинин, и Молотов оказывали хотя и слабое, но сопротивление антиправославному экстремизму.

Сегодня, когда на основании архивных данных ход кампании восстановлен буквально по дням, неумолимость Троцкого просто поражает — такое количество теоретических разработок, практических предложений и конкретных указаний он породил. Изъятие ценностей было лишь инструментом, речь шла о сложной программе провокаций, репрессий и внутреннего раскола — полного разрушения Церкви. В целом эта программа не увенчалась успехом благодаря выдержке духовенства и самого патриарха Тихона, а также сопротивлению — и пассивному, и активному, как верующих, так и части РКП(б). Но мы сейчас о другом — активность Троцкого и ряда других евреев выглядит просто лихорадочной. Зачем, например, лично самому Троцкому было браться за распродажу церковных ценностей за рубежом?

Не должно быть сомнений — та драма русского народа запечатлелась в исторической памяти. И русских, и евреев. Тот факт, что об этом ни слова не говорится во всех нынешних рассуждениях об антисемитизме — плохой признак. За-

чем молчать, ведь все равно никто не забыл. В прошлой главе я говорил, что нынешний иррациональный страх евреев перед погромами связан с коллективной памятью о средневековых избиениях евреев в Западной Европе. Но можно высказать предположение и о втором источнике страха — коллективной памяти евреев о делах Азефа, Голощекина, Троцкого и всей их рати. Страх, вызванный неосознанной боязнью мести со стороны русских. Это — ложный страх, проекция собственного мироощущения на русских. Этот страх в принципе мог бы быть снят в честном диалоге. Но уход от диалога ведет к утрате шанса. Такой уход — предпосылка антисемитизма. Не является ли молчание средством вызвать желанный «магнатам» антисемитизм?

Если говорить о нашей истории, то дело не только в евреях-большевиках, а и в общей безжалостности многих видных евреев, включая противников большевиков, даже эмигрантов. Вот восторженная книга А.Ваксберга «Лиля Брик» (1998). В 1922 г. «серый кардинал» левого искусства, сотрудник ГПУ Осип Брик едет с Лилей (тайной сотрудницей ГПУ) в Берлин. К ним в отель почти каждый день приходят эмигранты Роман Якобсон и Виктор Шкловский. Как пишет А.Ваксберг, «Осип тешил друзей кровавыми байками из жизни ЧК, утверждая, что был лично свидетелем тому, о чем рассказывал. А рассказывал он о пытках, о нечеловеческих муках бесчисленных жертв. «Работа в ЧК,— констатировал Якобсон,— очень его испортила, он стал производить отталкивающее впечатление».

Вдумайтесь в самую терминологию: «тешил друзей». Друзья морщили нос, но приходили каждый день посидеть с «Бриками» в дорогом ресторане. Это как?

Но ведь сегодня наши еврей-неолибералы тоже доходят до глумления над своими жертвами. Вот, автор закона о приватизации, гуманитарий, бывший министр экономики Е.Г.Ясин в самый тяжелый момент реформы шутит: «Я как-то говорил с одним исключительно умным человеком, очень известным западным ученым — Биллом Нордхаузом, так он

предложил: «Вы на время, когда у вас весь этот кошмар будет, «повесьте» над страной спутники и пускайте в эфир «Плейбой ченел». Может, это отвлечет? Ну а если всерьез, то надо сломать нечто социалистическое в поведении людей». Сломать — с кровью и страданиями, и еще поиздеваться, показывая замерзающим и голодным старикам голых баб с американского порнотелевидения. Это — не глумление? С Норд-хаузом все ясно — с какой стати он должен бы жалеть наших стариков. Но ведь Ясин — представитель еврейской интеллигенции, которая пока еще декларирует свою принадлежность к России.

Сегодня еврей-гуманитарии зачем-то опять вышли на первый план как сокрушители важной части культуры — моральных устоев. Не буду брать скандальные случаи, явные провокации (о них позже). Возьмем спокойные, «позитивные» продукты новой культуры. Хотя бы ту же книгу А.Ваксберга «Лиля Брик». В ней описана история, которая вызывает омерзение, от которой содрогаешься — если воспринимаешь ее в рамках привычной морали. Я всегда избегал всяких сведений о Маяковском и Лиле Брик, не хотел знать. И прочел книгу «на новенького».

Пусть не обижается А.Ваксберг, но вот как он представил дело: вокруг поэта возникло подобие еврейской корпорации. Пользуясь безумной влюбленностью Маяковского в Лилю Брик, эта корпорация буквально пожирала поэта, другого слова не подберешь. В книге есть страшная фотография: в августе 1930 г., узнав о том, что Совнарком постановил передать Лиле Брик половину наследства покончившего с собой Маяковского (авторские права), эта корпорация на радости перепилась и запечатлела свои счастливые лица. А.Ваксберг пишет: «Постановление правительства о введении Лили в права наследства отмечали в том же Пушкине, на даче, где каждое дерево и каждый куст еще помнили привычный голос Владимира Маяковского. Арагоны уехали, все остались в своей компании и могли предаться ничем не стесненному веселью».

А.Ваксберг изобразил Л.Брик патологической в сексуальном отношении женщиной. Зачем? Ведь факты жизни можно подать по-разному. Такие описания «специалист-гуманитарий» не может, как бы ни притворялся, дать без этической оценки. Он ее и дает — почти прямо заявляя своей книгой, что все привычные устои культуры в области морали отменяются. Эпизоды, от которых простого человека трясет, сопровождаются у А.Ваксберга репликами, выражающими восхищение: «В ее огромных темных глазах неувядающей красоты — печаль и усталость». Между содержанием эпизодов и фразеологией какое-то дикое несоответствие.

Допустим, А.Ваксберг и впрямь боготворит эту женщину и пишет как бы для себя, отвергая «ханжескую мораль». Но ведь такие же этические оценки он дает и другим персонажам. Вот очередной адюльтер Лили, начиная с которого Маяковский покатился к самоубийству. Объект — А.М.Краснощек (он же Абрам Моисеевич Тобинсон, он же Фроим-Юдка Мовшев Краснощек). Член комиссии по изъятию церковных ценностей (дело было как раз в 1922 г.). Вот в каких терминах его описывает автор: «Молод, красив, обаятелен, хорошо образован. Его одухотворенное, волевое лицо свидетельствовало о работе мысли и об уверенности в своей силе».

Став председателем Промбанка, Краснощек проворовался самым гнусным образом, подарил Лиле шубами и сел в тюрьму. Но с каким сочувствием пишет о его судьбе А.Ваксберг! Лили носила ему передачи, «в промежутках между своими заграничными поездками пыталась использовать все свои связи, чтобы помочь Краснощекову». Наконец удалось: «По чьему-то — несомненно, очень высокому — распоряжению Краснощекова просто отпустили на волю, сославшись на состояние здоровья». Роман счастливо продолжился.

Эта книга, одна из многих подобных, как раз и говорит русскому читателю: в России есть крепко спаянная, вросшая во власть теневая прослойка, для которой никакие обычные этические нормы не писаны. Костяк ее составляют еврейские «специалисты-гуманитарии».

Борцы с антисемитизмом представляют нелепой саму мысль о «засилье евреев». Какая, мол, чушь. Но ведь более яркого подтверждения этой мысли, чем книга А.Ваксберга, не сыщешь. Вот Лиля Брик. Кто она? Какую должность занимает в тайной иерархии? Каков механизм ее выдвижения? Она не знает границ, свободно курсирует по Европе, иностранный паспорт получает за два дня. Вытаскивает из тюрьмы вора Краснощекова, который посажен после громкого, на всю страну, процесса. Звонит по прямому телефону председателю КГБ А.Шелепину по делам своих приятелей. Лично от министра внешней торговли, да еще по согласованию с Сусловым, получает разрешение закупать для себя продукты за границей (и об этом ей лично сообщает председатель Госбанка). Если надо освободить осужденного за изнасилование гомосексуалиста Параджанова (гения и все такое прочее — об этом мы не спорим), то по просьбе Лили Брик в Москву едет Луи Арагон, который выпрашивает милость у Брежнева в разговоре один на один. И все это — в условиях жестокого «государственного антисемитизма», якобы в постоянном страхе Лили за свою безопасность. Вот это и называется теневая власть.

В советское время эта власть была введена в какие-то рамки (хотя, судя по всему, все время шла невидимая борьба за расширение этих рамок). Но сегодня она взяла за горло каждого. Почему скромный, никому не известный искусствовед Гусинский вдруг становится одним из сильнейших мира сего? Почему из сотни завлабов академического НИИ один невзрачный Березовский оказывается «владельцем заводов, газет, пароходов»? Ведь какие-то неведомые отделы кадров их выбрали, какие-то верховные советы их утвердили.

Добро ли несет людям эта теневая власть? Каковы ее культурные установки, ее идеалы? Вот Иосиф Бродский, перед смертью ритуально оплевав в «Известиях» поверженную Россию, так объясняет суть еврейства. Он, мол, стопроцентный еврей не только по родству, но и по духу: «В моих взглядах присутствует истинный абсолютизм. А если говорить о

религии, то, формируя для себя понятие верховного существа, я бы сказал, что Бог есть насилие. Ведь именно таков Бог Ветхого завета». Вот тебе и ценности демократии.

Сегодня участие в нынешнем «реформировании» России евреев, вооруженных таким понятием о еврействе, на знамени которого написано «насилие», опять велико — пусть не в виде сотрудника ГПУ, а в виде банкира, эксперта и идеолога. Вспомните: перед выборами президента в 1996 г. банкиры, почему-то числом 13, выступили с призывом к компромиссу, который должен предотвратить якобы неизбежную гражданскую войну. Банкиры — почти все евреи — милостиво обещали: «Оплевывание исторического пути России и ее святынь должны быть прекращены».

Спасибо вам, заступники России. А скажите-ка сначала, зачем же вы оплевывали святыни России? Это ведь не шутка. Да и с какого числа ваше телевидение прекратит это оплевывание? И кто будет составлять список «помилованных» святынь?

Можно сказать, что тезис насчет «оплевывания святынь» — всего лишь предвыборная патетика 1996 г. Брякнули, мол, сгоряча. Но вот конец 1998 г. — один из банкиров, А.Смоленский, в лирическом раздумье признает: «Все последние годы мы воспринимали свою страну, с одной стороны, через отрицание ее ценностей, а с другой, так сказать, через желудок».

Сейчас уж всем видно, что разбогатевшая и политически влиятельная часть еврейства взяла на себя роль тарана, сокрушающего «старый режим» и оставляющего нас и без святынь (ценностей), и без минимальных средств к жизни. Скажите, разве не естественно человеку испытывать страх (фобию) перед ними? Если бы такого страха не было, вот это было бы необъяснимым явлением.

Если евреи не желают превращения предпосылок антисемитизма в активную политическую установку, они не должны уклоняться от диалога и поощрять издание массы неискренних книг и статей.

ОТ «КОМИССАРОВ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ» К АНТИСОВЕТИЗМУ

Одним из сложных, труднообъяснимых явлений второй половины XX века можно считать антисоветизм интеллектуальных лидеров еврейства. В 70-80-х гг. он распространился на значительную часть евреев СССР, и очень многие из них поддерживали перестройку именно как демонтаж советского строя.

Значительность этого поворота видна уже из того, что он был разрывом с принципиальными установками целого поколения корифеев мировой культуры первой половины века, включая духовных авторитетов еврейства (например, Альберта Эйнштейна и Лиона Фейхтвангера). И произошел этот поворот вовсе не под влиянием озарения, раскрытия какой-то тайны или нового злодейства советского государства. Нет, обо всех действительных злодействах (например, репрессиях) все эти авторитеты имели полную и доскональную информацию. Тем не менее на этапе развертывания холодной войны Эйнштейн продуманно и определенно отказался занять антисоветскую позицию. Не было для этого поворота и формальных оснований, на которые часто указывают (закрытость советского общества, нехватка демократии): очевидно, что после войны СССР быстро становился все более открытым и терпимым обществом. Достаточно сравнить последовательность лидеров-символов: Сталин — Хрущев — Брежнев — Горбачев.

Разрыв с советским строем, видимо, был для многих евреев большим потрясением — даже разрыв с идеологией. Мысли об этом горьки («Недавно умер политрук Леви»). В обостренном виде проявилась в евреях общая для жителей СССР тревога и удрученность, нарастающее отчуждение от строя, который становился все менее советским, — потому его так равнодушно «сдали» в 1991 г.

Изверившись в блаженном общем рае,
но прежние мечтания любя,
евреи эмигрируют в Израиль,
чтоб русскими почувствовать себя.

Но не в отъезде дело. В еврейской элите задолго до этого был сделан выбор: этот «заболевший строй» надо не лечить, а убить. Здесь, кстати, в самом еврействе пролегла глубокая трещина — большинство евреев вовсе не занимают антисоветской позиции. По данным Р.Рывкиной, 60—70% евреев в России отмечают типично советские праздники (День Победы, День Советской Армии, 8 марта, 1 мая и 7 ноября), в то время, как, скажем, праздник Пурим отмечают 18%.

Конечно, большой поворот к антисоветизму левой и либеральной западной (и западнической) интеллигенции — процесс общемировой. Вираз еврокоммунистов и советской интеллектуальной элиты с некоторым запозданием, но повторяет траекторию еврейской элиты. Видимо, между всеми этими компонентами была взаимно усиливающая обратная связь. Судя по очень многим признакам, ставшим особенно явными в годы перестройки Горбачева, этот вираз означал переход на позиции радикального евроцентризма с отказом на право существования самой российской цивилизации как самобытной структурной единицы человечества. Но теперь, «чтобы попасть в Россию, пришлось целиться в коммунизм».

В самом советском строе не было резких поворотов, которые могли бы оправдать отказ от его поддержки. Обычные обвинения (подавление мятежа в Венгрии в 1956 г. и «пражской весны» в 1968 г.) на фоне недавней истории и даже современных действий геополитического противника СССР — не более чем повод. Ведь речь по сути шла о переходе на сторону противника в войне, пусть «холодной», — на сторону США, которые вели позорную крупномасштабную войну во Вьетнаме с явным геноцидом, без зазрения совести бомбили любую слабую страну в «зоне своих интересов». В этой

реальной «системе координат» стенания о нарушении социалистической морали не могут же приниматься всерьез, хотя интеллигентный человек нередко и сам верит в спектакль, который разыгрывает.

На деле каждый искал себе подходящий повод для стенаний, а целостная концепция СССР как империи зла сложилась позже. Вот, А.Ваксберг приводит запись беседы с Эльзой Триоле (сестрой Лили Брик и женой Луи Арагона) в Париже в июне 1968 г. «Пражскую весну» уже вовсю давили, но о ней ни слова: «Мы слишком долго молчали, когда в Советском Союзе происходило нечто несусветное, а если говорили, то тщательно выбирали выражения, например, по делу Синявского и Даниэля... Не хотели порочить Советский Союз, потому что мы не попутчики, мы настоящие друзья. По убеждению... Но — все, хватит!... Мы с Арагоном решили, что будем публиковать протест. И спрашивать разрешения ни у кого не намерены, потому что борьба с антисемитизмом — это дело каждого порядочного человека».

Здесь поводом такого поворота («Все, хватит!») послужила какая-то статья в «Огоньке» против Лили Брик. А до этого за «нечто несусветное» принимали дело Синявского. А еще до этого с удовольствием «тешились байками» сотрудника ГПУ Осипа Брика о том, как пытаются и расстреливают русских священников, — и это не только не было чем-то «несусветным» («Для нас тогда чекисты были — святые люди», — вспоминает Лиля в 60-е годы, и А.Ваксберг тает от умиления). Поглядеть со стороны — дикое несоответствие «преступлений и наказаний».

Читая сегодня подобные мемуары, а их много, видишь, что начиная с 60-х годов идет поиск любой зацепки, чтобы устроить антисоветскую истерику. При этом истерики и протесты поражают свой фальшью, фарсовым характером. В.Шкловский и М.Шатров подписывают письмо протеста в защиту Даниэля и Синявского — и тут же получают Государственную премию и ордена (уж не будем напоминать о

том, что предписание провести суд над Синявским дал лично А.Н.Яковлев — «отец русской демократии»). О «протестах» Евтушенко и говорить нечего, их он предварительно согласовывал с Андроповым, получив от него, как и А.Д.Сахаров, прямой личный телефон и разрешение звонить в нужных случаях. Так что антисоветский поворот готовился спокойно и хладнокровно, в комфортабельных условиях.

А истоки возникшей в середине века ненависти к советскому строю в том, что СССР выстоял в войне и в нем вновь устроилась жизнь — не так, как было задумано. Это очень точно выразил Иосиф Бродский:

Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот,
Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот.
Там, грубо говоря, великий план запорот.

До нашего огорода ему, конечно, мало дела. Главное — «великий план запорот». Об этом плач еврокоммунистов и всех наших ципко и яковлевых: не то, не то построили! А кого же мы должны были слушать, кто «давал нам направление», кто нас вел? Тут уж не о русском мессианизме речь, а именно о еврейском:

Мы там, куда нас не просили,
Но темной ночью до зари
Мы пасынки слепой России
И мы ее поводыри.

У многих поводырей этот мотив окрашен горечью и пессимизмом, они так оправдывают свое «прощание с Россией»:

Провижу я награды и расправы,
Провижу призрак плахи и костра,
И мне претит сомнительное право
Играть в овечьем стаде роль козла.

В чем же наша вина? Когда охватываешь множество искренних упреков нашей «слепой России», то выходит, что ее вина в том, что она, несмотря на все усилия поводырей, и в облике СССР осталась самой собою, поводыри оказались ни с чем:

Мы дали вам Христа — себе в ущерб.
Мы дали Маркса вам — себе на горе.

И самое большое безобразие в том, что Россия вроде и не сопротивлялась, была овечьим стадом — а в сути своей не изменилась:

И та же пляска обогранных душ —
Юродивых, насильников, кликуш,
Святых чертей, пророков бесноватых,
Пустых колоссов, странников горбатых,
Уставивших глазницы в никуда...
Россия, долго ль будешь виновата?

Сегодня одно из главных обвинений — сохранение советской Россией ее тысячелетней «рабской души» («наркоз покорности царям и мавзолеям»). Самое ненавистное ее выражение — сталинизм, культ личности Сталина. Принять это за искренний источник ненависти невозможно — ведь первыми концептуальными творцами культа Сталина были в 1934—1935 гг. «поводыри» Исаак Бабель и Борис Пастернак.

Другое обвинение, еще более жесткое, «на крови», — ГУЛАГ, репрессии («А есть только в крике истошном — проклятья стране лагерей»). Но опять же, когда перечитаешь все мемуары и посвященные этой трагедии стихи, слышишь лейтмотив обиды: как же так, репрессии были поручены аграновым, уншлихтам и шварцманам, и они старались вовсю — но в результате под нож вместе с овцами пошли якиры, гамарники и сами же аграновы? Как это получилось? Что же это за овцы такие проклятые?

Был прав поэт: не взять умом,
Не заглянуть в глаза
Стране, помеченной клеймом,
И знать ее — нельзя.

Получается странная вещь: советская власть отменила черту оседлости и подняла в элиту массу евреев. Р.Рывкина так оценивает положение евреев в советский период: «Они активно использовали предоставленные им политические права и за годы советской власти, успешно интегрировавшись в социальную структуру советского общества, достигли многого». И в то же время отрицание советского строя в элитарных кругах еврейства распространилось широко.

Причем это отрицание гораздо глубже политического интереса, это отрицание советского человека. В книге «Русская идея и евреи» речь как раз идет о том, что этот человек вовсе не связан с политическим режимом, он в разных идеологических оболочках вырастает «из недр», это нечто большее, чем национальность. Говорится, что даже через десять лет перестройки, после развала СССР, «на физиономии советского человека мы обнаруживаем национал-патриотическое выражение. Оно, конечно, привычнее и кондовее, но речь идет... о восстановлении в новом качестве вида «хомо советикус», сколько бы этот «хомо» ни клял революцию, Ленина, большевиков и евреев».

То есть, этот особый биологический вид неисправим и заражает своим духом даже бедных Ясина и Чубайса. Ненависть к советскому человеку настолько слепа, что даже сегодня, через целую эпоху после уничтожения СССР, имея практически полноту власти в хозяйстве России, еврейские «магнаты» пытаются свалить вину за катастрофу реформы на «загадочную советскую душу». Банкир А.Смоленский дает такое объяснение: «Уже давно нет Советского Союза, нет у власти маразматических членов Политбюро, но их дело живет. Прежде всего жив большевизм, вернее — неольшевизм, с которым мы шли по жизни все минувшее десятилетие».

Этим, конечно, вонзают иглу и в сердце советского еврея, также принадлежащего к виду «хомо советикус». В антологии «Евреи и Россия» стихи в общем окрашены ностальгией по вечным атрибутам России, — березам, снегу, русской песне и водке — но ни одного доброго слова не сказано в адрес России советской. И в этом виден глубокий душевный надлом, потому что по множеству нюансов видно, что тоскуют евреи именно по советской русской песне и по советской водке.

Со стороны лидеров еврейства важным обвинением СССР в антисемитизме считается произошедший в 50-е годы разрыв с Израилем и идеологией сионизма. А до этого, как известно, СССР сыграл очень большую роль в создании государства Израиль и в оказании помощи сионистам. Вообще-то конфликт с сионизмом — конфликт на уровне идеологии или в крайнем случае политики — никак не может быть эквивалентом антисемитизма как противоречия гораздо более глубокого. Так что разрыв с Израилем не может служить доказательством «государственного антисемитизма» СССР и уж никак не может объяснить накал антисоветизма. Однако в связи с тем, что тема сионизма сегодня поднимается обеими сторонами в нынешнем конфликте, мы должны на нее отвлечься.

СИОНИСТОВ ОБИЖАЮТ

27 декабря 1998 г. по НТВ выступил главный раввин Москвы и кое-кто еще из еврейской элиты. Они смеялись над тем ответом, который КПРФ дала на грозный запрос Министерства юстиции об отношении партии к «антисемитским высказываниям» некоторых ее членов. КПРФ ответила, что она «против антисемитизма и против сионизма». На телеэкране еврейские интеллектуалы имитировали иронию: «Ха-ха-ха, коммунисты не знают, что такое сионизм. Это просто движение за то, чтобы евреи вернулись жить на свою исконную землю Израиль — всего-навсего».

Но сначала о самом поводе для заявлений. Поражает, как эти евреи, носящие нарукавные повязки «борцов за демократию», не замечают того мрачного поворота, которому они способствовали. Чиновник государства требует от политической партии объяснений относительно ее отношения к высказываниям отдельных личностей. Это несовместимо с самыми элементарными представлениями о гражданском обществе.

Юридическая мысль ельцинской администрации родила нечто небывалое. Юстиция требует у парламентской партии доказать, что она не сочувствует некоему тайному пороку («антисемитизму»), определения которому сама юстиция не дает и дать не может. Само понятие антисемитизма никак не определено в праве и является чисто идеологическим (да и в идеологии оно меняется вместе с «генеральной линией» сионистской партии). Сама идея ввести в правовую практику выяснение наличия или отсутствия в какой-либо партии, ассоциации, организации сочувствия высказыванию одного из ее членов есть юридическая нелепость, которой вряд ли кто-нибудь мог ожидать в конце XX века в стране с все еще приличным уровнем культуры. Над такими потугами охраны издевался Салтыков-Щедрин более ста лет назад.

На основании каких правовых норм чиновник администрации требует от партии или вообще от гражданина заявления об их отношении к какому-либо событию? Каким законом ему даны такие полномочия? Будет ли Министерство впредь опрашивать все партии и по поводу любого высказывания, которое чем-то не понравилось администрации? Будет ли действовать принцип взаимности, так что политические партии смогут требовать от президента или министра отчитаться о его отношении к заявлениям политиков или чиновников? Например, о высказываниях Б.А.Березовского с его животным антикоммунизмом?

Если инициатива Минюста увенчается успехом и этот прецедент положит начало широкой практике, в России создастся еще более нелепая политическая система, не предусмотренная никаким правом. Сам факт такого запроса есть

косвенное утверждение права администрации выступать арбитром в идеологических вопросах. Это — признак тоталитарного государства, и раввин на НТВ напрасно поспешил его узаконить, пристегнув к этому делу иудаизм.

В принципе антисемитизм («нелюбовь к евреям»), даже если он доказан, не есть нарушение закона, поскольку закон не предписывает любить никакой народ — это сфера этики. Закон ограничивает не чувства, а действия в отношении какой-либо национальности. Конечно, публичные речи политиков можно считать действием. Но в речах А.М.Макашова и В.И.Илюхина антисемитизма не было, т.к. в их заявлениях имелась в виду не национальность или народ, а конкретные и очень небольшие политические группы евреев. Очевидно, что депутаты В.И.Илюхин и А.М.Макашов не нарушили закона, им не было предъявлено никакого обвинения, и тем более нарушение закона не было установлено судом. Таким образом, Министерство недовольно высказываниями, целиком лежащими в сфере идеологии и этики. Но эти сферы не относятся к компетенции администрации.

Эпоха морально-политического единства общества закончилась, и по многим вопросам общество расколото — прежде всего в результате действий правящего режима. Вспомните лозунг А.Д.Сахарова, под которым пришли к власти антисоветские демократы: «Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально». То есть демократы отвергли все этические запреты — что мы воочию видим хотя бы на телеэкране. Раз уж установили такой режим, надо бы и самим демократам следовать его правилам, а не превращать государство в орган идеологического надзора. Единственная возможность сохранить хрупкий гражданский мир — действовать всем политическим силам в рамках права, оставив при себе свои идеологические предпочтения.

Да и вообще, не следовало бы лезть в сферу этики администрации президента, который вручил оружие неформалам-террористам для расстрела женщин и детей во дворе Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 г. Тем более кощун-

ственно выглядят моральные поучения по национальному вопросу — от президента, который послал авиацию бомбить города и села части России. Или от мэра Лужкова, который в октябре 1993 г. для «развлечения народа» послал ОМОН бить на улицах «лиц кавказской национальности».

Я сделал эти весьма банальные замечания, чтобы указать «борцам против антисемитизма» на их явную склонность к неправовым, несовместимым с духом демократии действиям — при том, что сами они этой своей склонности, похоже, не замечают. Соблазн тоталитаризма у них в подсознании — вот в чем дело! Выходит, это «внучата Троцкого», а не Спинозы и Монтескье.

Вернемся к сионизму. Лучше бы, конечно, раввину и духовным лидерам еврейства это дело не ворошить — не знают про сионизм русские люди, и ладно. Но раз они сами стали издеваться над незнанием и наивностью коммунистов, придется хоть чуть-чуть вспомнить факты. Кстати, незнание русских людей, которые по наивности считают сионизм просто еврейским национализмом — куда меньший грех, чем сознательное лицемерие и обман Е.Киселева и его собеседников на НТВ. Говорить, что сионизм — всего лишь идеология собирания евреев в Израиле, есть беспардонная «фабрикация истории», опасное для общества разрушение исторической памяти.

Не менее опасно то расщепление сознания, которое возникает у телезрителя, когда на его глазах образованные, вроде бы приличные люди применяют двойной стандарт к двум структурно схожим явлениям — не моргнув глазом. Известно, что передача «Итоги» была крайне антикоммунистической и просионистской. Ради бога, на здоровье. Но попробуйте применить к коммунизму тот же стандарт, что и к сионизму: «коммунизм — идеология социальной справедливости, не более того». Так нет, у НТВ образ коммунизма — ГУЛАГ. Значит, не идеология, а практика, причем очень давняя. Тогда вспомним о практике сионизма.

Сионисты первыми превратили государственный терроризм в массовую технологию. Многие арабские деятели, даже лояльные к Израилю, были убиты «письмом-бомбой». В 1983 г. Яков Элиав, командир спецгруппы «Лехи» («Суровая бригада»), входящей в соединение террористов под командой Ицхака Шамира, издал книгу мемуаров, в которой говорит, что «письмо-бомбу» изобрел он. 70 таких бомб было изготовлено в конвертах правительственной почты Великобритании для отправки всем членам ее совета министров, лидерам оппозиции и ряду военачальников. На конвертах был штамп «Лично. Секретно» — чтобы письмо распечатал сам адресат. В июне 1947 г. Элиав был арестован бельгийской полицией, а письма-бомбы перехвачены. Их производство было налажено потом, в 50-е годы, уже в Израиле.

Вообще методы сионистов при создании государства Израиль — мрачная страница истории. Чего стоят хотя бы виллы с заложниками-англичанами или убийство посредника ООН Фолька Бернадотта. И ведь это был принципиальный и открытый выбор, ни о каком смущении нет и речи. Командир той группы, что убила Бернадотта, недавний премьер-министр Израиля Ицхак Шамир, заявил в 1943 г.: «Ни еврейская мораль, ни еврейская традиция не исключают терроризма как средства борьбы». Терроризм отказался осудить и первый президент Израиля Хаим Вейцман, и первый премьер-министр Бен-Гурион (его близкий друг признался ему, что принимал участие в убийстве Бернадотта, но премьер-министр сохранил это в тайне).

Мир помнит, как ставили и решали сионисты, например, земельный вопрос в Палестине. Вот данные из доклада на конференции католического центра «Семинария мира» (Испания): только за три месяца, с декабря 1947 по февраль 1948 г. сионисты организовали более двух тысяч вооруженных нападений на арабские деревни, чтобы согнать палестинцев с земли. Террористы из отряда «Иргун» вырезали всех до одного жителей деревни Деир Яссин, включая грудных детей. Более 70 процентов целого народа (палестинских арабов) броси-

ли свои дома и бежали. Этот сионизм — в прошлом? Но ведь совсем недавно командир того отряда «Иргун» М.Бегин был премьер-министром Израиля!

Об этом редкостном в мировой культуре признании терроризма как морально приемлемого средства борьбы политическим движением, которое находится у власти, писал в 1981 г. видный духовный лидер еврейства Исая Берлин. Исая Берлин, а не Альберт Макашов — утритесь, Доренко и Сванидзе.

Тема сионизма интенсивно обсуждается в книге «Русская идея и евреи». Там даже говорится о «мифе сионизма», даже такой идеологии как бы и не существует: «В том, что именно «сионизм» стал ключевым словом для обозначения врага в идеологии нового патриотизма, сказалось и влияние официальной антиссионистской пропаганды, влияние созданного ею мифического образа сионизма».

На кого это рассчитано? Мифический образ создается именно сегодня. Ведь ни для кого не секрет, что отмена известной резолюции ООН 1975 г., осуждающей сионизм как форму расизма, вызвана просто изменением геополитической структуры мира. После ликвидации СССР всем странам «третьего мира» ничего не оставалось делать, как подчиниться Новому мировому порядку — и они послушно проголосовали за отмену резолюции. Но этим же не отменить все те обстоятельства, которые вызвали ее принятие Генеральной Ассамблеей.

Да и вспомните совсем недавние голосования в Совете Безопасности ООН: резолюция с осуждением Израиля за бомбардировку лагеря беженцев близ Бейрута в 1988 г. — 14 голосов за, 1 против (США); за бомбардировку Туниса в 1988 г. (о которой США не предупредили своего союзника Тунис даже когда самолеты уже были в воздухе) — 14 голосов за, 1 воздержался (США). Да, сегодня всему миру наступили на горло, и правительства всех стран помалкивают, признают бандитское право сильного. Но злорадоваться по этому поводу — подло, господа российские демократы.

Кстати, позорно одобрять и старый принцип провокатора, которому следует сионизм. Израиль последовательно уничтожал и ослаблял умеренную часть палестинского движения сопротивления, взращивал и провоцировал палестинский терроризм. Это — общий вывод еврейских и американских ученых, изучавших цели израильской интервенции в Ливан в 1982 г. (она стоила арабам 20 тысяч жизней). На это были направлены и внешне абсурдные бомбардировки лагерей палестинских беженцев, и убийства арабских деятелей. Лишь бы под предлогом терроризма не идти на переговоры с ООП.

Что сионизм складывался не просто как еврейский национализм, а именно как расизм — известная и отраженная в множестве текстов и действий вещь. Потому и писал С.Н.Булгаков в 1942 г. о «еврейском расизме, завистливую пародию на который представляет собой расизм германский». Писал в произраильском труде!

Вот слова Раби Кука, главного раввина евреев-ашкенази с 1921 по 1935 г., приведенные в израильской газете «Давар» от 26 сентября 1988 г. : «Различие между душой израильтянина и душами тех, кто не является иудеем, более велико и глубоко, нежели различие между душой человека и душой животных; различие между двумя последними носит количественный характер, а между двумя первыми — качественный». Ну, Киселев, прокомментируйте этот тезис в программе «Итоги»!

Давление течения расистов внутри сионизма не ослабеваает и сегодня. Вот совсем недавний скандал в Израиле: там стало известно, что кровь чернокожих доноров — евреев из Эфиопии — демонстративно выбрасывается на помойку. Почему не вылить потихоньку в унитаз? Зачем наклеивать на склянки с кровью этикетки «Не использовать. Донор из Эфиопии»? Результат — расовые волнения с уличными побишцами в самом Израиле.

Те, кто говорят о «мифе сионизма», умалчивают, что главная критика сионизма исходила и сегодня исходит во-

все не из советских источников. Они по своей силе и обособленности не идут ни в какое сравнение с теми документами, что издают критики сионизма из среды самих евреев, особенно евреев США,— как религиозных, так и светских, умеренных сторонников политического компромисса евреев с арабами. К числу таких критиков относится, например, один из виднейших американских ученых лингвист Ноам Хомский. Можно ли и его считать антисемитом? Это было бы просто смешно.

Критика эта касается прежде всего практики сионизма в отношениях с арабами. Это, конечно, не только национальный вопрос — он связан с проблемой территории, земельной собственности, всех сторон политических отношений. Но под этой практикой лежит идеология сионизма, и в ней еврейские критики усматривают самый радикальный расизм.

Посмотрите опять, какие двойные стандарты были у НТВ. Сделав трагические глаза, Е.Киселев пообещал сказать нечто очень важное о КПРФ. Прямо страх прошиб! Вынимает какую-то книжку — автор из НПСР (кажется, Уваров). Зачитывает наш «борец с расизмом» жалкие сетования этого автора на тот факт, что большое число граждан из Закавказья, после того как добились «независимости» и развалили СССР, приехали в Москву и занялись тут бизнесом. Как сообщает то же телевидение, эти «граждане кавказской национальности» во многом контролируют торговлю. Что преступного написал этот Уваров? Русский человек на своей земле всего лишь жалуется на то, что ставшие «иностранцами» кавказцы душат русских торговцев. Он даже никого ни к чему не призывает — только жалуется (это вообще характерно для КПРФ). Чего Е.Киселев выпучил свои глаза?

Таков «расизм» КПРФ. Посмотрим на сионизм. Ноам Хомский пишет в крупном международном журнале «Архипелаг» (1989), что он собрал документальные свидетельства «расизма сионистского движения, начиная с его зарождения, в том числе расизма его самых уважаемых либеральных деятелей». Он приводит некоторые примеры — речь идет о

концептуальном, а не бытовом расизме. И этот расизм стал именно общей идеологией.

В середине 1988 г., согласно опубликованным в Израиле данным, 41% опрошенных евреев-израильтян (даже без участия в опросе прямо заинтересованных колонистов и жителей кибуцев) поддерживали изгнание арабов с оккупированных арабских территорий и 55% выступали против предоставления равных с евреями прав арабам — гражданам Израиля (равных прав у них и нет). Сравните с ужасным Уваровым из КПРФ: он жалуется на азербайджанцев, которые оккупировали московские рынки. А почти половина евреев в Израиле требуют очистить от арабов арабскую же землю, незаконно оккупированную Израилем! И сказать слово критики в адрес сионизма — чуть ли не уголовное преступление. Ну как не стыдно самим евреям — честным инженерам, врачам, пенсионерам — терпеть такое издевательство над здравым смыслом?

Н.Хомский в большой книге «Необходимые иллюзии: контроль над мышлением в демократических обществах» (1992) берет образ сионизма как очень показательный пример того, как «фабрикуется история». Он пишет: «Большая часть сионистской литературы представляет палестинцев как временных посетителей земли Израиля — недавно приехавших иммигрантов, привлеченных большим строительством, которое развернули евреи. Этот образ стал часто использоваться и в среде интеллигенции США». Н.Хомский далее показывает, как с помощью прессы и телевидения оказывается возможным убедить среднего американца (и даже видных левых, социал-демократических политиков США) в этой абсурдной идее — так что это положение в 1988 г. даже вошло в политическую программу республиканской партии.

Н.Хомский считает важным явлением современной западной культуры, которое заслуживает глубокого внимания, такой факт. В интеллектуальной среде США был устроен небывало шумный, «эйфорический» прием книги писателя-сиониста Джоана Петерса, в которой и был создан

образ палестинца как иммигранта. Книга представляла из себя сознательный подлог, и видный еврейский специалист Н.Финкельштейн еще до начала шумихи написал очерк «Возложение вины на жертву», в котором дал серьезный анализ этого подлога. Он не смог опубликовать этот очерк в США, а его объяснения не желали слушать. Позже книга Дж.Петерса с треском провалилась в Англии, получился скандал, и видные представители американской элиты, к которым обращался со своим очерком Финкельштейн, публично заявили, что ничего не знали о подлоге.

Насколько расизм пропитывает всю идеологию и практику отношений сионистов с арабами, мы видим постоянно в течение трех десятков лет — и помним все критические события. Когда в 1947 г. англичане не соглашались признать сионистов как представителей евреев Палестины (ввиду их терроризма), это было представлено как антисемитизм и расизм. Сам же Израиль и его союзник США до 1989 г. отказывались вести переговоры с Организацией освобождения Палестины, хотя она имела более широкую поддержку, чем сионисты среди евреев. В 1988 г. Ясиру Арафату, который должен был выступать на Генеральной Ассамблее ООН, США отказали в визе — вопреки закону об ООН. И пришлось всей Генеральной Ассамблее ООН перебираться в Женеву.

Когда оказалось, что справиться с начатым в 1987 г. мирным восстанием (интифадой) невозможно, Израиль пошел на уступки. Но какова фразеология! Обозреватель «Нью-Йорк Таймс» по Палестине Т.Фридман объяснил так: «Как только Ахмед получит право войти в автобус, он поубавит свои требования». Это буквально повторяет ту поговорку, с которой расисты Юга США в 50-е годы планировали уступки неграм: «Дайте Самбо место в автобусе, и он успокоится».

Вообще то, что пишется об арабах деятелями сионизма даже в респектабельных академических изданиях, не поддается квалификации. Просто свинство какое-то! Н.Хомский замечает: «Можно представить себе, какую реакцию вызвало бы подобное заявление какого-нибудь уважаемого профессо-

ра — но о евреях». Он честно признает, что на фоне того расизма, которым проникнуто все, что говорится об арабах в книгах, фильмах, комиксах и на телевидении, никакие разговоры об антисемитизме нельзя принимать всерьез.

В декабре 1988 г. в газете «Крисчен Сайенс Монитор» вышла статья, названная чуть ли не революционной, — впервые допускалась возможность переговоров с ООП. Автор говорил как бы от имени «проарабских» кругов США. Но как! Арабов учили, как должно вести себя их будущее государство: «Если вы будете казаться хоть слегка враждебными Израилю, мы откажемся от вас и разрешим, чтобы Израиль осуществил аннексию вашего нового государства и сбросил ваш народ в море».

Почему же в последние годы сионисты пошли на попятную, ведут переговоры с ООП и соглашаются на палестинскую автономию? Только в результате интифады. Но в ходе ее сионизм проявил себя самым нехорошим образом. Это отражено в огромном массиве документов, собранных и сторонниками мира с арабами, и умеренными сионистами, рядом депутатов Кнессета (парламента Израиля) и официальной «Комиссией Ландау» (члена Верховного суда). Многие из этих документов опубликовал в США Н.Хомский, который сам посещал Палестину и написал «Записки об интифаде». Опыт ее важен для русских.

Интифада — мирная революция нового типа, продукт конца XX века. Способ действий в ней разрабатывала группа европейских и арабских ученых — психологов, социологов и культурологов, люди умные и чуткие. Мне посчастливилось в 1990 г. слышать этих людей, которые объяснили предложенную ими программу, и, я думаю, ее можно считать достижением современного обществоведения. Главный принцип интифады — непрерывность и полный отказ от насилия. Действующие лица — дети и подростки. Когда по телевидению нам показывают сцены, в которых мальчишки швыряют камни в израильских солдат, надо понять смысл.

Психологи предвидели, что когда детям и подросткам придется открыто выйти против вооруженных солдат, они испытают невыносимый стресс. Именно для того, чтобы разрядить его, снять напряжение, им разрешили кидать камни — но не стараясь нанести травмы солдатам. На практике так и было, физического вреда израильские солдаты практически не понесли. Но оказалось, что их моральное состояние от сопротивления детей страдало очень сильно. Известный военный историк Израиля заметил, что «одна из лучших боевых армий мира быстро дегенерирует в полицейскую силу четвертого сорта». По его оценкам, после интифады армия Израиля показала бы себя в серьезной войне не лучше, чем аргентинцы на Мальвинских островах.

Как же ответили сионисты на революцию детей? Поначалу позорно. Уже упомянутый Т.Фридман, любящий афоризмы, предупредил палестинских подростков: «если один из наших попадет в госпиталь, 200 ваших попадут на кладбище». Интифада началась в декабре 1987 г. В декабре 1989 г., будучи в Испании, я слышал официальное сообщение: к тому моменту на оккупированных территориях погибло 2 тысячи детей и подростков.

Допустим, тоже стресс — солдат-юноша не выдержал и разрядил автомат. Но ведь главное — систематические избиения детей. По данным медиков и наблюдателей, многим детям 5-7 лет, которые не успевали убежать, солдаты ударами палки перебивали кости рук и ног, отбивали почки или брызгали слезоточивым газом прямо в глаза. Как сообщил корреспонденту командир роты, «им был дан четкий приказ: бить любого подозреваемого так, чтобы на один-два месяца сделать для него невозможным участие в акциях [протеста]».

Документы об избиении детей потрясают. Среди документов немало показаний самих ужаснувшихся солдат. В прессу попадали особые, из ряда вон случаи. Так, побоями изувечили мальчика 10 лет за то, что он не отвечал на требование назвать детей, которые кидали камни. Кричавшую и рыдающую мать тоже избили. Мальчик был глухонемой, что

и пыталась объяснить мать. Когда это выяснилось, искалеченного ребенка просто бросили, продолжив «охоту».

Ребенок семи лет успел заскочить в свой дом и спрятаться под кроватью. Его искали, нашли и избили — а потом избили отца и брата за то, что они отказались указать его убежище. Все это под истерические крики маленьких братьев, которых солдаты запретили успокаивать. Очень часто в таких случаях солдаты били ребенка не сами, а заставляли его отца, приходя в раж. Были случаи, когда отец при этом сам впадал в истерику и забивал ребенка ногами. Иногда, наоборот, в наказание детям солдаты на их глазах до смерти забивали отца.

Н.Хомский делает важный вывод: тот факт, что массовые избиения детей продолжались более десяти лет при полном отказе прессы США публиковать о них сообщения, очень многое говорит о западной культуре. Не о политике, а именно о культуре.

Садизм, с которым избивались дети, поразил израильтян. Философ Авишай Маргалит собрал возможные объяснения этого садизма. Так, тогдашний министр обороны Ицхак Рабин считал, что избиения «необходимы, чтобы возродить чувство гордости солдата в ответ на вызов палестинцев». В ходу был такой лозунг: «Стереть улыбку с лица палестинского юноши». На главной улице Западного Иерусалима избивали всех арабов, которые осмеливались поднять голову. А.Маргалит собрал документы о массовых издевательствах, смысл которых мог быть лишь в одном — разжечь ненависть арабов и заставить их перейти к насилию, к терроризму (это «жесткий» вариант разжигания антисемитизма). Не хочется пересказывать эти сообщения.

Интифада была успешной, она расколола израильское общество, заставила многих одуматься. Палестинские мальчики проявили поразительную дисциплину и самоотверженность и, думаю, многие евреи в душе им благодарны. Но о результатах говорить пока еще рано.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все сведения о сионизме взял я не в советской печати, не у Макашова с Илюхиным, а из еврейских источников. Большую часть — из материалов, собранных Н.Хомским. Сам он — гордость мирового еврейства, его биография включена в книгу «Знаменитые евреи» (М., 1992), где собраны сведения о 130 великих евреях всех времен и народов. Отец его, крупный лингвист, эмигрировал из России в США в 1913 г. и создал первую грамматику средневекового иврита. Так что тут все в порядке. Н.Хомский, сам крупный ученый, снабдил все свои материалы такими скрупулезными ссылками, какие не встречаются и в науке, — знал, что ошибиться и дать ненадежный источник ему нельзя, загрызут. Так что любой честный еврей, особенно с высшим образованием, не может просто отмахнуться от Н.Хомского под предлогом его невежества или антисемитизма.

Не будь той лживой передачи НТВ (28 декабря), я бы не стал трогать вопрос о сионизме и бросать в него камень. Ведь кое в чем он схож с русским большевизмом. У большевиков не было «национального» расизма — это бесценное свойство державного русского народа, подкрепленное идеологией коммунизма. Но был расизм «социальный» — ненависть к «расе буржуев», правда, очень быстро изжитая. У сионистов — тот же, что и у большевиков, мессианский накал, при котором образ «светлого будущего» застилает глаза, так что не жаль крови ни врага, ни друга, ни себя самого. Кроме того, сионизм не монолитен, как и большевизм, — ведь и у нас в одной партии были Шолохов и Троцкий. Да и меняется сионизм в том же направлении, что и большевизм. Недаром фундаменталист убил в Израиле премьер-министра, бывшего террориста. Медленно меняется, но меняется.

Кроме того, не люблю я, когда навешивают на кого бы то ни было чужие грехи. По простоте душевной у нас принято называть «сионистом» всякого неприятного еврея. Гусинский? Сионист, кто же еще! На самом деле ни Ясин, ни Березовский, ни Кириенко к сионизму, я думаю, никакого отношения не имеют. Они — порождение типично советской

номенклатуры, пошедшей в услужение к мировому финансовому капиталу. Они и евреи-то липовые, плевать они хотели на кагал, на Тору, на Талмуд и на Сион. Так что напомнил я исторические сведения о сионизме исключительно потому, что невозможно терпеть, когда продажные «шестерки» с НТВ так нахально обманывают людей.

СТАНУТ ЛИ ЧУЖИМИ СЫНЫ ИЕГУДЫ?

Вернемся к исторической загадке — разрыву «магнатов» еврейства России с советским строем и открытому переходу на сторону противника СССР в холодной войне. Это был сложный маневр — ведь для него пришлось разрушить дорогие для множества евреев символы и образы их коллективной памяти. Но этот маневр удался.

Поразительно, что даже война против нацизма не отмечена еврейскими поэтами как война советского народа, есть лишь лирические переживания самих евреев-фронтовиков или детей. По сути, И.Бродский говорит вслед за В.Гроссманом, что дело нашей войны было неправое. Вот читаем в его стихах «На смерть Жукова»:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

Значит, и советский Неизвестный солдат, и вслед за ним Жуков пошли, по мнению Иосифа Бродского, прямо в ад. А мы-то думали, что хоть они не провинились перед цивилизованным человечеством. Какие чувства бушуют в этих стихах Бродского? Каждый скажет: глухая, зрелая ненависть к Жукову. Хотелось бы допытаться у кого-нибудь из евреев —

почему? Ведь, согласитесь, эту ненависть объяснить просто — евреи воевали бок о бок с русскими и другими народами СССР.

Когда прочтешь несколько раз сразу все стихи, как-то отражающие треугольник «СССР — евреи — Гитлер», то выходит, что ненависть вызывает именно СССР. А палачи евреев, СС, восприняты как некая потусторонняя сила, которая на миг появилась, потом исчезла, но которую нет нужды ненавидеть. Уж во всяком случае, никакого отношения к немцам, Германии, Западу эта сила не имеет. Это — непонятный, но важный выверт еврейского сознания, который и сегодня действует.

Выше мы говорили о том, как, «пристегнув» черносотенство к нацизму, маленькими шагами подводят затем к такой картине, при которой нацисты как бы выпадают из истории, и оказывается, что «Холокост — русская тема». На этом пути даже идеологи, припудренные академическими регалиями, вынуждены идти на примитивные подтасовки. Так, М.Гелфтер пишет: об «ответственности и пагубности военного союза Гитлера и Сталина, из которого органически проистекали... возможности человекоистребления, заявленные Холокостом».

Итак, поднятый на пьедестал историк и философ М.Гелфтер подменяет понятие «пакта о ненападении» совершенно иным понятием — военного союза (потом мы удивляемся, почему американские юнцы думают, что во Второй мировой войне США воевали против союза Гитлера и Сталина). При этом историка несколько не смущает, что пакты о ненападении с Гитлером Англия и Франция подписали в 1938 г. — на год раньше СССР. Ни у кого и в мыслях нет сказать, что из тех пактов «органически» вытекал Холокост — только из пакта с СССР. О том, что все подобные истории самым чудесным образом «забыли» о Мюнхенских соглашениях, и говорить не приходится.

В годы перестройки те, кто взял на себя роль рупора еврейства, выступили против советского строя уже совсем от-

крыто. Вспомним, как использовали иудаизм для освящения борьбы против СССР. Главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт заявил в «Независимой газете»: «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинакова. Так же и ситуация сейчас во многом сходна». Значит, война проигрив СССР носила религиозный характер? Значит, наша страна олицетворяла «египетский плен», а мы, «египтяне», должны претерпеть все ужасы, насланные Саваофом на Египет?

Что же вменялось в вину СССР за последние сорок лет? Ни много ни мало, государственный антисемитизм. Это обвинение просто навязало в зубах, хотя само «преступление» неуловимо, как призрак. Д.Фурман представляет СССР, вплоть до прихода освободителя Горбачева, бастионом антисемитизма: «Прошлое евреев, начиная с падения Второго храма и кончая прекратившейся лишь с перестройкой официальной «борьбой с сионизмом» — это сплошная цепь преследований и унижений». Как видим, СССР отведено в этой «сплошной цепи» исключительное место. Уничтожение СССР видится поистине как «конец истории».

Мало-мальски строгие исследования самих еврейских социологов показывают, что антисемитизма в СССР не было. Доля евреев в самых элитарных и влиятельных профессиях была такая, что сионисты начала XX века и мечтать не могли. Более того, уровень антисемитизма в СССР и даже сегодня в России, согласно ряду международных исследований, ниже, чем во всех изученных «цивилизованных» странах. Даже в «лучшем из миров» — США — был обнаружен высокий уровень антисемитизма. По данным 1993 г., 35-40 млн. взрослых жителей США «бесспорно являются антисемитами». Но антиамериканских настроений в среде лидеров российского еврейства и в помине нет.

Надо подчеркнуть, что 40 млн. убежденных антисемитов насчитывалось в США в 1993 г., в момент экономическо-

го процветания и радости от победы в холодной войне. Как только в США возникает хоть едва заметный кризис, к которому каким-то боком можно пристегнуть евреев, положение резко меняется — антисемитизм достигает белого каления. Мой друг (возможно, еврей) работал в 70-е годы переводчиком в ООН. Как-то он приехал в Москву сразу после нефтяного кризиса 1973 г., который случился после войны Израиля с арабами. Он рассказывал в ужасе: подскочили цены на бензин, и множество американцев (особенно персонал автозаправочных станций) нацепили круглые значки: «Убей еврея!». Значки эти продавались на каждом углу. В России же антисемитизма не находят в условиях экономической катастрофы, когда люди дошли до края отчаяния — при том, что к этой катастрофе вела чередой министров экономики — евреев.

Таким образом, обычного антисемитизма в реальной «системе координат», то есть в сравнении с общемировой реальностью, исследования не обнаруживают. Чем же подтверждают обвинение в «государственном» антисемитизме? Р.Рывкина — доктор из Академии наук — пишет, что в СССР «как в явной, так (чаще) и в скрытой форме, проводилась политика государственного антисемитизма, принимавшая преступные формы, вплоть до попыток депортации». То есть она обвиняет государство даже не в намерениях, а прямо в попытках депортации.

Казалось бы, человек, претендующий на титул ученого, должен был бы при таком тяжелом обвинении, чуть ли не на уровне Нюрнбергского процесса, привести надежно установленные факты, документы и т.д. Ничего! А ведь в годы перестройки перерыли все архивы и подзудили людей на самые фантастические «свидетельские показания». Ну хоть что-то могла Р.Рывкина притянуть к такому обвинению в своей главе «Социальное положение евреев в СССР». Видно, ничего не нашла. Даже ни одной серьезной литературной ссылки — кроме какой-то публикации из Израиля никак не научного характера (это видно по реквизитам). За такие вещи в царской России канделябрами били.

Что же остается? Так называемая «процентная норма» — ограничение на прием евреев в вузы. Д.Фурман пишет: «Несмотря на все препоны, создававшиеся советским антисемитизмом, на ограничения при приеме во все вузы и просто невозможность для евреев поступить в некоторые, наиболее престижные из них, евреи значительно, на порядок образованнее русских, что объяснимо лишь громадной, преодолевающей все препоны тягой к образованию».

Воображение философа отказывается даже предположить, что исключительно высокий образовательный уровень евреев в СССР может объясняться, во-первых, их социальным положением (более благоприятными «стартовыми возможностями» молодежи из еврейских семей) и, во-вторых, отсутствием реальных «препон». Таких простых и общеизвестных для социолога объяснений Д.Фурман не приемлет, он усматривает единственный и не поддающийся проверке фактор — наличие в евреях «генетической» тяги к образованию.

На симпозиуме с учеными США в 1994 г. одна социолог, в прошлом секретарь партбюро моего института, жаловалась американцам, — почти как инспекторам — на дискриминацию евреев в советских вузах. Те кивали головами — зная о проценте евреев с высшим образованием и учеными степенями в СССР (в 1982 г. число докторов наук среди евреев было в 17,5 раз больше, чем среди русских, в 29 раз больше, чем среди украинцев, и в 37,6 раз больше, чем среди белорусов).

Я спросил докладчика и тех, кто ей кивал: какая, по их мнению, должна была бы быть «нормальная» доля евреев, если бы не было «дискриминации», и какова доля других народов? На вопрос не только не ответили, но и посчитали как бы неприличным. А ведь вопрос естественный. Если уж от нас скрывают, что такое антисемитизм, то скажите хотя бы, что не считается антисемитизмом!

Вообще-то сословные и национальные «квоты» — обычное и нормальное условие воспроизводства традиционного общества. Что общество старой России, а затем СССР, от-

носились к категории традиционных — не вызывает сомнения. Поэтому прилагать к нему мерки гражданского общества просто глупо. Да и вряд ли евреи делают это искренне, не настолько они оболванены евроцентризмом. Скорее всего, все эти истерики относительно «процентных норм» — спектакль. Без «процентных норм» разного рода все малые народы давно бы ассимилировались в России, а евреи утратили бы весь свой мессианский дух. (Кстати, сегодня, когда США официально отказались от расовой сегрегации, а их «этнический тигель» не в состоянии переварить некоторые меньшинства, там вынуждены вводить ограничительные «процентные нормы» для белых иммигрантов из Европы, например, на государственной службе — но наши правозащитники США за это не клеймят. Так что не в квотах дело).

Реальные конфликты возникают не по поводу формально существующих квот, а в связи с их величиной. Здесь евреи всегда умели договариваться. Так, официальные «нормы» в царской России при численности евреев 3% от всего населения составляли для университета Петербурга 3%, для Центральной России 5% и для областей в «черте оседлости» 10%. А реально только студентов иудейского вероисповедания (то есть не считая крещеных евреев, которых было немало) было в Петербургском университете 17,7%, в Киевском 20% и в Новороссийском 34%. Фактически высшее образование получали все евреи, которые этого добивались (в 1928 г., когда не было абсолютно никаких ограничений и «норм», их доля среди студентов была даже чуть меньше, чем в 1886 г.).

Кажется немыслимым — сообщать (как в книге Р.Рывкиной), что практически все (точнее, 76%) евреи в постсоветской России имеют высшее образование, и в то же время доказывать наличие государственного антисемитизма ограничениями на прием евреев в вузы. Когда вникаешь в подоплеку этого странного противоречия, начинает казаться, что суть обиды не в том, что в вузы не пускали евреев, а в том, что к высшему образованию допустили «чумазных» — всяких казахов и узбеков. Вот как объясняет эту суть еврейский поэт:

Шли дебилы по столице
в университет московский

.....

И глядел на их движение
восхищенно и печально,
в генах Эдисон, возможно,
мальчик Изя Шнеерсон.

Что же получается: когда А.М.Макашов ставит чисто ритуальный вопрос о квотах национального представительства, это называют расизмом, хотя это именно демократическая идея «равных стартовых возможностей», попытка смягчить различия материальных возможностей детей из разных социальных групп и национальностей. А демократичным наши «поводыри» называют требование принять в МГУ мальчика Изю на том основании, что он «в генах, возможно, Эдисон».

Представьте, в какую яму загоняет себя и своих единомышленников еврейский поэт. Ведь одно из двух: или он требует чисто политических привилегий для евреев по их анкетным данным (то есть явного национального неравенства в ущерб всем неевреям), или он просто расист, поскольку считает, что евреи генетически талантливы, а неевреи — генетически обусловленные дебилы. Тут уж прямо можно говорить о примитивном расизме и «анализе крови» — как иначе приемная комиссия МГУ может обнаружить у Изи Шнеерсона «гены Эдисона».

Кстати, когда Аушев с Шаймиевым фыркают на А.М.Макашова из-за идеи «национальных квот», то ингушам и татарам полезно было бы вспомнить, что в советское время эти квоты вводились не ради русских — доля студентов среди русских с 1927 по 1965 г. нисколько не менялась (около 1,1%). Снижение доли студентов среди евреев с 7,5 до 2,18% целиком пошло на то, чтобы облегчить доступ в вузы молодым людям тюркских и кавказских народов (данные взяты из книги Р.Рывкиной). Так, среди казахов доля студентов выросла с

0,07% до 1,06%. Может быть, и они считают, что настала пора плевать в колодцы?

Образ окружающих еврея людей как дебилов, похоже, кое-кому греет душу. Через еврейские стихи о России проходит, повторяясь иногда почти дословно, одна больная мысль — о серости и глупости советской жизни. Сильнее и злее всего, даже со злорадством, она выражена у Бродского, но это довольно общая мысль. Просто у других, в отличие от Бродского, она окрашена жалостью и ностальгией:

Поделом мне, собаке безродной,
Прилепившейся жадно во мгле
К этой горестной, глупой, голодной,
Разъединственной этой земле.

Или:

...Чтоб смогла отлюбить
Окаянный, бездарный, родной
Этот северный край,
Эту серую горькую землю.

Это горе трогает, даже не знаешь, чем помочь, «чтоб смогла отлюбить». Насчет бездарности, конечно, поэты загнули. Есть же у нас творческие гиганты — Марк Захаров, Хазанов, Евтушенко.

Но если отставить шутки, то за этими злыми, в слезах, обвинениями России в бездарности слышится предчувствие катастрофы. И тут можно понять, какой великий план был «запорот» именно в советской России — план, на который надеялись в России начала века. Эта катастрофа — бесплодность сионизма, оторвавшегося от России. Так неудачник-интеллектуал, выросший из маленького вундеркинда, глядит на свои похвальные грамоты и ненавидит родителей, которые передали ему «бездарные» гены. Мальчик подавал надежды и казался будущим гением только под крылышком родителей.

Вот и плачут поэты: ведь в серой «стране негодяев» расцветали и Пастернак, и Зельдович, блестящие математики и шахматисты. Жить им в России было плохо, неудобно: «там, наливая чай, ломают зуб о пряник...». И в какой-то момент евреи поверили, что и Зельдович, и Ботвинник возникли вопреки России, несмотря на ее жесткий пряник и трехгранный штык. И стали лидеры еврейства собирать на Сион будущих зельдовичей не по-хорошему, а отрезая пуповину:

Что за высоты
открылись с Сиона еврею!
Вычистил душу,
как будто загаженный Храм.

Но что-то было не так. Было предчувствие: «а под утро приснится страна где росли мы как пила на суку». Пилили сук, но вроде бы простое и хитрое решение Исхода с самого начала беспокоило какой-то червоточиной:

Новые затеявши затеи
и со страха нервно балагурия,
едут приобщаться иудеи
к наконец-то собственной культуре.

Сегодня, через полвека существования такого, плюнувшего в колодец, государства Израиль, итоги не слишком радуют духовно чуткую часть еврейства. Да, есть хорошая спецслужба «Моссад», работает творчески и безжалостно, но в ней видна матрица ГПУ. Неплохой автомат «Узи», но его сделал сотрудник Калашникова. Где же Песнь Песней? Где хотя бы математики и шахматисты?

Но пока еще червоточина проекта не превратилась в его угасание. Разрыв не произошел, и не надо бы к нему вести. Русские его не хотят. Может быть, это и настораживает гусинских? Так и не думайте о русских. Подумайте о тех евреях, которые уже сегодня говорят с горечью, даже без знаков препинания:

Когда умирать мне придется чуть живы
Прошепчут мои полумертвые губы
Мы стали чужими Россия чужими
А были своими сыны Иегуды

ДИССИДЕНТЫ — СОВЕТСКАЯ «ЗАКВАСКА» АНТИСОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

В 60-е годы зародилось, а в 70-е стало важным явлением общественной жизни СССР течение, которое получило туманное название «диссиденты». Это были полуформальные организации активных антисоветских деятелей. С течением времени их организации все больше формализовались — налаживалась связь, финансирование, база для издания и распространения печатных материалов.

Поскольку все это разношерстное движение было тесно связано и с КГБ в СССР, и со спецслужбами Запада, об организационной стороне дела известно мало. Впрочем, мелких, но красноречивых свидетельств в литературе достаточно, и когда-нибудь найдутся историки, чтобы составить подробную фактическую картину. Для нас здесь важно то влияние, которое диссиденты оказывали на общество — независимо от того, что творилось у них на кухне.

Сразу сделаю оговорку, ввиду того, что на нас довлеет механистическое представление о том, что влиятельно то, чего много. А поскольку диссидентов была ничтожная кучка, то реально повлиять на массовое сознание они не могли. Это ошибочное представление — уже в Библии хорошо объяснена роль «закваски», дрожжей, ничтожного по величине, но активного и размножающегося элемента системы.

Реально действительность диссидентов постоянно присутствовала в сознании практически всей интеллигенции, в особенности партийно-государственной элиты. Тот факт, что она непосредственно не достигала крестьян и в малой степени достигала рабочих, дела не меняет — идеи диссидентов до

этих массивных групп населения доводили агрономы и учителя, врачи и инженеры.

Второе важное обстоятельство, которое часто упускается из виду, состоит в том, что диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада. А это была такая мощная служба психологической войны, что нам и представить себе трудно. Без участия диссидентов — «наших», изнутри советского общества, пропаганда «оттуда» потеряла бы большую часть своей силы. Диссиденты с «Голосом Америки» вместе составили систему с сильнейшим кооперативным эффектом, а в такой системе бессмысленно оценивать силу по количественным размерам отдельных элементов.

Наконец, деятельность диссидентов была и потому эффективна, что они, как это ни парадоксально, были включены в большую и слаженную систему буквально общенародного обсуждения общественных, гражданских проблем. Парадокс в том, что это была именно советская система, которая обязывала каждого члена общества участвовать в этом обсуждении — через собрания, систему «политпросвещения», общество «Знание», СМИ. Официальная, открытая часть этой системы во многом не удовлетворяла новые поколения, а то и опротивела им. Диссиденты стали «теневой» частью этой системы, они работали на контрастах, в новых жанрах, как «творческое меньшинство», — но они использовали инфраструктуру официальной системы. Жванецкий выступал со своим антисоветским юмором на собраниях трудовых коллективов, организованных тем же «сектором культпросветработы», что на другое собрание приглашал лектора по международному положению, какого-нибудь большого или маленького А.Бовина. Диссиденты были вирусами, которые пользуются огромным аппаратом клетки. Они на ней паразитируют, нет клетки — нет и вируса. Поэтому понятно, почему теперь, когда вся эта система сломана, оппозиция рыночным реформам, имея в главных своих установках поддержку большинства населения, по эффективности своих сообщений

не идет ни в какое сравнение с теми диссидентами, которые паразитировали на советской системе «политпросвета».

Таким образом, важно учитывать взаимодействие разных частей системы. Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции.

Но и эффект печатной продукции «самиздата» был велик. Старый, испытанный еще в Великой французской революции прием захвата аудитории — представление идеологических сообщений в виде «запретного плода». Именно тогда, в период деятельности энциклопедистов, возник «самиздат» — изготовление и распространение нелегальной и полуполюгальной литературы. В СССР эта индустрия расцвела в 60-е годы как средство психологической войны (к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов). Тогда в СССР даже ходил анекдот: старушка перепечатывает на машинке «Войну и мир» Толстого. Ее спрашивают: вы что, с ума сошли? — «Нет, я хочу, чтобы внучка роман прочитала, а она читает только то, что напечатано на машинке».

Иными словами, захват аудитории в программе «Самиздат» достигался не высокой ценностью самого материала, а искусственно созданной приманкой — запретностью текста. Кто сегодня станет читать эти надрывные малохудожественные поделки! Авторы, издатели и распространители «самиздата» обращались к подавленным официальными нормами стереотипам в сознании. Это делало читателя как бы посвященным, причастным к какому-то тайному и важному «общему делу». Интересный исторический и социологический обзор самиздата в Чехословакии опубликован президентом Чешского социологического общества М.Петрусеком (М.Петрусек. Чехословацкий самиздат как фактор социальных изменений. — СОЦИС, 1993, № 8). Очень многие наблюдения и выводы прямо приложимы и к самиздату в СССР.

Главный эффект от деятельности диссидентов состоял не в том, что они смогли доказать порочность советского строя и убедить в этом людей, — они для этого не имели ни целостной системы доводов, ни какого-то позитивного проекта, который могли бы противопоставить советскому. Более того, диссиденты разных течений, составляя все же одну, соединенную антисоветским пафосом партию, зачастую атаковали советский строй с совершенно противоположных позиций. Например, Сахаров мог проклинать СССР за русский имперский шовинизм, а его соратник и сотоварищ Шафаревич — за якобы лежащую в основании советского государства русофобию. И ничего — никакой идейной или личной вражды.

Результат усилий диссидентов был гораздо фундаментальнее и глубже, ибо он не лежал в рациональной сфере (доказательство чего-то с разумными аргументами). Диссиденты сыграли роль еретика в монастыре — еретика, который даже не утверждал, что Бога нет, и не предлагал иной картины мира, он лишь предлагал обсудить вопрос: «А есть ли Бог?». Конечно, рационализация советской идеологии и сокращение в ней идеократического компонента назрели — иным стал уровень и тип образования, утрачена память о бедствиях, которые легитимировали тотальную сплоченность. Поэтому инициатива диссидентов была, в общем, благожелательно воспринята даже в совершенно лояльных к советскому строю кругах интеллигенции.

Однако никакого результата, полезного для нашего народа, от работы диссидентов я найти не могу — потому, что они очень быстро подчинили всю эту работу целям и задачам врага СССР в холодной войне. И те плоды поражения СССР, которые мы сегодня пожинаем, можно было вполне предвидеть уже в 70-е годы. На совести диссидентов — тяжелейшие страдания огромных масс людей и очень большая кровь.

Диссиденты подпиливали главную опору идеократического государства — согласие в признании нескольких священных идей. В число таких идей входили идея справедливости, братства народов, необходимость выстоять в холод-

ной войне с Западом. Диссиденты, говоря на рациональном, близком интеллигенции языке, соблазнили ее открыто и методично поставить под сомнение все эти идеи. Сам этот вроде бы невинный переход на деле подрывал всю конструкцию советского государства, что в момент смены поколений и в условиях холодной войны имело фатальное значение.

Разумеется, без того, чтобы на сторону противника в холодной войне перешел весь правящий слой (номенклатура), эффект от диссидентов был бы нулевым — обоснование советского строя вполне могло бы быть переведено на язык рациональных понятий, и в открытом диалоге никакого шанса на успех диссиденты иметь не могли. Более того, в этих условиях само их внутренне противоречивое движение просто исчезло бы. Так что уже с 70-х годов его живучесть и успех определялись уже не только явной поддержкой Запада, но и тайной поддержкой номенклатуры вплоть до ее высших уровней. При этом, поскольку будущие «архитекторы и прорабы» перестройки ориентировались именно на союз с Западом, то режим наибольшего благоприятствования предоставлялся диссидентам-«западникам». Если против них и применялись «репрессии», то к этому обязывал сам жанр политического спектакля и роль диссидентов как «борцов с тоталитаризмом». Не было бы Сахарова времен перестройки без его «ссылки» в ужасный город Горький.

Судя по публикациям и выступлениям диссидентов во время перестройки, в большинстве своем они были людьми с очень специфическим, суженным сознанием, в котором мессианская идея борьбы с «империей зла» потеснила, а порой и вообще вытеснила здравый смысл и ценности, утверждающие жизнь обычного человека. Поэтому, как бы ни относиться к идеям диссидентов, ни в коем случае нельзя было в 80-е годы допускать их к власти и тем более делать законодателями в сфере морали и политики. Строго говоря, сам жизненный «жанр» диссидента этому противопоказан. То, что бригада Горбачева-Яковлева вытащила этих людей на политическую арену, было чревато большими издержками (как это и

произошло в драматической форме, например, в Грузии или Таджикистане).

Призрак катастрофы уже потому мы должны были заметить, что идолом у возбужденной антисоветской публики стал академик А.Д.Сахаров — безумный наивный старец, который всю жизнь «под колпаком», в искусственной обстановке, прокорпел над водородной бомбой. А потом вырвался в воображенный им мир и оказался под таким же колпаком иностранной прессы и подсадных «диссидентов». И стал вещать с авторитетом пророка: разделить Россию на 50 нормальных государств! Немедленно разрешить куплю-продажу земли! Но что он мог знать о земле или о купле-продаже хотя бы картошки — из какого жизненного опыта? Прочтите сегодня, на свежую голову, все его статьи и речи, ведь в них нет и следа тех проблем, которыми живет человек в России. Читаю и думаю: да знал ли он хоть русскую литературу?

Хотя диссидентство было очень разношерстным и изменчивым течением, в нем можно выделить главные направления. Основным из них и по масштабу, и по влиянию являлось направление «западников». Оно в конце 80-х годов и пришло к власти (точнее, было взято властью в качестве прикрытия). Символом и выразителем этого направления был А.Д.Сахаров. Около него находилась другая влиятельная фигура — Е.Г.Боннер, в чем-то более радикальная и ярко выраженная, но, в принципе, разделяющая главные установки Сахарова.

Сахаров, безусловно, был взят как знамя той радикальной антисоветской партией, которая пришла к власти в 1991 г. и с тех пор определяет ход «реформ». В 1994 г., к 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова, Администрация Президента РФ издала брошюру («Слово о Сахарове. Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова». Издательство «Юридическая литература», Администрация Президента Российской Федерации, М. 1994). В ней — выступления тех, кто собрался на конференцию по случаю такого события. Показателен

состав участников: Е.Г. Боннер, С.А. Ковалев, А.Н. Яковлев, С.В. Степашин, А.В. Козырев, Ю.Ф. Карякин, А.И. Приставкин, С.А. Филатов и др.; открывается брошюра обращением Б.Н. Ельцина.

Вот слова С.А. Филатова, тогда главы Администрации президента: «В этом зале собрались те, кто считает себя учениками Андрея Дмитриевича... кто взял на себя тяжкую обязанность реализовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось... Тем большая ответственность лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова».

Учитывая такое редкое признание власти, угрожающий смысл слов о «нелегкой миссии», а также почти религиозный фанатизм, с которым к Сахарову относилась влиятельная часть интеллигенции, надо, наконец, выделить то главное, что «Андрею Дмитриевичу мечталось».

Прежде всего, по своей жизненной философии Сахаров — именно диссидент. Его симпатии распространялись прежде всего на маргиналов, на «меньшинства», атакующие нечто цельное и стабильное (политический порядок, культурное ядро, религию или мораль). Он, например, с одобрением относился к роману Салмана Рушди и с антипатией — к гневу мусульман, оскорбленных кощунством этого романа.

Обостренное отношение у него было и к малейшему, даже надуманному или искусственно создаваемому, конфликту меньшинства с целым. Например, важной темой в идеологической антисоветской кампании в 60-е годы стал пресловутый «государственный антисемитизм» в СССР. Сахаров в «Меморандуме» (1968) пишет: «Разве не позор очередной рецидив антисемитизма в кадровой политике (впрочем в высшей бюрократической элите нашего государства дух мещанского антисемитизма никогда полностью не выветривался после 30-х годов)?» («Меморандум академика Сахарова. Текст, отклики, дискуссия». Франкфурт, Посев, 1970).

Напротив, позиция целого или массивной, ядерной части общества или государства вызывает у Сахарова явную антипатию. В 1989 г. большую поддержку сепаратистам оказали речи Сахарова, в которых он клеймил «политику великодержавного шовинизма советского государства». В обществе он ценил именно малые группы, которые противопоставляют себя национальному целому и вообще массе людей, живущих обыденной жизнью («мещанство»). Он писал в «Меморандуме» в характерной классовой фразеологии: «Наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции».

В 1980 г. Сахаров так видит главные отрицательные черты советского человека, не входящего в «наиболее прогрессивную, интернациональную и самоотверженную часть»: «идеология советского мещанина (я говорю о худших людях, но они, к сожалению, весьма распространены среди рабочих, крестьян и интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей: 1) культ государства; 2) эгоистические стремления; 3) идея национального превосходства, принимающая темные, истерические и погромные формы».

Сахарову претит само устройство СССР как единого государства, ядром которого являлся русский народ. В предвыборной программе в феврале 1989 г. он декларировал: «Компактные национальные области должны иметь права Союзных республик» (А. Сахаров, «Воспоминания», издательство Права Человека, М. 1996, т. 2). А в другом документе требовал, чтобы в Союзе вообще все структурные единицы имели статус союзной республики. По этой схеме вместо 15 союзных республик их возникло бы около 150.

Что же касается представлений о мироустройстве и месте России в мире, то Сахаров был убежденным мондиалистом — сторонником исчезновения наций и унификации мира под властью мирового правительства. Уже в «Мемо-

рандуме» он пишет: «Человечество может безболезненно развиваться только как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций». Главной, безусловной, конечной целью Сахаров считал «конвергенцию стран с различным строем».

В своем проекте конституции «Союза Советских Республик Европы и Азии» Сахаров пишет: «В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к конвергенции социалистической и капиталистической систем... Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства.»

Но из всей совокупности его заявлений видно, что желанное для него Мировое правительство — это правительство Запада и, прежде всего, США. В телеграмме Картеру в 1976 г. он пишет: «Я уверен, что исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей» (А. Сахаров. «Тревога и надежда». Нью-Йорк: «Хроника», 1978). Напротив, СССР для Сахарова — именно империя зла, мутант цивилизации, не имеющий права на существование: «60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных преступлений» и т.п. (1977).

При этом Россия до возникновения СССР — это вообще черная дыра, хуже СССР. В 1981 г. в статье для американской газеты Сахаров пишет о политике СССР, указывая на ее очевидно преступный, на его взгляд, уклон: «потеряв далекую перспективу... партийная власть продолжает традиционную русскую геополитику» (А. Сахаров. «Воспоминания»). Кстати, взгляды Е.Боннер на этот вопрос еще радикальнее: «У нас политическая биография началась только в 1988 году, до этого у нашей страны ее не было».

В холодной войне Сахаров становится на сторону Запада против СССР категорически и открыто. В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в 1976 г. он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В 1979 г. он пишет в

большом письме на Запад (писателю Г.Бёлю): «Пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя, сталинский фашизм — сейчас советский тоталитаризм». В СССР он видит угрозу миру и уповает лишь на Запад: «В этом отношении я верю в Западного человека, в его ум, устремленный к великим целям, его благие намерения и его решительность».

Сахаров требует от Запада практических мер: «Чрезвычайно важны экономические и политические санкции... В частности, необходим широчайший, насколько только возможно, бойкот московской Олимпиады. Каждый зритель или атлет, приезжающий на Олимпиаду, будет оказывать косвенную поддержку советской военной политике».

Дело доходит до упреков Западу за то, что он в годы Второй мировой войны был слишком щедр по отношению к СССР: «То, что Запад признал изменение границ в результате Второй мировой войны, — это в какой-то мере уступка Советскому Союзу, потому что целый ряд из этих изменений мог бы являться предметом дискуссии» (А. Сахаров. «Тревога и надежда»).

Это — малая толика высказываний, которые никак нельзя назвать импульсивными или непродуманными. Они отражают целую концепцию большого долгосрочного проекта, который в большой степени и реализовался в перестройке и реформе в СССР и теперь в России, а также в формировании Нового мирового порядка с установлением Мирового правительства с безграничной властью Западного человека. Эта разрушительная утопия, конечно, будет остановлена, но горя людям она уже принесла и еще принесет немало.

Поразительно, что множество умных интеллигентных людей читают все эти антисоветские, а в глубине русофобские заявления Сахарова, благоговеют перед ним — и в то же время считают себя просвещенными демократами, а то и патриотами России. Здесь наблюдается расщепление сознания.

К диссидентам-западникам примыкает небольшая группа детей и внуков репрессированных высших партийно-государственных деятелей. Некоторые из них давно и открыто

декларировали себя как врагов советского строя, другие делали это уклончиво. Но важно, что в то же время они были частью советского номенклатурного истеблишмента и через разные каналы получали поддержку — моральную, да и материальную. С.Семанов приводит такие данные. В 1968 г. в издательстве ЦК КПСС «Политиздат» при ведомстве А.Н.Яковлева была учреждена серия «Пламенные революционеры». Это была серия с тиражами 200 тыс. экземпляров и самыми высокими тогда гонорарами. Вот какие книги она издала в 1970—1974 гг.: Гладиллин А. «Евангелие от Робеспьера»; Окуджава Б. «Глоток свободы», «Повесть о Пестеле»; Аксенов В. «Любовь к электричеству», «Повесть о Красине» (2 издания); Войнович В. «Степень доверия», «Повесть о Вере Фигнер» (2 издания); Корнилов В. «Сказать не желаю», «Повесть о В.Обнорском»; Гладиллин А. «Сны Шлиссельбурга», «Повесть о Мышкине». Итак, самая привилегированная серия партийного издательства привлекает восемь авторов с крайне антисоветскими взглядами (шесть из них, получив гонорары, эмигрировали, «от кассы ЦК КПСС прямо к сейфу радио «Свобода», Окуджава и Корнилов остались диссидентствовать дома). С.Семанов пишет: «Почему, например, из сонма «ленинской гвардии» Аксенов выбрал именно Красина? Да ясно. В ту пору во главе «диссидентов» шли потомки той самой «гвардии»: сын Якира, внуки Красина и Литвинова. Они настойчиво требовали от брежневского руководства причитающейся им доли «революционного наследства». Аксеновский кукиш в кармане был тогда понятен всем, кому предназначался» (С.Семанов. «Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки». М.: Вече, 2001).

Особенно показателен Б.Окуджава, сын расстрелянного партийного деятеля и популярный бард. Мне его песни нравились, и я их сам про себя распевал, пока не вскрылся весь проект, певцом которого он оказался. То есть, когда подтекст вышел наружу. В нем — комбинация мессианства с романтизацией гражданской войны и отказом от советского строя. «Пыльные шлемы комиссаров» лишь казались чем-то стран-

ным на фоне лирики. Но когда вслушаешься в «Моцарт отечества не выбирает» и «Артиллерия бьет по своим», то эти «пыльные шлемы» уже выглядят как предупреждение. А потом оказалось, что за лирикой стоит выношенная ненависть. Причем ненависть демонстративная, агрессивная. Ведь после расстрела Дома Советов, которым наслаждался Окуджава, он дал об этом целых несколько интервью. Многие в это не верили. Я самолично видел по телевизору, как он сказал нечто подобное. А прежде, чем услышать, его самые людоедские слова в статье, я специально выяснял, неужели он сказал буквально то, что ему приписывали.

Символом и центром притяжения другого течения диссидентов стал А.И.Солженицын. Он был менее западником, чем Сахаров, а иногда даже играл роль «почвенника». Однако в холодной войне исправно воевал на стороне Запада, в существенных вопросах никогда не ставя под сомнение правомерность антироссийских целей этой войны. Да и за последние годы, когда разрушение России в результате этой войны для всех стало очевидностью, его критика в адрес разрушителей ограничивалась очень туманными упреками морального характера. Мол, полегче бы, помягче!

Солженицын работал как писатель, действовал пером. Но он стал исключительно важным и активным политиком, и именно в этой его ипостаси он здесь нас и интересует. Он (хотя и не один) выработал определенную идеологию, логику, универсум символов и даже технологию политической войны. Все это было усилиями большой идеологической машины распространено в СССР и России в сфере этики и общественного сознания. Большую роль в повороте западной интеллигенции к антисоветизму сыграл шедевр фальсификации, «Архипелаг Гулаг» — созданный буквально в лаборатории и сильно бьющий по чувствам идеологический продукт.

Тот факт, что интеллигенция выбрала Солженицына как пророка и кумира — вещь, требующая исследований и размышлений. Я думаю, здесь есть проблема большая и фундаментальная. Я понимаю, что многие искренне восхищены

им как писателем, и о вкусах не спорят, но есть здесь что-то темное и непонятное. Выскажу свою точку зрения, поскольку все же перед нами прежде всего не художник, а чрезвычайно активный идеолог, сыгравший в поражении СССР немалую роль.

Факт в том, что писатель невысокого уровня в мнении интеллигенции получает статус классика — исключительно «по анкетным данным» (узник ГУЛАГа, изгнанник, борец). Я вообще раньше не верил, что кто-то в действительности смог дочитать его романы (я не смог даже в самиздате). Оказалось, я глубоко заблуждался, но я знал и женщин-демократок, которые считали красивыми мужчинами Е.Т.Гайдара и Г.Х.Попова.

Другой факт состоит в том, что человек злой, мстительный и с совершенно тоталитарным мышлением получает у интеллигенции статус духовного пастыря. Я, например, вынужден признать себя демократом (по-моему, демократизм вообще широко распространен среди русских, хотя им об этом не говорят). Но именно поэтому я принимаю общинный тоталитаризм, когда припрет (кстати, тоталитаризм крестьянской общины тоже проявлялся именно в голодные годы). Но когда я стал читать «Архипелаг», я его бросил с отвращением именно потому, что весь он был проникнут сталинизмом, только вывернутым наизнанку — тоталитаризм антиобщинный.

Человек, на мой взгляд, пошлый и с низкими моральными свойствами получает статус совести интеллигенции. Это вызывает самое тяжелое чувство. Надо только почитать его собственные письма и дневники — неужели не видно... Человек становится осведомителем в лагере без всякого давления, легко и сразу. Об этой стороне деятельности Солженицына сведения приведены в таких публикациях. В.Бушин. Александр Исаевич Ветров, Нобелевский лауреат. — «Шпион — Spy», 1994, № 4, с. 75-86. Там даны материалы немецкого криминалиста и писателя Ф.Арнау, изучавшего жизнь А.И.С. в лагере и, видимо, купившего или получившего в КГБ кое-какие копии. В «Военно-историческом журнале» (1990, №

12) были перепечатаны материалы из журнала «Neue Politik», 1978, № 2 (Гамбург).

Может быть, факсимильные публикации его донесений и эти его письма и дневники — фальсификация? Не похоже, никаких возражений ни с какой стороны не было. Но нельзя же игнорировать дневники своего же кумира! Все это странно и симптом очень нехороший. Как будто люди выбирают себе духовных пастырей не по велению совести, а по какой-то идеологической разнарядке. Но все это лишь дополняет автопортрет А.И.Солженицына.

Третьей символической фигурой в движении диссидентов был И.Р.Шафаревич. Он создал (и ему был создан) образ русского православного просвещенного патриота. Для укрепления этого образа он даже подвергается в стане «западников» мягким гонениям за якобы присущий ему антисемитизм (в связи с его книгой «Русофобия»). Его сторонники убедительно доказывают, что никакого антисемитизма в идеях И.Р.Шафаревича нет — и такое равновесие поддерживается.

Фигура И.Р.Шафаревича особенно важна вследствие того, что, в отличие от диссидентов-западников и даже от Солженицына, в общем, примкнувших к победителям в холодной войне и стоящим на стороне нынешнего политического режима в России, И.Р.Шафаревич, как говорится, «перешел на сторону народа». Он по ряду вопросов резко критикует нынешний режим и близок к оппозиции, в том числе к верхам КПРФ. Таким образом, он продолжает оказывать определенное влияние на сознание той части общества, что отвергает антисоветские реформы. Главное значение этого влияния в том, что И.Р.Шафаревич остается категорическим и принципиальным врагом советского строя и регулярно вводит в сознание оппозиции очередную дозу антисоветизма.

В этом смысле И.Р.Шафаревич относится к совсем иному типу антисоветских интеллектуалов, чем, например, В.Максимов или А.Зиновьев — те, поняв, что они «целились в коммунизм, а стреляли в Россию», резко порвали со своим диссидентским прошлым. И.Р.Шафаревич же методично продол-

жает выполнять свой антисоветский проект. Самым важным результатом этого является не переход людей на антисоветские позиции, этого не заметно, а расщепление, шизофренизация сознания тех, кто идет за оппозицией,— подрыв возможности выработки понятного положительного проекта.

Если взять два практически несовместимых в реальных условиях холодной войны идейных блока «активный антисоветизм» и «патриотизм», то в идейной платформе И.Р.Шафаревича, очевидно, фундаментальным является именно антисоветизм. Патриотизм — его «страдающая» часть, если не «легенда». В операции по подрыву национально-государственного устройства СССР И.Р.Шафаревич высказывал совершенно те же тезисы, что и, например, крайняя западница Г.Старовойтова (иногда совпадение почти текстуальное).

Сразу после роспуска СССР в Беловежской пуще, который стал для подавляющего большинства русских трагедией и воспринимался как преступление, И.Р.Шафаревич выступил с большой статьей «Россия наедине с собой» («Наш современник», 1992, № 1), где очень высоко оценивал эту акцию. Кстати, само название говорит о том, что генетически взгляды И.Р.Шафаревича никак не связаны с царской Россией — никто тогда не считал, ни монархисты, ни белые, ни красные, что Россия наедине с собой расположена на территории нынешней РФ.

В этой статье И.Р.Шафаревич формулирует постулаты, вытекающие из его антисоветской позиции, но находящиеся в вопиющем противоречии с реальностью. Он пишет: «Мы видим, что Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, нежели бывший СССР». Как же он это увидел? Представил бы он себе нашествие Гитлера на эту Россию в своих новых пределах и сравнил с СССР.

Что же хорошего видит И.Р.Шафаревич в уничтожении СССР? Прежде всего, разрыв связей с большими нерусскими народами. Он пишет: «Мы освободились от ярма «интернационализма» и вернулись к нормальному существованию

национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств». Тут он грешит против исторической правды. «Мы» ни к чему не вернулись, а переброшены в новое для России качественное состояние. «Ярмо интернационализма» возникло вместе с появлением Киевской Руси, когда государство изначально складывалось как многонациональное. Идея создания «нормального национального русского государства» просто скрывает в себе идею уничтожения России.

Второе благо от дела Ельцина, Кравчука и Шушкевича и их хозяев И.Р.Шафаревич видит в смене общественного строя: «Другое несомненное благо происшедшего раскола в том, что он поможет окончательно стряхнуть мороку коммунизма. Еще с начала 70-х годов я начал писать о социализме и коммунизме как о пути к смерти (конечно, в самиздате, с переизданием на Западе)».

После этого всякая критика в адрес Ельцина и Чубайса, которые что-то сделали не так тонко, как хотелось бы И.Р.Шафаревичу, имеет ничтожное значение — Степан Бандера тоже немцев критиковал, а только стрелкового оружия на 100 тысяч боевиков от них получил. В происшедшей катастрофе И.Р.Шафаревич видит благо, он ее готовил с начала 70-х годов и при этом выступал в союзе с Западом. И.Р.Шафаревич — типичный «власовец холодной войны». А это была война против России, а не против «мороки коммунизма» — уж такие-то вещи академик должен был знать.

В ненависти к СССР И.Р.Шафаревич даже изощряется, выкапывает сложные, необычные метафоры: «Логически такой же [как при построении СССР] принцип встречается в верованиях некоторых негритянских культов на Гаити. Там верят, что колдун может убить человека и вернуть из могилы в виде особого полуживого существа, зомби, действующего лишь по воле колдуна. Вот таким зомби и был СССР, созданный из убитой России».

Мелочность и неадекватность этого вычурного сравнения поражают. Но главное — за ним я вижу ненависть именно

к России. Страна, которая провела Великую Отечественную войну, — зомби! Александр Матросов и Зоя Космодемьянская действовали по воле «кремлевского колдуна»! Как надо пасть в мысли и духе на склоне лет, чтобы сказать такое.

Удивляет, что И.Р.Шафаревич получил официальный титул патриота при том, что он отвергает именно сложившийся за многие века принцип построения российского государства и предлагает взять за образец «нормальные» государства Запада (ведь все же, наверное, не Заир): «На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира».

Явные подтасовки не смущают диссидента из математиков. Дореволюционная Россия по своему устройству никак не была похожа на «подавляющую часть государств мира», и ничего «нормального» в этом деле нет ни в США, ни в Германии — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону, а исторически.

И венчает эта хвала убийцам СССР нелепая, просто дикая в своей антиисторичности мысль: «Россия может считать себя преемником русской дореволюционной истории, но уж никак не преемником СССР, построенного на заклании русского народа. Иначе тот ужас, который внушает коммунистический монстр, будет переноситься на Россию».

Так мы и живем — с Шафаревичем и Новодворской в одном флаконе. И промывают нам мозги этим шампунем с утра до ночи.

Наконец, выделяю еще одно, сравнительно небольшое и малоизвестное, но очень, на мой взгляд, важное течение диссидентов — тех, кто не был и не стал врагом СССР в холодной войне и не вступил в союз с его открытыми врагами, но в желании «исправить» пороки советского строя, на время оказался в стане диссидентов.

Недавно были опубликованы воспоминания одного из таких диссидентов, В.Н.Осипова. Он пишет во введении: «Я

отсидел два срока: семь лет за «площадь Маяковского» и восемь лет за журнал «Вече». Первый срок заработал по бестолковщине, попал как кур в ошип. Тогда главным фактическим обвинением было якобы намерение... убить Хрущева. Терроризм мне претил даже в молодости, но у меня в двадцать три года не нашлось твердости сказать сразу тем, кто затеял болтовню о терроре: «Я слушать это не хочу и обсуждать сие не намерен. До свиданья!» И мне было горько сидеть непонятно за что.

А вот вторым сроком я горжусь. Я бы и теперь сел за издание русофильского журнала. За чистое и благородное дело» (В.Н.Осипов. Из истории «русских мальчиков». — Москва, 1999, № 8-10).

Вкратце, история его такова. В 1957 г. он, студент истфака МГУ, был на целине в Кустанайской области. Когда вернулись в Москву, на истфаке разбиралось дело секретаря комитета ВЛКСМ факультета Льва Краснопевцева. Он организовал подпольную группу «Союз патриотов России» — «они тайно собирались в общежитии и обсуждали свои рефераты с критикой советской системы. Мировоззренчески пытались совместить большевизм с меньшевизмом».

Сам В.Осипов в это время подготовил для семинара доклад, в котором доказывал, что комбеды были «проводниками антикрестьянской политики коммунистической партии». На семинаре его «подвергли мощному политическому прессингу» (надо понимать, возражали).

Осенью 1958 г. он вступил в другую «подпольную группу» («собирались еженедельно и перемывали косточки марксизму-ленинизму, вечно живому учению; собрались было издавать подпольный журнал»). После этого его по-хорошему «попросили» из университета (диплом он получил заочно в другом вузе). В 1961 г. он был осужден по статье 70 («антисоветская агитация и пропаганда»).

В 1971—1974 гг. В.Осипов издавал (был главным редактором) журнал «Вече» (печатался он в ФРГ). Это и послужило поводом для его второго осуждения на 8 лет. Он пишет:

«Хотя сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями,— было не за что: никаких «выпадов» против «советского социалистического строя» не было».

В.Осипов — диссидент-патриот, даже во многом патриот именно советской России. И я читаю его воспоминания с симпатией и горечью — по этой дороге пошли многие наши патриоты, но, в отличие от В.Осипова, уже не смогли остановиться и порвать с главным течением антисоветской мысли. Логика борьбы их затянула необратимо. Воспоминания эти, на мой взгляд, очень поучительны. Не хотелось бы копаться в сознании человека, сильно пострадавшего за свои идеи, но раз уж он сам их предложил для анализа, извлечем урок.

Прежде всего, в сознании этого диссидента-патриота «незнание общества, в котором живем», проявилось самым драматическим образом. «Мировоззренчески совместить большевизм с меньшевизмом» — что за каша в голове была у этих элитарных гуманитариев? Ведь между большевиками и меньшевиками существовала мировоззренческая пропасть гораздо более глубокая, чем между большевиками и монархистами — как могли не понимать этого историки!

В.Осипов, историк, а затем православный интеллектуал, прилагает к советскому идеократическому традиционному обществу крайне евроцентристские критерии т.н. правового общества. «Сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями,— было не за что». Как это не за что? При чем здесь УК РСФСР с комментариями?

Ведь В.Осипов прекрасно знает, что он в квазирелигиозном советском государстве был активным еретиком — именно так он себя и представил. Как религиозный человек, он должен понимать, что это значит. Тот факт, что он действовал вопреки канонам и нормам советской «церкви-государства», никак не отменяется тем, что он и сам был привержен советским ценностям и хотел лишь «поправить» это государство. Разве когда Яна Гуса посылали на костер, кто-то сомневался в том, что он христианин? Нет, он всего лишь был еретиком. Что же ссылаться на УК РСФСР? Тем более в 1999 г., когда

сам В.Осипов страдает при виде того, что сделало с СССР основное течение диссидентства. Ведь в 1974 г. для следователей КГБ различия между антисоветскими течениями в диссидентстве были нюансами.

В.Осипов стал издавать в ФРГ и распространять в СССР журнал в то время, когда СССР втягивался в последнюю большую кампанию холодной войны при резком ухудшении соотношения сил. Тогда возникло верное предчувствие, что эту кампанию мы проиграем с тяжелейшими потерями. После 1968 г. западные левые, бывшие ранее союзниками СССР, перешли на сторону его противника. За ними потянулась и наша просвещенная интеллигенция. Резко усилилась на Западе эмиграция «второй волны». И вот некто В.Осипов организует издание журнала «на территории противника». Кто он такой? Человек, только что отсидевший семь лет за антисоветскую деятельность.

Второй арест «вырастал» из первого, и разрывать их в объяснении действий КГБ никак нельзя. Но и причины первого ареста В.Осипов трактует вскользь и очень либерально. Да, участвовал в организации, которая строила идиотские планы террористической деятельности, хотя «терроризм мне претил даже (!) в молодости». Да, «не нашлось твердости» отказать обсуждать эти глупости. Но ведь действительно не нашлось — что же странного в том, что тебя осудили?

И все это после того, как В.Осипов еще студентом постоянно устраивал демонстративные и, на мой взгляд, нелепые акции. Причем он — историк. Что он хотел сказать своим докладом о комбедах («проводники антикрестьянской политики коммунистической партии»)? Ведь это просто вызов, скандал, замешанный на доктринерстве. Комбеды даже формально просуществовали всего полгода, никакой «политики» они провести не могли и просто бы не успели. Таких «проб и ошибок» было множество и не могло не быть — не приглашали мы тогда Джеффри Сакса как консультанта. Как только «партия увидела», что крестьяне комбедами недовольны, она их упразднила — к чему же вместо разумного историче-

ского анализа сразу выносить на студенческий семинар обвинительное заключение против «политики партии»? Тут есть какая-то болезненная надрывность, диссидентство как призвание.

В 1995 г. я ехал из Вологды в Великий Устюг в одной машине с писателем Л.И.Бородиным. Он тоже был известным диссидентом-патриотом. Человек нестигаемый и цельный, много лет отсидел за свои убеждения и ни разу не поступился ни ими, ни обыденной совестью. Он в машине рассказывал об этом своем опыте — не мне, но при мне. Его много лет «вел» один и тот же следователь КГБ, и время от времени между ними происходили принципиальные беседы.

Л.И.Бородин объяснял следователю, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил, которые в то же время будут радикально антирусскими. И поэтому он, Бородин, и его товарищи считают своим долгом бороться с КПСС. На это следователь ему отвечал так. Он и его товарищи, поставленные охранять безопасность СССР, и сами прекрасно видят, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил. Они, работники КГБ, пока не знают, как это можно предотвратить, какова стратегия и тактика противника. Но они наверняка знают, что плотину надо охранять до последнего, и если позволить таким, как Бородин, проковырять в плотине дырку для небольшого ручейка, она рухнет гораздо быстрее. Тогда заведомо не хватит времени подготовить новую линию обороны и спасти положение. Поэтому он Бородин, который не прекращает своих попыток проковырять эту дырку, вновь отправляет в очередную ссылку.

Примерно так изложил суть этих бесед Л.И.Бородин, и я восхитился его объективностью. Он рассказал так, будто и в 1995 г. у него не было ясного ответа на вопрос: кто из этих двух патриотов был прав? Мы знаем, что тот следователь КГБ потерпел поражение — и верхушка КПСС, и его высшее начальство сдали страну антисоветским силам. Л.И.Бородин

стал уважаемым писателем, главным редактором большого журнала, но, судя по всему, тоже потерпел такое же поражение. Если брать этот случай как чистую модель, в моих глазах принципиально прав был именно следователь. Если не знаешь общего средства спасения, то хотя бы оттягивай момент катастрофы — не позволяй размывать плотину. Может быть, за выигранное тобою время кто-то найдет выход.

Это, конечно, очень краткий и схематичный очерк о диссидентах — так, как мне они виделись с позиций человека, не затронутого антисоветским соблазном. Но все же диссиденты — лишь «дрожжи». Ниже попытаемся разобраться в том, как всходила вся антисоветская опара.

ЗАПАДНЫЕ ЛЕВЫЕ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

Запад широко праздновал десятилетие прихода к власти в СССР Горбачева: «Десятилетие, которое перевернуло мир!». Где же при этом перевороте оказалась Россия с точки зрения западных поклонников Горбачева? Что ей принес этот рыцарь «общечеловеческих ценностей»?

Звезда европейской прессы, лауреат всяческих премий, обозреватель Герман Терч пророчил: «Мы не знаем, что произойдет в Европе в ближайшие годы, даже в ближайшие месяцы. Но мы уже можем исключить кое-какие сценарии, которые вытекали из поражения советской империи. В России не будет гармоничного порядка по общим законам демократии и рынка. Россия не станет либеральным правовым государством в обозримом будущем. Щедрая помощь извне не сможет заставить русскую нацию сделать огромный скачок, необходимый, чтобы покрыть за несколько лет или десятилетий отсталость как минимум в два века в своем социально-политическом развитии. Этого не может быть и, кроме того, это невозможно».

Как видим, в своей аргументации либералы вернулись к старому испытанному доказательству: «Этого не может быть,

потому что этого не может быть никогда!». Для нас здесь важно понять, что Россия вычеркнута терчами из цивилизации давно, и революция 1917 г. здесь абсолютно ни при чем.

Любимый мотив нынешних русофобов — пугать русским фашизмом: «Россия становится Веймарской республикой!». То есть, перестройка празднуется как победа Запада, раздавившая и унизившая Россию в той же мере, как поражение Германии в Первой мировой войне (Веймарская республика в раздавленной Германии породила Гитлера).

Об отношениях Горбачева с Западом интересные вещи сказал тогда его помощник Вадим Загладин в интервью газете «Коррьере делла сера». Вот что он рассказывает об отношениях Генерального секретаря КПСС со своей партией с самого начала перестройки: «В то время Горбачев не мог говорить открыто, он знал, что большинство Политбюро и ЦК не поддержало бы его позицию. В этом признался сам Горбачев. Он должен был быть немного лисой, не мог сказать всего и порой должен был говорить одно, а делать другое». То есть, Горбачев с самого начала вел двойную игру, обманывал и партию, и весь народ относительно самых главных вопросов — и привел страну к катастрофе. Как это называется? Можно ли назвать это ошибкой, как пытаются это представить еще многие наши люди?

Когда же Горбачев стал служить «иным целям» — тем, за которые дают звание «лучшего немца» и ненавидят на родине? Загладин хвастается: «В речи, которую Горбачев произнес в Лондоне в конце 1983 г., уже содержалась новая политическая концепция, отличная от концепции партии и государства».

Как называется деятель, который во время войны, пусть «холодной», едет за границу и предлагает себя как носитель концепции, противоречащей политике своего государства? Ведь он там предложил именно концепцию, которая привела к разрушению страны — к ее поражению такого масштаба, что нас сравнивают с Веймарской республикой. Так и понимая эту концепцию в тот момент Буш. Так она всеми оценивается и сегодня.

Президент Римского клуба Р.Д.Хохляйтнер, единственный из западных деятелей, нашедший сегодня слова сострадания к советским людям, дает очень взвешенные формулировки: «Перестройка — наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира», то есть для Запада. «Перестройка не только привела к ликвидации коммунистического режима в СССР, но и радикально изменила равновесие сил в мире». В чем же изменение? Исчез СССР (Россия) как великая держава, и полностью задушено освободительное движение третьего мира. «С полным основанием говорится, что Горбачев и его перестройка сейчас лучше понимаются и выше оцениваются на Западе... Перестройка была бы немыслима и не могла бы произойти, если бы не уникальная и неповторимая личность Михаила Горбачева».

Журналист спрашивает Загладина: «Оказал ли влияние на разработку идей перестройки опыт западных компартий?». И помощник отвечает: «Вне всякого сомнения. Еврокоммунизм повлиял на развитие идей и общей концепции перестройки. Уже с конца 60-х годов Горбачев лично читал все документы западных компартий». К сожалению, мы мало знаем о еврокоммунизме — течении, которое оказало огромное влияние на судьбу современного мира, разрушив культуру левого движения, открыв дорогу неолиберализму на Западе и перестройке Горбачева в СССР.

Вот выдержка из работы испанского историка Антонио Фернандеса Ортис в сборнике «Коммунизм — еврокоммунизм — советский строй» (Москва, 2000). Он пишет в заключении:

«Из истории коммунистических партий и особенно компартии Испании видно, что практически во все время их существования в них имеют место два проекта коммунизма и два проекта партии. Наличие этих двух проектов не всегда осознается, можно даже сказать, что они существуют на интуитивном уровне. Различаются они не на уровне идеологии, а на уровне самого восприятия жизни и смысла существования человека в обществе.

Есть коммунизм, культурной основой которого является такая солидарность, которую мы можем назвать традиционной, народной, крестьянской. Народ, государство, общество и человек воспринимаются как единые, тотальные естественные субъекты. Они — совокупность объективных и субъективных, материальных и духовных ипостасей, которые их образуют. В этой модели коммунизма человек соединен узами солидарности со всем обществом и с природой. Его солидарность выходит за рамки социального и распространяется на природу, с которой человек устанавливает особые отношения. В Европе и России основаниями этого коммунизма были и продолжают оставаться традиции солидарности с крестьянскими корнями...

Личный путь многих руководителей испанских коммунистов хорошо отражает сохранившиеся в их мировоззрении солидарные представления. Самым красноречивым случаем была Долорес Ибаррури, но также и такие деятели, как Листер, Урибе или Игнасио Гальего. Когда они вступили в противостояние с Клаудином, Семпруном или Каррильо, движущими мотивами у них были идеалы солидарности и проект партии, которые они не могли сформулировать в виде теоретически разработанной концепции. Но они сопротивлялись проекту своих оппонентов, потому что интуитивно чувствовали, что предлагаемые изменения ведут к утрате исторической памяти, на которой стоит их идеал солидарности.

Другой проект коммунизма — городской, рационалистический. Он унаследовал ценности Просвещения и Французской революции, принял модель атомизированного человека и с нею индивидуализм. Этот проект коммунизма отвергает традиционное крестьянское мироустройство, народный мир как пережиток феодализма... Отсутствие классового сознания в среде крестьян делает их мелкими буржуа, превращает их в «мешок картошки». Это проект коммунизма, который в конце концов согласился с основными принципами, на которых стоит капиталистическое общество... Традиционные общинные ценности, традиционная солидарность, основанная на

модели делимого «общего человека» («часть меня присутствует во всех людях, а во мне присутствует часть всех людей») рассматриваются в этом коммунизме как реликты предыдущих эпох в существовании человека. Реликты, которые служат препятствием прогрессу и обречены на исчезновение.

Весь практический опыт социализма в XX веке в большей или меньшей степени, в зависимости от конкретных условий, отражает взаимодействие двух описанных выше «проектов коммунизма». Пожалуй, большевизм представляет собой самый яркий случай. В нем переплетаются две формы коммунизма или, если хотите, две формы солидарности...

В тесной связи со сказанным выше возникает фигура интеллигента, которому трудно понять предпочтения народа, который полон противоречий и впадает то в абсолютную идеализацию, то в абсолютное отрицание. И европейская, и русская коммунистическая интеллигенция обнаруживают это свойство. Народ и его «авангард», пролетариат, стали объектом идеализации — и в отношении их природы, их поведения, их исторической роли. Народ всегда прав! Но ведь народ, как категория, не обладает разумом, он имеет здравый смысл. И именно здравый смысл народа, способ его самовыражения, зачастую грубый, и в массе пролетариата, и в крестьянстве, не соответствует идеализированным и идеологизированным представлениям левого интеллектуала. Приходит разочарование и осуждение. Левый интеллигент Европы испытал двойное разочарование. Он не понял самовыражения народа в его собственной культурной среде, на своей собственной территории — и он не понял народного, традиционного компонента в советском проекте. Сходный процесс пережила и советская интеллигенция».

Мы знаем, что на сторону противника СССР в холодной войне перешла верхушка почти всех компартий Запада. А вместе с ними — молодой Горбачев и люди его типа. Они черпали свои идеи из еврокоммунизма! Мы знаем также, что еврокоммунизм практически привел к ликвидации западных компартий и открыл дорогу неолиберальной волне, тэтчериз-

му. Но на Западе для этого поворота были хоть шкурные основания: отказ от социализма у рабочих купили за огромные деньги, перекачанные из третьего мира, против которого рабочие обязались сплотиться с родной буржуазией (потом их, конечно, надули, но не совсем). Для СССР же принять идеи еврокоммунизма означало именно национальное предательство, ибо при этом мы сами превращались в третий мир, в наихудший вариант колонии. Почему же люди типа Горбачева приняли эти идеи? Потому, что на Западе — хозяева их душ. Им было противно и советское государство, и советское общество. Они разрушали их сознательно и плату от победителей берут с гордостью честного подрядчика.

Горбачев для нас — дело истории, а западные левые остаются важным фактором в политике и культуре. Что же происходит в их среде? Не так давно преемник Жоржа Марше на посту секретаря Французской компартии Робер Ю наконец выдал из себя то, что от него с такой страстью добивалось хорошее общество: в целом осудил Советский Союз, а заодно и ФКП — за то, что она его поддерживала. «В этот вечер я торжественно заявляю...» и т.д.

Когда я читал репортажи о теледебатах, где он сделал это историческое признание, прямо слезы навертывались. В парижской телестудии — как на допросе в НКВД, где следователь на минуту становится лучшим другом признавшегося «врага народа»: «Вот видите, как все хорошо устроилось. А вы столько мучились, и меня измучили. Вот здесь подпишите».

И правда, чего было столько мучиться — уже и Генеральный секретарь КПСС давно подписал и теперь бесплатно отдыхает себе на виллах королей. А потом продезинфицировали помещение — и другой генсек, какой-нибудь Шеварднадзе, может с семьей заезжать.

Только почему-то при Марше за ФКП голосовало 25% французов, а при Ю — 7. Скажут: СССР рухнул, чего же за них голосовать! Давайте, как бедная рыба-прилипала, потерявшая свою акулу, искать другую. Но не все так просто, серд-

цу не прикажешь. И никто не решится задать простой вопрос: те 7%, которые еще голосуют за ФКП, делают это потому, что она сделала антисоветское заявление, или потому, что она — наименее антисоветская сила? Как ни крути, а отношение к СССР (а теперь еще к Кубе) остается пробным камнем для проверки политика.

Что же случилось с западными коммунистами — одним из сиамских близнецов левого движения (второй близнец — социал-демократы)? Этот вопрос сегодня занимает всех, включая буржуазных философов. Левое движение — необходимый компонент здорового капитализма, балансир гражданского общества, без которого рассыпается равновесие, звереют буржуи, а в ответ звереют и рабочие. А внутри левых должно быть равновесие между социал-демократами и коммунистами, экосистема здорова, пока есть хищник, который кусает кабанов за пятки и заставляет их двигаться.

Что левое движение находится в глубоком кризисе — очевидно. За последние полвека оно оказалось неспособно выдвинуть проект мирного сдвига к более справедливому обществу. На все такие попытки капитал отвечал однозначно и жестко, отбрасывая фиговые листки. На каждого Сальвадора Альенде был готов Пиночет.

Более того, левое движение оказалось неспособно даже организовать защиту тех социальных прав, которых рабочие добились у напуганной советским примером буржуазии. Уверенные, что их вечно будет подпирать мощь СССР, левые вообще как будто не заметили, как изменился мир и перегруппировался социальный и идейный противник. Страшные удары Красной Армии по немцам, а потом и Спутник заставили его собраться в кулак, подтянуться. Холодная война была не метафорой, а мобилизационной программой. Бедный третий мир выжали, как лимон — и бросили невероятные средства своим рабочим в виде социальных благ. За счет этой перекачки средств эксплуатация рабочих в метрополии сокращена на 40%! Живи — не хочу!

Параллельно шла работа над «перевоспитанием» элиты левых всего мира (включая КПСС). Стипендии для обучения

в лучших университетах, непрерывные симпозиумы и круглые столы, приглашение прочесть лекцию в самом Гарварде! И везде случилось, в разных вариантах, одно и то же: верхушка левых оторвалась от своей социальной базы, от массы. Левые интеллектуалы нового поколения стали частью университетского истеблишмента, а в рабочее движение ходили, как на службу.

А когда и в СССР к рычагам власти, еще при жизни стариков, пришла бригада горбачевых, на Западе стало возможным начать откат в социальной сфере, одно за другим отнимая ставшие уже привычными блага — приватизируя здравоохранение, повышая плату за обучение, сокращая пособия по безработице и т.д. А главное — разрушая саму этику рациональной солидарности (она отличалась от нашей общинной, но была все же этикой солидарности граждан).

От этого не уйти, прикрываясь демагогией. Вот передо мной газета: в Мадриде человек умер от инфаркта на ступенях частной клиники — несмотря на просьбы прохожих, никто из персонала не вышел ему помочь. Когда его отвезли в государственную клинику, было уже поздно. Газета, издаваемая социал-демократами, не решилась даже риторически упрекнуть руководство клиники, ибо оно не нарушило ни закона, ни либеральной этики.

Левые силы оказались полностью разоруженными. И даже социал-демократы у власти, спрятав в карман свои идеалы, проводят неолиберальную социальную политику. Возникло совершенно новое образование — *ambidextra society*, «двуправовое общество» (его еще называют «общество-мачеха»). Стабильное ранее «общество двух третей» сдвигается к критически нестабильному обществу «двух половин» с неизбежным откатом и от политических свобод. И маячит целая цепь заколдованных кругов.

Пока что их разрывают и перекачкой безумных сумм (чтобы остановить катастрофу после реформы МВФ в Мексике, ей без звука, после получаса переговоров, выдали 50 млрд. долл., сам Клинтон выписал чек на 20 млрд. вопреки

всем законам США). Такую же сумму выдали в ноябре 2000 г. Аргентине, хозяйство которой угробила реформа по схеме МВФ. Другой способ стабилизации — проведение столь же безумных войн. Мы видели войны в Персидском заливе, в Югославии. Мексику обязали провести у себя войну-спектакль на юге, в штате Чьяпас. А Перу и Эквадору, чтобы отвлечь внимание от лап МВФ, приходится бомбить друг друга в сельве, заполняя мировую прессу фотографиями оторванных ног.

Но это — откат в понятной, социальной сфере, ощущаемый желудком. А ведь появились новые способы угнетения, новые угрозы свободе человека, новые глобальные противоречия. Разве есть у левых сил ответ на эти, как говорят, вызовы истории? Они попросту ушли от них или жуют сказку об «устойчивом развитии» — миф, за которым скрывается запрет на развитие третьего мира (а теперь уже и России) и сокращение их населения. Четкую критику индустриализма мы видим лишь у анархистов, остальные никак не разберутся с новой трактовкой понятия «прогресс».

Забурлил вулкан этнических проблем. Максимум, до чего додумались коммунисты, — это снять лозунг о «пролетариях всех стран». Чтобы как-то отреагировать на войну в Чечне, западные коммунисты по сути предоставили свои страницы заскучавшим без дела советологам, стали проводниками самой примитивной русофобии. Национальную проблему прикололи к своему знамени правые, но она у них дегенерирует в расизм.

Большинство взрослого населения Запада все больше осознает себя жертвой мощных экономических групп, угнетающих гражданина посредством телевидения — разрушая семью и навязывая детям культ насилия, идею разрыва с отцами, готовя поколения людей-роботов. Критикой этого вида угнетения активно занимаются психиатры и педагоги, врачи и даже полицейские. Но разве их дело поднимать принципиальные проблемы общества, мобилизовать его на борьбу совершенно нового типа? Где концепции компартий, подобные

тем, которые мы слышали по жгучим проблемам современности от Джона Бернала, Антонио Грамши, Фредерика Жолио-Кюри? Ведь не только партизанами были коммунисты.

Почему же сегодня не слышно их голоса, почему трудно даже представить себе, какова их позиция и каковы их объяснения происходящего? Таких вопросов г-ну Ю никто не задавал. Но сам-то себе он должен был бы задать.

Задумаемся и мы, ведь кризис левых явно связан с поражением СССР. Вернее, все это — один процесс. И вопрос не в том, кто виноват, а почему все покатилося по этой дорожке. Почему в ходе холодной войны западные коммунисты неявно и негласно перешли на сторону врагов СССР и, по сути, врагов коммунизма — совершили тот же сдвиг, что верхушка КПСС во главе с Горбачевым? Ведь никаких новых оснований для такого решения за последние десятилетия не появилось, поэтому нет и речи о каком-то «озарении».

Примечательно, что постепенное, ступенчатое обнаружение этого сдвига происходит без откровенного объяснения — решение о переходе на сторону врагов СССР сознательно скрывалось от собственных партий. На низовом уровне и следов антисоветизма нет не только среди коммунистов, но даже и у социал-демократов. Да и в верхушке речь идет не о тривиальном разрыве с политическим союзником. Я в 1990 г. завел разговор на эту тему с Мануэлем Аскарате (незадолго перед его смертью). Он был соратником Долорес Ибаррури, одним из руководителей компартии, потом перешел к социалистам и стал писать антисоветские статьи. Так у него — затряслись руки! «Мы любим Советский Союз!» — прямо криком кричит. И видно, что не врет. Но что же это за любовь такая?

Начнем с простых признаков. Уже при первом знакомстве с прессой конца 80-х годов обнаруживаешь изъятие из ее обихода (из «культуры левых») всяких сведений о сути холодной войны, ее постулатах, средствах и предполагаемой глубине разрушения СССР. В сознании массы (даже членов компартий) холодная война стала не более чем метафорой и пе-

рестала приниматься во внимание как фактор, влиявший на все стороны жизни СССР.

Левая пресса приняла фразеологию и критерии либеральной идеологии в оценке образа жизни, а ведь все мы — «рабы слов», на что указывали и Маркс, и Ницше. Все не измеряемые деньгами или материальным потреблением ценности, даваемые советским строем, как бы исчезли. По сути, произошел отказ и от социальной философии социализма, и от исторического подхода — никто уже не принимал во внимание стартовые возможности, сроки и условия развития СССР и Запада. Без всяких дебатов и объяснений, по сути тайком (а может, даже неосознанно), были приняты основные антисоветские мифы, созданные западной пропагандой: о сталинских репрессиях, о тоталитаризме советской системы, о коррупции номенклатуры, о неэффективности плановой экономической системы. В отношении СССР это означало молчаливое признание его квалификации как «империи зла».

Важный, на мой взгляд, симптом — явная или стыдливая поддержка западными левыми Горбачева даже после того, как его разрушительная для КПСС и СССР роль стала очевидной. Лидеры почти всех компартий ушли от всякого участия в идеологическом конфликте в СССР. Это было всеми воспринято как молчаливое одобрение ими антисоветских действий Запада и его пятой колонны в СССР. Более того, приходилось читать декларации коммунистических деятелей о поддержке «демократических изменений в СССР» даже в 1993 г., когда сама эта фразеология стала гротескной.

Красноречиво практически полное отсутствие реплик западных левых даже на самые абсурдные антисоветские выступления бывших коммунистов, не говоря уж о социал-демократах. Приходится видеть даже проявления радости видных деятелей компартий при крахе СССР — и никакой видимой реакции их товарищей на такие странные проявления. Разве это не болезнь левых? Твой союзник, которому ты аплодировал, получил страшный удар и упал — чему же тут радовать-

ся? За этим есть какой-то психологический выверт, не поняв которого не смогут коммунисты встать на ноги.

Поразительно само нежелание левых дать сбалансированную оценку советского проекта даже *post mortem*. Здесь лидеры коммунистов отличаются даже от среднего обывателя. Например, в университетах с большим интересом слушают лекции просто о динамике основных экономических и социальных показателей СССР. Практически для всех слушателей это — открытие. Но лидеры компартий как будто не хотели бы этого знать — они уже уверовали в новую догму. А разве то, что происходит при демонтаже «реального социализма», несущественно для самопознания всех коммунистов?

А ведь европейские левые не только аплодировали своим пришедшим в каких-то странах к власти товарищам, но и подзуживали их. Вот горькие слова чилийского писателя о трагедии его страны, которую сдали фашиствующей военщине: «В ней были виноваты все или почти все чилийцы, но немалую ответственность несут иностранные интеллектуалы, особенно западные, которые приезжали в Латинскую Америку читать нам лекции и учить, как мы должны были делать наши революции. Все им было мало. Даже Народное единство Сальвадора Альенде казалось им слишком буржуазным и консервативным. Выглядит парадоксом, но единственными, кто очень часто давал нам разумные, взвешенные и примиряющие советы, были люди из Восточной Европы и Москвы. Они знали, что такое настоящая революция, и были очень осторожны...

В других выражениях, уже на нашем языке, то же самое мне шептали на ухо в Гаване. Но налетали тучи французских, немецких и американских профессоров и журналистов, которые вопили, что Альенде мелкобуржуазен, а его правительство слишком робкое... Левые интеллигенты западного мира из своих окопов нас обвиняют и всегда будут нас обвинять. Что бы мы ни делали... Вот об этом нам всем надо бы подумать. Потому что левые интеллигенты — порода, которая,

как я считал, вымирает, — сами, вероятно, никогда ничего не поймут».

Эта порода не вымирает, сегодня она с такой же страстью бросилась обвинять советский строй. В 1995 г. меня пригласили участвовать в круглом столе «Крах советского блока и уроки для левого движения Европы». В Мадриде, в роскошном салоне «Амбассадор». Синхронный перевод на три языка, на столах конфеты в вазочках. Съехались левые интеллектуалы из Оксфорда, Сорбонны и т.д., издатели левых журналов. Из каких они партий, трудно понять — они над партиями, представляют мозг левого движения.

В первый день я наслушался такого, что спать почти не пришлось. Встал рано, вышел побродить. Рядом — прекрасный сквер перед музеем Прадо. Величественное здание Министерства Потребления как символ Запада. Все дышит довольством, огромным накопленным богатством. На скамейке, тоже как символ, лежит человек. Бездомных в Мадриде множество, но в этот час все они уже скатали свои одеяла и растворились в городе. Этот, видно, занемог. С трудом, не поднимая головы, жует булку. Бросает ее на землю. Расстегивает штаны и мочится, не поднимаясь. Ему тошно смотреть на прохожих, и он закрывает лицо кепкой. Мне тоже тошно смотреть на него, на Министерство Потребления.

Все это, в ухудшенном варианте, переносят в Россию. Чингиз Айтматов, начиная поход против советского строя, поминал Испанию, где построен «настоящий рабочий социализм». Испанцы, которые его возили по стране, говорили мне, что он таких сцен, как я перед Министерством Потребления, насмотрелся досыта. Знал, что говорит, инженер человеческих душ.

Вернулся я в отель, пошел завтракать — сидят мои собеседники по круглому столу. Уставились на меня и как будто не видят. Я поклонился — никакого ответа. Не понравилось им мое выступление. Что же я такого сказал? Просто предложил в качестве «урока для европейских левых» разобраться, чему они так радуются при крахе СССР. Предложил посмотреть на

события в СССР в понятиях жизни и смерти, хлеба и тепла. Это было воспринято как большевизм. Послышались крики: «Кто его пригласил? Это же явный противник перестройки! Мы были у Юрия Карякина, он нам раскрыл всю правду о советском строе!». Организатор, заведующий отделом идеологии Компартии Испании, призвал крикунов к терпимости. Мол, вы же видите, товарищи, перед нами закоренелый сталинист, но потерпите еще 20 минут. Толерантность, товарищи, толерантность!

Я выступал вторым, после историка-испанца, который четыре года жил в Москве, изучая «крах СССР». Он сказал, что реальность России очень далека от той модели, которую придумали себе европейские левые. Казалось бы, что тут такого обидного? Но за два дня никто вообще не упомянул наши с ним выступления, ни в каком смысле — выступления единственных докладчиков, прибывших с места событий. Зато для нас с ним все было поучительно.

Вот выступает марксист из Оксфорда. Приветствует попытку создать в России «нормальное общество» — ведь говорил же Маркс, что нельзя строить социализм в крестьянской стране. И задержали, мерзавцы, на 70 лет развитие капитализма! Постепенно распадается профессор: «Никаких западных капиталовложений страны советского блока не получают, напрасно надеются! Идет необратимое разрушение производства! Эти страны погрузятся в варварство типа африканского! Европа должна создать санитарный кордон, как США на Рио-Гранде, иначе ее захлестнет волна голодающих!» Его слушали с удовольствием, хотя, казалось бы, естественно было бы спросить: если у тебя такие жуткие прогнозы, чему же ты радуешься? Ты что, людоед?

Выступает экономист из Сорбонны, троцкистка. Та же песня, только конкретнее: «Мы призывали к революции, которая разрушила бы СССР, эту империю номенклатуры. Нельзя поддерживать тех, кто защищает СССР. Главное сегодня — скорее демонтировать остатки советских социальных структур: бесплатное образование, здравоохранение, соли-

дарность трудовых коллективов. Только тогда возникнет нормальная буржуазия и нормальный пролетариат. И этот пролетариат начнет правильную пролетарскую революцию. При этом, товарищи, основа демократии и социализма — освобождение женщины».

Зачем же этот марксист в юбке требует добить остатки советской системы, позволяющие нам кое-как выжить? Да, видите ли, русские буржуазию объедают, не дают ей первоначальное накопление провести и в революцию не кидаются — жуют краюшку да лежат на печи. Все не по Марксу. Я задал этой даме три вопроса:

— Во имя демократии вы призывали разрушить СССР, зная, что 76% граждан хотят его сохранить. Вы что, просвещенный авангард, имеющий право вести неразумные массы к предписанному вами счастью?

— Вы требовали антисоветской революции в стране, которую сами называли «этнической бомбой». Сегодня, когда катастрофические результаты налицо, считаете ли вы свой установку на революцию ошибочной?

— Вы — борец за свободу женщин. Учили ли вы, призывая к ликвидации СССР, что означает для 30 млн. женщин азиатских республик замена советского строя на шариат?

В ответ дама долго и нервно говорила, совершенно не по сути вопросов. Только на третий вопрос ответила, что теперь женщины смогут начать нормальную борьбу за свое истинное освобождение. Спасибо, заступница!

В коридоре она решила меня сразить: «Вы что же, считаете, что при Брежневе все было хорошо?» (в теории спора это называется «бабий аргумент»). Я не упорствовал. Да, говорю, не все было хорошо, многое даже очень плохо. Но разве, если человек болен, это оправдывает его убийство, тем более врачом, который обещал его лечить? И потом, как же понять: вы за народ, против номенклатуры — а поддержали как раз революцию номенклатуры против народа? Обиделась, пробурчала, что ее партия — единственная, кто хранит верность идеалам Октябрьской революции. А мы только все напорти-

ли. Надо понимать, что обязаны кровью наших детей смыть вину наших отцов, превратить людей в пролетариев и опять бросить их в бой против мировой буржуазии.

Все это было очень грустно. Порода революционных интеллигентов не вымерла ни на Западе, ни у нас. У нас-то хоть они локализовались вокруг Нуйкина да Карякина, компартия от них вроде бы очистилась. На Западе они оторваны от масс, от здравомыслящих людей. Я езжу по всей Испании, читаю лекции самым разным людям — такого догматизма нигде не видел. А ненависти к СССР среди простых людей нет и в помине, хотя те, кто сохранил здоровое отношение к СССР, находятся в глухой обороне и не поднимают голоса. Зато как они благодарят за информацию — она к ним не доходит. Но марксисты-антисоветчики откуда-то имеют деньги, имеют прессу.

Конечно, разрыв союза и даже переход на сторону бывшего противника — вещь в политике довольно частая. Решение о разрыве с СССР (и, по сути, с Кубой и освободительным движением третьего мира) — выбор левых сил Запада, и выбор вполне объяснимый. Обостряется глобальный кризис, и усиливается консолидация всех «осажденных в цитадели богатства» — против бедного большинства человечества. В этой цитадели левым (включая коммунистов) предложили почетное место «цивилизованной оппозиции» как необходимой и важной части политического устройства. Сдача союзников была обязательным условием, и это условие, как видим, было принято.

В отношении Кубы это проявилось еще с большим драматизмом, чем в отношении СССР, — Куба не провинилась даже сталинизмом. Тут вообще не к чему придраться, «нарушения прав человека» на Кубе смехотворны по сравнению с тем, что происходит у ее «демократических» соседей. (Не будем говорить о Гватемале, где в 80-е годы без суда и следствия убили 3% населения — для СССР это было бы эквивалентно 11 млн. человек. Укажем Венесуэлу, где предыдущий президент, социал-демократ, признал, что во время его правления в од-

ном поселке убили полторы сотни забастовщиков, а их тела бросили в реку — он извинился перед родственниками и назначил вдовам небольшие пенсии).

Кубинцы по требованию США даже перестали препятствовать «лодочной эмиграции». А в США этих любителей демократии ловят и сажают в концлагерь, многих заковывают в кандалы. Держат их в Гуантанамо, и кое-кто, пытаясь убежать обратно в тоталитаризм, уже подорвался на американских минах. Но и Кубу сдали — она как бы исчезла из поля зрения.

Однако разрыв с советским проектом западные левые провели без объяснения — а оно сильно облегчило бы положение коммунистов в СССР. Разрыв, совершенный в самый тяжелый момент, стал ударом в спину. И зачем было оправдывать разрыв повторением антисоветских мифов? Достаточно было представить его как завершение этапа истории. Мол, страница перевернута, начинаем новый этап с чистого листа. И потом, раз не декларируется разрыв с «отцами» — с Торезом и Марше, с Тольятти и Берлингуэром, но производится разрыв с СССР, элементарная этика обязывает вернуть советским коммунистам долги, сделанные этими «отцами».

Но это — шутка, и дело не в обидах. Нам надо понять истоки общей болезни. А кроме того, раз уж, как говорят, КПРФ «восстановила связи с братскими компартиями Запада», хотелось бы знать, на какой идейной основе. В чем теперь заключается это «братство»?

Раздел 2

РОССИЯ И РУССКИЕ

УГРОЗА ДЛЯ РОССИИ: ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Наша страна переживает долгий глубокий кризис. Прирастает ВВП, гордо смотрит двумя головами наш орел, пышно празднуют дни рождения наши города — то на Неве, то в Казани, — а мы угасаем. Что произошло с нами? Страна больна, но каков диагноз, где коренится болезнь?

Думаю, дело в том, что за двадцать лет демонтирован, «разобран» главный деятель нашей истории, создатель и хозяин страны — народ. Все остальное — следствия. И пока народ не будет вновь собран, не вернет своей памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса. Не кризис это, а Смута, особая национальная болезнь, которая нефтедолларами не лечится.

Внешние атрибуты державы, и вообще независимой страны — сильная государственность и наличие национального проекта, понятого и поддержанного большинством общества. Но за ними стоит главное — существование народа. В народе, в отличие от населения, люди, семьи, общности связаны так, что «целое больше суммы частей». Здесь возникает мнение народное, народная сила, которых нет даже в сотнях миллионов «свободных индивидов», они — как куча песка.

Раньше и сами «люди из народа», и государи это прекрасно знали и о сохранении народа как целого непрерывно пеклись, охраняли его связность. Потом мы увлеклись западными идеями, точнее, их дешевой версией, производимой на экспорт — одни уперлись в идею классов, другие — в идею

гражданского общества. О народе просто забыли. А ведь связи, соединяющие людей в народ, можно порвать и народ демонтировать — как демонтировались на наших глазах в 90-е годы рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. Ничего мистического в этом нет, надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа. У нас же вообще мало кто знает, когда возник русский народ, и каким образом он был собран — как будто народы вырастают, как грибы в лесу. Не учили этому в школе и не надоумили задуматься самим.

Бывало ли такое, чтобы народы «разбирали», чтобы угадали их память, разум и воля? Не просто бывало, а и всегда было причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. Повреждение механизма скрепления народа, разборка народа — одно из важных средств войны во все времена. Сейчас это технология, основанная на развитой науке.

Применение этой технологии против нашего народа — главная угроза для России в настоящий момент и в ближайший период.

Народ и государство — две ипостаси страны, два лица ее держателя. Они и болеют вместе, хотя и по-разному. Государство утрачивает авторитет (легитимность), чиновники распродают страну по частицам. Народ рассыпается, детей не рожают, к горю ближних равнодушны — «и пьяные с улицы смотрим, как рушатся наши дома».

Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонтировать». Но против нее можно и совершать диверсии — подтачивать, подпиливать, взрывать. У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается просто при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Это показали «оранжевые революции». Но результаты такого спектакля — того же масштаба, как у войны, вплоть до полного изъятия у на-

селения прав на свою национальную власть и на определение своего пути. И власть, и путь ему задаются извне, право на свой «проект будущего» теперь изымается. Грузия уже почти в таком состоянии, Украина — на грани. В РФ такая «оранжевая» революция тоже готовится, хотя сценарий, видимо, перерабатывается.

Во второй половине XX века народ России существовал как *советский народ*. Это факт, как бы к нему ни относились. В 90-е годы элита произносила это понятие с ненавистью («старые русские», «совки»). На разрушение духовного и психологического каркаса этого народа была направлена большая кампания, названная «перестройкой». Демонтаж народа проводился целенаправленно, с применением сильных и даже преступных технологий. Считалось, что взамен старого народа удастся создать новый, с иными качествами, идеалами и культурой («новые русские»). Это и был бы *демос*, который получил бы всю власть и собственность. Ведь *демократия* — это власть *демоса*! Новые русские стали бы *демосом*, а «совки», утратив статус народа, были переведены в разряд быдла, лишенного собственности и прав.

Уже в самом начале реформы была поставлена и задача изменить тип государства — так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом, большой семьей. Утверждалось, что *настоящей* властью может считаться только такая, которая защищает *настоящий* народ (новых русских). Для этого надо срочно изменить тип армии — из «защитницы трудового народа» превратить ее в армию карательного типа. Когда мы читали эти тексты в элитарных журналах в 1991 г., они казались бредом сумасшедшего, а на деле говорилось о программе, над которой долго корпели «лучшие умы» мировой элиты.

Выполнение этой программы велось в форме холодной гражданской войны нового народа (демоса) со старым (советским) народом. Главными видами оружия были средства *информационно-психологической* и *экономической* войн.

Экономическая война внешне лишила народ его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих и технического персонала, квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение и в материальной культуре народа, и в мировоззрении.

Воздействие на массовое сознание средствами информационно-психологической войны имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате была, как говорят, размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги в сознании и образе жизни были инструментами демонтажа того *народа*, который и составлял общество, и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей. Этих людей «либералы» и называли охлосом.

В этом состоянии у населения РФ отсутствуют некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки национального проекта и для организации действий в защиту своего государства и даже своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает

ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться ударам, направленным на разрушение его самосознания, хотя за последние пять лет государство понемногу начинает выстраивать оборону.

В начале реформ утверждалось, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации индивидов, «освобожденных» от уз тоталитаризма, в *гражданское общество*. Этому должны были служить новые отношения собственности и политические партии, представляющие интересы классов и социальных групп. Эти планы оказались утопическими, обширного «среднего класса» не возникло. Созданный квази-народ («новые русские») оказался выхолощенным, лишенным творческого потенциала и неспособным к строительству. Возникла патологическая социальная система — старый народ наполовину «разобран», а новый никуда не годен.

Возрождение страны и выход из нынешнего кризиса будут происходить по мере новой «сборки» народа из большинства населения посредством восстановления его культурного ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России. Это большой общий труд. Он понемногу набирает силу, но участники его пока что следуют интуиции, а необходимо знание.

Идея *разборки и создания* народов нам непривычна, нам внушили, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. Зарождаются в природе *виды* растений и животных, так же естественно зарождаются и развиваются *народы* у людей. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются и конструируются*. Это — явления культуры, а не природы.

Процесс разборки и строительства народов резко ускоряется в переломные моменты истории. Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством

искусственного создания и стравливания *этносов*. Бесполезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями.

Мощная кампания по демонтажу народа исторической России нанесла нам тяжелейший удар, но главной цели не достигла. Главные мировоззренческие устои выдержали этот удар, главные представления о добре и зле, составляющие ядро нашей культуры, остались прежними. Если будет государственная воля и самоорганизация снизу, «ремонт и сборка» народа могут быть произведены очень быстро. За последние двадцать лет мы многому научились, и полученное в отступлении знание начинает широко расходиться и осваиваться.

Но угроза еще не миновала.

КРИЗИС РОССИИ И ЭТНИЧНОСТЬ: УПОРЯДОЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Социальным субстратом страны является не население, не совокупность индивидов, а *народ*. Он может быть организован и структурирован по-разному — и как классовое гражданское, и как сословное, и как кастовое, и как «почти не-классовое и несословное» советское общество. Механизмы разделения и объединения всех этих общественных структур (классов, сословий, каст) являются более слабыми и более «внешними», чем разделение и соединение этническими или квазиэтническими границами и связями. Народ и страна — две ипостаси одной большой системы, а государство — жесткая несущая конструкция, обеспечивающая их бытие и воспроизводство, их продукт и генератор.

Согласно привычным представлениям страны ликвидируются или подвергаются глубоким деформациям или вследствие поражения в войне, или в результате внутренних гражданских войн. Однако непосредственной причиной лик-

видации или «переформатирования» страны может быть исчезновение народа, слом или эрозия механизма, воспроизводящего те связи, которые соединяют людей и их малые группы в народ. Часто именно этот процесс бывает и предпосылкой поражения в войне или гражданской войны между частями рассыпающегося народа. Распад народа может происходить незаметно, так что страна и государство слабеют с необъяснимой скоростью и становятся добычей внешних сил (как это произошло в Китае в конце XIX века). В других случаях углубление кризиса наблюдается и даже изучается, но он представляется как накопление социальных противоречий (как в Российской империи в начале или в СССР в конце XX века).

Механизм соединения людей в народ поддается рациональному анализу и изучению научными методами. Значит, могут быть созданы и эффективные технологии таких воздействий, которые приводят к поломкам этого механизма, его отказам или даже переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

За последние десятилетия это и произошло. Период «перестройки» стал большой спецоперацией холодной войны, целью которой был демонтаж советского народа. К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации СССР при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 г. эта программа была продолжена с некоторой потерей темпа вследствие нарастания стихийного, неорганизованного сопротивления «контуженного» перестройкой народа. Параллельно велось совершенствование технологии демонтажа народов, и ее обновленная версия была с успехом применена в Сербии, Грузии и на Украине в форме «цветных» революций.

Для обсуждения процессов создания, демонтажа и пересборки народов требуется изложить те представления об этничности, которые мы принимаем в этом обсуждении.

Когда мы рассматриваем общественные процессы через призму национальных отношений, сразу сталкиваемся с понятием *этнос*, а также с производными от него понятиями *этничность*, *этнизация*, *этноцентризм*, *этническое меньшинство*, *этнический конфликт*, *этническое насилие* и даже *этноцид*.

Племя, народность, народ, национальность, нация — для всех них *этнос* является общим, «родовым» понятием. У нас в этом смысле обычно применяется слово *народ*. Общим внешним признаком того, что стоит за словом «этнос», служит тот факт, что им обозначаются общности, имеющие *самоназвание* (неважно даже, сама ли общность его для себя изобрела, или его ей навязали извне). Нет народа без *имени* (при этом другие народы могут называть один и тот же народ по-разному, не обращая внимания на его самоназвание — пусть немцы называют себя «дойч», а испанцы называют их «алеман», мы-то знаем, что они *немцы*). Логично считать, что раз у общности есть самоназвание, значит, у нее есть и *самосознание*. И если правнук русского эмигранта во Франции говорит, что он русский, то он сможет (если захочет) объяснить, что он под этим понимает и что его связывает с русским народом¹.

Понятия *народ*, *демос*, *нация*, *национальность*, *раса*, *национализм*, *расизм* и т.п. предельно нагружены идеологически. Поэтому читать эту книгу надо, постаравшись хотя бы на время отрешиться от злободневных идеологических пристрастий. На людей, глубоко погруженных в конфликт интересов, связанных с этничностью, бесполезно воздействовать логикой, теориями и аналогиями. В. Малахов в одной из дискуссий предупреждал: «Что касается «нации» и «эт-

¹ Следуя установкам марксизма, советская этнология принимала, что этническое самосознание есть явление вторичное, определяемое «реальным процессом жизни», под которым в марксизме понимается материальное социальное бытие. Это сильно сужает явление. Реальный процесс жизни правнука эмигранта во Франции не одолел его духовного мира, частью которого и осталось его самоосознания себя *русским*.

носа», то это настолько идеологически нагруженные слова, в них заложены такие эмоциональные и политические инвестиции, что ожидать установления научного согласия относительно их определений — просто наивно... От того, как определить ту или иную группу — как «нацию» или как «народность», зависит направление колоссальных денежных потоков...

Если вы видите в девяноста случаях из ста, что под нацией понимают этнос, или под этносом понимают кровнородственное сообщество, или считают этнос автономным агентом социального действия, самостоятельным, либо коллективной персоной — чисто теоретически это опровергнуть невозможно».

И тем не менее, значительная часть нашей интеллигенции пока еще способна рассуждать хладнокровно, подходя к предмету с соблюдением норм рациональности. Лучше использовать оставшееся относительно спокойное время для взаимопомощи в ликвидации нашей общей безграмотности. Для этой книги я отобрал наиболее проверенные, обсужденные сведения — исходя из того, как я представляю себе потребности нашего общества в знаниях об этничности.

Греческое слово «этнос» в древности означало любую совокупность одинаковых живых существ (такую, как стадо, стая и пр.). Позже оно стало использоваться и для обозначения «иных» — людей, говорящих на непонятных языках (в смысле, близком к слову «варвары»). В дальнейшем слово «этнический» употребляется, когда речь идет о неиудеях и нехристианах. В церковном языке оно означало язычество и языческие суеверия. В западноевропейское богословие слово «этнический» в этом смысле вошло в 1375 г. Позже оно проникло в светский язык и стало использоваться для обозначения культур, непохожих на европейские.

В конце XIX века *этническими* называли любые сообщества людей, непохожих на «цивилизованные». Любую самобытную культуру называли *этнической* (как иронизируют эт-

нологи, «своя культура этнической быть не могла»). Например, в США этническими назывались индейские сообщества, потом социологи стали называть так группы иммигрантов («этнические поляки» и пр.), а во второй половине XX века «этничность обрели практически все».

Придерживаясь различных и даже взаимоисключающих представлений о происхождении этничности, большинство ученых, однако, признает, что общность людей, сложившаяся как этнос, есть присущая человеческой истории форма жизни, подобно тому, как животному миру присуща форма биологического вида. Из этого следует, что даже если этническую общность понимать как общность *культурных* признаков, развитие человеческой культуры происходило не путем ее равномерной беспорядочной «диффузии» по территории Земли, а в виде культурных *сгустков*, создателями и носителями которых и были сплоченные общности — этносы. Между ними происходило непрерывное общение, обмен культурными элементами, но при этом сохранялась система, культурная целостность, отличная от иных целостностей. В развитии культуры человечество шло не цепью и не толпой, а организованными «отрядами» — этносами.

Большую роль в распространении и внедрении современных понятий этнической (национальной) принадлежности сыграли переписи населения, которые начали проводиться в Европе с середины XIX века. В них этничность, как правило, *приписывалась* по признаку языка или религии. Так, в переписи в России (1897 г.) — по признаку языка, а в Греции начиная с 1856 г. по признаку религии, а потом по двум признакам: языку и религии. Люди стали официально получать «национальность». Таким образом, это очень недавнее изобретение. И. Валлерстайн высказал важную мысль: «Категории, которые наполняют нашу историю, были *исторически* сформированы (и в большинстве всего лишь век назад или около этого). Настало время, когда они вновь открылись для исследования».

Там, где понятие национальности уже вошло в обыденное сознание и стало привычным, люди считают, что этническое самоосознание людей — вещь *естественная* и существовала всегда и везде. Как считают социальные психологи (Т. Шибутани), в настоящее время «этнические категории составляют важную основу для стратификации, так как люди считают их естественными подразделениями человечества». В действительности это подразделение людей не является естественным и даже появилось не слишком давно.

Даже и в XX веке на земле остаются уголки, где этничность «навязывается» людям извне, сами они в этих категориях о себе не думают. В Новой Гвинее до начала массовых антропологических и этнографических исследований группы туземного населения, как правило, не имели даже самоназваний. Похожая ситуация была в Австралии. Границы так называемых «племен» отличались условностью, самосознание их членов было выражено весьма слабо. В Африке названия племенам присваивали колониальные администрации, произвольно причислявшие к тому или иному «этнониму» различные группы населения. В частности, термин «йоруба», будучи колониальным изобретением XIX века, долгое время был «не более чем китайской грамотой» для тех, кого им называли.

Совсем недавно категория национальности была неизвестна и просто недоступна для понимания жителям некоторых областей даже Европы. Во время первой переписи 1921 г. в восточных районах Польши, вышедшей из состава Российской империи, крестьяне на вопрос о национальности часто отвечали: «тутейшие» (местные). На вопрос о родном языке они отвечали: «говорим по-просту» (то есть говорим как простые люди, не как паны). В быту они делили себя на людей «с польской верой» (католиков) и людей «с русской верой» (православных). Сегодня этих крестьян однозначно зачислили бы в белорусы (в соответствии с их разговорным языком), но сами они свое отличие от господ (поляков-католиков), мыслили как *социальное и религиозное*, а не этническое или национальное.

В 1945 г. при переписи в Югославии оказалось невозможно определить этническую принадлежность большой группы населения в Юлийской Краине (юго-западнее Триеста). Жители одинаково хорошо владели двумя языками — итальянским и славянским (было трудно определить точно, что это за диалект). Они были католиками, а сведения о своем этническом происхождении считали «несущественными». Часть их людей потом все же признала себя либо хорватами, либо словенцами — под административным давлением, а не по внутреннему убеждению.

Так же обстояло дело и в СССР. А.В. Кудрин приводит выдержку из работы П.И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» (М., 1951): «Выявление национальности затруднялось тем, что в первые годы советской власти существовали этнические группы, не сложившиеся в народности. Для членов таких первичных этнических объединений было очень трудно без помощи переписчика сформулировать ответ о национальной принадлежности. В сомнительных случаях учитывались не только показания населения, но его язык и особенности культуры». Однако, несмотря на все усилия переписчиков и школьных учителей, даже в послевоенный период приходилось констатировать, что «сохраняются у отдельных групп населения наряду с пониманием принадлежности к определенной народности или нации родоплеменные и земляческие представления об этнической общности».

Директор Института антропологии и этнографии РАН В.А. Тишков писал в 1990 г.: «В нашей стране вплоть до первых десятилетий XX в., а отчасти и по сегодняшний день, этническое самосознание было и остается на массовом уровне довольно зыбким. Даже, например, у крупных народов Средней Азии и Казахстана, которые квалифицируются по нашей иерархии этнических образований как «социалистические нации», еще в 20-е годы преобладали в самосознании и самоназвании локальные или родоплеменные названия. Среди узбекоязычного и таджикоязычного населения среднеазиатских

оазисов, а также Южного Казахстана употреблялись этнонимы: таджик (как коренное оседлое население оазисов независимо от языка), сарт, тат, чагатай. Они перекрывались локальными наименованиями: бухарец, ташкентец, самарканди, пухори (имелись в виду не только данный город, но и его округа). Даже во время двух последних переписей (1979 и 1989 гг.) некоторые группы в составе узбеков называли себя «тюрк», в связи с чем в Фергане, например, под одним названием оказались два совершенно разных народа — этнографическая группа узбеков и турки-месхетинцы...

Многие народы или даже родоплеменные группы, в представлениях и лексиконе которых не было не только самого понятия «нация», но даже иногда и ее названия (азербайджанцы, например, назывались до этого «тюрками»), не только действительно совершили разительные перемены в своем развитии, но и быстро овладели самой идеей нации, включив в нее значительные мифотворческие, сконструированные начала».

В Новое время, когда наука в европейских странах стала активно формировать общественное сознание, возникновение слова, обозначающего *явление*, становилось пусковым событием для того, чтобы этим явлением занялась наука. Этничность (национальность) стала предметом научных и философских изысканий. То, что существовало неявно, как «вещь в себе», приобретает активность и *создается*, как было «создано» наукой и научной технологией *электричество*¹.

Истоки теорий национальной идентичности можно найти еще в классической немецкой философии (например, у Шеллинга, который задался вопросом о причинах разделения единого человечества на народы, т. е. об *этногенезе*). В XIX веке возникли научные общества, например, Лондонское этнологическое общество, стали выходить специаль-

¹ Конечно, электричество и до XVII века существовало в природе, но оно было скрытым и «пассивным», а сейчас пропитывает весь мир, человек живет в интенсивном электрическом поле.

ные труды. Классическими стали работы Л.-Г.Моргана «Лига ирокезов» (1852), Дж.-С. Милля «Национальность» (1862) и Э. Ренана «Что такое нация» (1882). Однако те научные представления, которые служат инструментом для современного исследователя, вырабатывались уже в XX веке.

Круг этих представлений очень широк. В их создании прямо участвовало *языкознание* (важный момент этнической идентификации — выработка своего имени, этнонима, придание языку роли «этнической границы»). Другим важным способом национальной идентификации является выработка и усвоение *мифов*. Изучением их структуры и принципов их создания занимаются многие разделы антропологии и культурологии (*культурная антропология*). Коллективным бессознательным, на уровень которого погружается этническое самоосознание, занялись психологи и психоаналитики (*этнопсихология*). Социальным взаимодействием людей в этническом сообществе с другими этносами занимаются социологи. Все более важной частью экономической науки становится *этноэкономика* — исследование взаимосвязи между этническими факторами и типом хозяйственных укладов. В последние десятилетия этнические проблемы стали одним из главных предметов *политических наук*.

Фактически, осмысление этничности стало необходимым разделом *всех наук о человеке и обществе*. В каком-то смысле это привело к тому, что само явление этничности утратило свою собственную определенность, а стало представляться как множество своих *ипостасей* — политических, социальных, экономических, культурных и т.д.

Некоторые ученые стали даже считать, что этничность — лишь обобщенное имя, под которым нет реальной сущности и которое не имеет смысла вне более конкретных и жестких частных понятий¹. Крупный американский социолог П.А. Со-

¹ Такое придание слову смысла реальной сущности (*гипостазирование*, от слова ипостась) — свойство абстрактного мышления. Оперирование абстрактными понятиями, необходимое на стадии анализа, нередко приводит к грубым ошибкам при ориентации в реальной

рокин писал: «Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела». Это существенное предупреждение, но без «нерасчлененного» понятия не обойтись — надо лишь иметь в виду тот контекст, в котором оно употребляется, и не требовать жесткой однозначной дефиниции. В текстах многих ученых даже напоминает: «Этничность (*ethnicity*) — термин, не имеющий в современном обществоведении общепринятого определения».

Это утверждение надо понимать так, что сложное явление этничности принимает определенный смысл лишь в определенном контексте, который при строгих рассуждениях требуется специально оговаривать. Для пояснения этой ситуации привлекают даже известную притчу о слоне — явлении, которому семеро слепых дали семь разных определений. Каждый из слепых ощупал какую-то одну часть слона и составил образ, дающий представление о какой-то одной стороне объекта.

В этом нет ничего необычного. Подобных явлений множество. Им, как и этничности, в *принципе* нельзя дать т.н. «замкнутого» определения. Их определение складывается из содержательных примеров, и чем больше таких примеров, тем полнее и полезнее становится определение. Есть, например, такое многим известное явление, как *жизнь*. А четкого определения, независимого от контекста, этому явлению дать не удастся¹. А полное определение *атома*, по словам Лэнгмюра, содержится лишь во всей совокупности текстов физики.

действительности. В спорах по поводу этничности ученые нередко обвиняют друг друга в гипостазировании, в отрыве этого понятия от его конкретного наполнения.

¹ Следуя канонам позитивизма, согласно которым наличие замкнутого определения является необходимым признаком научности, Энгельс дал определение жизни — «это способ существования белковых тел и т.д.». Точно так же Ленин определил, что такое *материя* — «реальность, данная нам в ощущении». Большой познавательной ценности такой подход не имеет.

Здесь мы не будем пытаться полно описать нашего «слова», этому посвящена большая литература. Просто укажем на многообразие объекта, а дальше будем стараться яснее обозначать контекст, в котором ведутся рассуждения об этничности.

Взять, например, такую сторону вопроса, как этническая *идентичность*. Ясно, что само явление этничности возникает (или выявляется) лишь тогда, когда люди идентифицируют себя как *принадлежащие* к какому-то конкретному этносу и отличают себя от *иных* этносов. Выше мы видели, что в некоторых исторических условиях у людей и не возникает такой потребности. В совокупности их жизненных процессов процесс этнической идентификации отсутствует (или, как говорят, в «идентификационном пространстве личности» занимает незначительное место). Значит, этничности как *статическому*, более или менее устойчивому свойству человеческой общности соответствует *процесс* этнической идентификации. Статика и динамика этничности взаимосвязаны.

Часто национальная идентификация «включается» политическими событиями, а через какое-то время другие события ее тормозят или даже «отключают». На наших глазах менялись условия, и в некоторых общностях процесс их идентификации ослабевал или усиливался — одни и те же люди то называли себя русскими, то вдруг оказывались прирожденными евреями или находили и выпячивали свои немецкие корни. Сравнительно недавно в судьбе русских большую роль играли сильные соседние народы — половцы и печенеги. Потом по каким-то причинам, которые до нас не дошли, их потребность в идентификации себя как половцев и печенегов угасла, и они совершенно незаметно для себя и для соседей растворились в других народах¹.

¹ Вот близкий нам пример: не слишком озабоченные проблемой этнической идентификации тюрко-язычные группы — качинцы, кизыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы, — в советское время были объединены в народ под названием «хакасы». А создание «аварской народности» в Дагестане из лингвистически сходных групп удалось не вполне. При

Но уже этот частный процесс идентификации имеет довольно сложную структуру. В ней выделяют *когнитивный* компонент (знания о признаках, особенностях и собственно-го этноса, и важных для него «иных») и *аффективный* компонент — чувство принадлежности к своему народу, отношение к этой принадлежности. Один русский горячо любит русский народ, другой, как Смердяков, является русофобом и страдает от своей принадлежности к нему. Это аффективная сторона их этнической идентификации. Когнитивный компонент имеет рациональную природу, а аффективный эмоциональную.

В своей лекции 1882 г. Ренан показывает, как по-разному влияла на этническую идентификацию политика разных монархов в зависимости от выбранной ими национальной доктрины. Франция была населена множеством племен кельтской, иберийской и германской групп — бургундцами, ломбардцами, норманнами, визиготами, аланами и т.д. Семь веков королевская власть настойчиво способствовала их соединению в один большой народ, и уже в XVIII веке практически никто из французов не идентифицировал себя с каким-то из этих исходных этносов.

Совершенно по-другому вели себя султаны Турции, и даже в XIX веке турки, славяне, греки, армяне, арабы и курды были в Турции столь же разделенными общностями, как и в начале становления империи. Более того, Ренан обращает внимание на европейские Венгрию и Богемию, где венгры и славяне или немцы и чехи 800 лет сосуществовали, «как масло и вода в пробирке».

Процесс идентификации подразделяется на фазы, этапы. В первой фазе происходит классификация человеческих групп на «мы» и «они». По мнению антропологов, зачатки деления «свой» — «чужой» относятся к ранним, базовым струк-

микропереписи 1994 г. некоторые «аварцы» предпочли записать себя андиями, ботлихцами, годоберинцами, каратаями, ахвахцами, багулалами, чамалалами, тиндиями, дидоями, хваршинами, капучинами или хунзалами.

турам культуры. Однако с самого же начала существовала и тенденция к преодолению замкнутости группы. Как заметил К. Леви-Стросс, уже в первобытной культуре тотемистические классификации указывают на стремление разорвать замкнутость групп и развить понятие, по смыслу приближающееся к понятию «человечества без границ».

Во второй фазе процесса идентификации идет работа по «формированию образов» — этническим общностям приписываются определенные культурные и другие характеристики. Целостный образ того или иного этноса — сложная система. Некоторые наглядные элементы этой системы входят в обиход как этнические *маркеры*, стереотипные, привычные черты образа.

Для «узнавания» своего этноса нужно его соотнесение с другим, то есть необходимо наличие в зоне видимости других этносов, не похожих на свой. «Непохожесть», возможность распознавания обеспечивают так называемые *этнические маркеры*. Они определяют социальное поведение людей, обусловленное отношениями «этноносителей». Различение людей по этническим признакам, с которыми сцеплены главные *этнические ценности*, устанавливает *этнические границы*. Говорится, что, этнос существует благодаря этнической идентичности членов группы, основой которой являются этнические границы.

Как замечают этнологи, маркер может не иметь никакой «культурной ценности», он всего лишь позволяет быстро и просто различить «своих» и «чужих». И. Чернышевский полагает, что «таков генезис всех (или почти всех) *значимых* этнических различий. При этом [маркер] как различительный признак, как правило, обладает *минимальной* затратностью на его распознавание: это «цепляющая мелочь» — которая, однако, достаточно надежно маркирует границу «своего» и «чужого».

Он цитирует Ветхий завет (Книги Судей, 12, 5—6) — эпизод со словом «шибболет» (колос), которого не могли произвести ефремляне. Это незначительное этническое различие

внезапно стало «вопросом жизни и смерти» (в эпизоде дано одно из первых описаний геноцида): «И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: «позвольте мне переправиться», то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Они говорили ему: скажи: «шибболет», а он говорил: «сибболет», и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закололи у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи».

Этнос является носителем культурных традиций, которые выработались за долгий период адаптации к природной и социальной среде. В нем сложились и социальные механизмы поддержания этих традиций и их передачи новым поколениям. Сохраняются и этнические маркеры, служащие для быстрого обозначения этнических границ.

В советском обществоведении было принято определение, сформулированное в 70-е годы XX в. академиком Ю. Бромлеем: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)».

По сравнению с другими большими социальными общностями (классами, «стратами», сословиями) этнос является самой *устойчивой* группой. Это происходит потому, что передача культурных традиций, в свою очередь, скрепляет этнос. Этот процесс не позволяет ему рассыпаться на индивидов, он сплавливает их в более мелкие общности и порождает множественные связи между ними, так что образуются даже профессиональные категории, выполняющие функцию сохранения и передачи традиций и одновременно этнической идентичности (например, духовенство, учительство).

Критерии для проведения этнических границ и применяемые при этом маркеры различны в разных культурах, да и сами границы не являются неподвижными. Например, чернокожие граждане США, поселившиеся в Америке вместе с первыми европейскими иммигрантами и уже четыре века говорящие на английском языке, официально считаются отдельной этнической группой, и эта их идентичность сохраняется. Считается, что первопричиной ее возникновения была социальная граница между рабами и господами. Черный цвет кожи стал восприниматься как маркер, обладающий отрицательным смыслом — как клеймо (*stigma*) на человеке с низким социальным статусом. Напротив, в Бразилии чернокожие не считаются этнической группой, и цвет кожи не учитывается в официальных документах (например, в переписях населения).

В последние десятилетия в США ведется интенсивная работа по ослаблению этого этнического барьера и интеграции негров в американскую нацию (это наглядно отражается, например, в голливудских фильмах). Но в то же время этнические границы возникают внутри чернокожего населения. Его быстрое социальное расслоение привело к появлению новых типов идентичности. Представители среднего класса называют себя *afroamerican* — американцы африканского происхождения. Менее образованные и состоятельные называют себя, как и раньше, *black* — черные. К тому же появились черные мусульмане (*black Muslim*), черные иудеи (*black Jew*) и др.

Но все, о чем мы говорили выше, относится лишь к формальному обозначению видимых сторон явления этничности. Главное же — в понимании *сущности* явления. Где оно кроется? Как возникает? Какому миру принадлежит — миру природы или миру культуры? Именно в таком понимании этничности возникли две несовместимые концепции, которые развиваются по двум непересекающимся траекториям. Обе они корректируются и наполняются новым и новым факти-

ческим материалом. Оба сообщества ученых, принимающих ту или иную концепции, находятся в диалоге, следят за работами друг друга и выступают друг для друга оппонентами. Здесь мы их кратко обозначим, а затем изложим каждую концепцию отдельно.

Во-первых, надо учесть, что в наших рассуждениях об обществе, в том числе об этнических общностях, мы пользуемся понятиями, заимствованными из арсенала *западной*, европейской философской мысли. Лишь небольшое число эрудированных специалистов знает, в каких понятиях трактовалось явление этничности в незападных культурах, тем более до заимствования ими языка и логики европейской науки. Очень трудно понять, как мыслили о племенах и народах китайцы, индусы, американские индейцы или австралийские аборигены. Читая переводы их старых книг, мы на деле читаем *переложение* их текстов на язык привычных нам понятий — переложение, сделанное более или менее вдумчивым и знающим переводчиком.

Вот, например, переводы рассказов китайского писателя XVII века Пу Сун-лина «Лисьи чары», одного из сокровищ китайской литературы. В русскую культуру его ввел выдающийся знаток и исследователь китайской литературы В.М. Алексеев (с 1918 г. профессор Петроградского университета, с 1929 — член АН СССР). Его замечательное предисловие само по себе есть произведение высокой культуры. Действие рассказов происходит почти на всей территории Китая, множество деталей передает социальные образы действующих лиц, но этническая сторона персонажей и их поведения полностью отсутствует.

Более того, мой отец, китаевед, выполнил в 1928 г. первый перевод на русский язык главного труда Сунь Ятсена «Три народных принципа». Я пользуюсь рукописью этого перевода. Она содержит большое количество примечаний, объяснений и предупреждений о том, что найденные наиболее близкие по смыслу русские эквиваленты в действительности

вовсе не близки смыслу китайских выражений. Само название, в которое входит слово «народ», невозможно перевести кратко, поскольку составляющие его три иероглифа выражают целую систему смыслов.

Наиболее точным было бы русское название «Три народизма», и речь в книге идет о трех сторонах одной проблемы — возрождения китайского народа (или даже проблемы *превращения китайцев в народ*). Это была совершенно новая постановка проблемы для Китая. Чтобы спасти Китай от превращения его в периферийный придаток Запада, надо было перенять у Запада технологию создания политической нации — так же, как во времена Петра Великого России надо было перенять у Запада технологию управления и военного дела.

Язык обществоведения, которым мы пользуемся, был создан в Европе в рамках проекта Просвещения, то есть очень недавно. Это была часть того нового языка, который вырабатывало молодое буржуазное общество. В нем отразилась определенная картина мира и определенная антропология — представление о человеке. Понятно, что при переносе понятий этого языка в русскую культуру мы неизбежно принимали и сцепленные с ними неявные смыслы. В частности, антропологии нарождавшегося западного буржуазного общества была присуща жесткая *натурализация* (биологизация) человеческого общества. Как говорят, «социал-дарвинизм» возник гораздо раньше самого дарвинизма.

В представлениях о человеческих общностях с самого начала был силен компонент *социобиологии*, в разных ее вариантах. Американский антрополог М. Салинс писал: «То, что заложено в теории социобиологии, есть занявшая глухую оборону идеология западного общества: гарантия ее естественного характера и утверждение ее неизбежности».

Перенесение понятий из жизни животного мира («джунглей») в человеческое общество мы видим уже у первых фило-

софов капитализма. Это создало методологическую ловушку, о которой М. Салинс пишет: «Раскрыть черты общества в целом через биологические понятия — это вовсе не «современный синтез». В евроамериканском обществе это соединение осуществляется в диалектической форме начиная с XVII в. По крайней мере начиная с Гоббса склонность западного человека к конкуренции и накоплению прибыли ассоциировалась с природой, а природа, представленная по образу человека, в свою очередь, вновь использовалась для объяснения западного человека. Результатом этой диалектики было оправдание характеристик социальной деятельности человека природой, а природных законов — нашими концепциями социальной деятельности человека. Человеческое общество *естественно*, а природные сообщества *человечны*. Адам Смит дает социальную версию Гоббса; Чарльз Дарвин — натурализованную версию Адама Смита и т. д.

С XVII века, похоже, мы попали в этот заколдованный круг, поочередно прилагая модель капиталистического общества к животному миру, а затем используя образ этого «буржуазного» животного мира для объяснения человеческого общества... Похоже, что мы не можем вырваться из этого вечного движения взад-вперед между окультуриванием природы и натурализацией культуры, которое подавляет нашу способность понять как общество, так и органический мир... В целом, эти колебания отражают, насколько современная наука, культура и жизнь в целом пронизаны господствующей идеологией собственнического индивидуализма».

Так возникло и представление об этничности, которое господствовало в западной науке до недавнего времени. Оно получило название **примордиализм** (от лат. *primordial* — изначальный). Согласно этому учению этничность рассматривается как *объективная данность, изначальная* характеристика человека. Иными словами, этничность есть нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. Она неизмен-

на, как пол или раса (хотя в последнее время кое-кто стал менять и пол, и расу). Этничность является *органичным* образованием — *вещью*, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться.

Что касается культурных характеристик личности, то этнические черты, согласно концепции примордиализма, оказываются базовыми элементами личности (это «сущностные структуры самой личности, являющиеся вместилищем этнической субстанции»).

Начиная с 50-х годов XX века, в ходе распада системы колониальной зависимости и сопровождавшего этот процесс роста этнического самосознания, стал складываться иной подход к представлению этничности, названный **конструктивизмом**. Конструктивизм отвергает идею врожденного, биологического характера этничности. Ученые этого направления исследовали этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях.

Этничность в таком представлении понималась как принадлежность человека к культурной группе. Разные ее проявления — результат творческой деятельности различных социальных агентов (государства, иных типов власти, церкви, политических и культурных элит, окружающих «простых» людей).

При таком подходе этничность можно рассматривать как процесс, в ходе которого дается *интерпретация* этнических различий, выбираются из материала культуры этнические *маркеры*, *формируются* этнические границы, *изобретаются* этнические мифы и традиция, формулируются *интересы*, создается (*воображается*) обобщенный портрет этнического сообщества, вырабатываются и внедряются в сознание *фобии* и образы этнического врага, и т.д. Такая этничность не наследуется генетически, ей *научаются*. Человек обретает этническую идентичность в процессе социализации — в семье, школе, на улице.

КАК НАС СОБИРАЮТСЯ ФОРМИРОВАТЬ

Недавно объявили, что «Единая Россия» делает главным пунктом своей программы «русский проект». 3 февраля 2007 г. заседал Центр социально-консервативной политики — «мозговой трест» партии «Единая Россия». Стенограмма заседания помещена на официальном Интернет-сайте Центра (<http://cskp.ru/clauses/6/2529/>).

Председательствующий Ю.Е. Шувалов сказал: «У нас сегодня очень серьезный вопрос. Мы его назвали «Формирование российской нации». Предлагается несколько проектов. Главный — это проект И. Демидова «Русский проект партии «Единая Россия».

Действительно, серьезный вопрос. Важно само утверждение, что российскую нацию надо еще формировать. Важно также, из кого и как ее собирается формировать партия власти. Если бы речь шла о заседании какого-нибудь молодежного клуба или маргинальной секты, все сказанное можно было бы пропустить мимо ушей. Но ведь «Единая Россия» господствует в парламенте, монопольно издает законы, по которым нам жить. Стенограмма этого заседания — важный документ. Он отражает ход мысли сильных мира сего в России.

Не знаю, как его восприняли сами члены партии. Я скажу без всякой политической подоплеки, что у меня этот документ вызвал крайнее недоумение. Я даже подумал, уж не лукавый ли нас водит? Может, это и сайт подставной, соорудили его какие-то глумливые «оранжевые»? Если так, пусть извинит меня «мозговой центр», но я выскажу некоторые соображения — по поводу высказанных идей, а не людей (из людей я там никого не знаю, хотя кое-кого, судя по фамилиям, видел по телевизору).

Первое, что удивляет: множество видных интеллектуалов (профессора, деканы, издатели журналов) собрались формировать нацию, но не договорились, что под этим понимают. Каждый выступавший фантазировал на эту тему, все по-раз-

ному. Один (Шеляпин Н.В.) даже сказал: «По большому счету, общеупотребительного понятия «нация» в современном пространстве не существует. Каждый это понимает так, как он желает. Есть и научные концепции, но в целом общество еще пока не воспринимает как что-то устойчивое и понятное».

Не знаю, что он понимает под «современным пространством», но в современной литературе (в том числе на русском языке) понятие «нация» представлено как вполне разработанное. Понятие широкое, но в каждом контексте ясно, о чем речь. Понятие «гражданская нация» задает одну плоскость рассуждений, «территориальная нация» — другую и т.д. «Понимает так, как он желает» лишь человек, который эту литературу не читает, а мыслит, как и «в целом общество», понятиями обыденного сознания. Но такой человек и не берется за составление партийной программы «Формирование российской нации». Он просто эту нацию формирует ежедневно, сам того не замечая, на «молекулярном» уровне.

Горяинов А.В. не видит никаких проблем с понятием: «Что такое русская нация? Это люди, которые и за границей чувствуют себя русскими». Ничего себе критерий! А как быть с теми 95% русских, которые за границей не бывали? И как согласуется это определение с положением русского в Латвии, который «чувствует себя русским», но волею судеб теперь принадлежит к латвийской нации? А главное, г-н Горяинов, взявшись за «формирование российской нации», меняет предмет формирования на «русскую нацию». Интересно, сам-то он замечает эту подмену? Согласитесь, что для многонациональной России она вовсе не так уж безобидна. Неизвестно еще, как к ней отнесутся рядовые члены «Единой России» вроде Рамзана Кадырова.

Положение пытается поправить Вассоевич А.А.: «Что такое «русская нация»? В принципе это нация всех коренных народов исторической России. Давайте вспомним о том, что при Петре Великом были и русские немцы, и русские татары и, по сути дела, сам этот термин вовсе не подразумевал дробления на этнические группы».

Тут уже не недоумение, а изумление. Азербайджанцы у Вассоевича входят в «русскую нацию»? А эстонцы входят? Они — типичные «коренные народы исторической России». Они и оформились как народы уже в составе России. И что за «русские татары» были при Петре Великом? Наверное, члены тогдашней «Единой России». Но этот термин, если таковой был, как раз «подразумевал дробление на этнические группы». С его помощью человек объявлял, что он — татарин (это его этническая группа), подданный России (это его политическая нация).

Полосин А.В. тоже себя не затрудняет: «Русскими мы считаем тех, кто говорит, думает на русском языке. И отсюда вытекает прямо проект». Какой проект? Откуда он вытекает и куда втекает? О чем речь? Язык — один из множества (порядка сотни) признаков этничности, а речь то идет не об этносе, а о российской нации! Если татарин, забыв о предупреждении Полосина, вдруг что-то подумает на татарском языке, он что — выбывает из российской нации? А если он, учась в МГУ, говорит и думает по-русски, то он уже не татарин, а русский?

Вскользь была высказана и такая странная мысль: «Русской была немка Екатерина Вторая, русским был политический деятель Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин). Безусловно, любой человек, который относит себя к пространству русской культуры и русской политики, является русским». Почему же «немка была русской»? Тут какая-то загадка, словам придается необычный смысл. Всегда считалось, что Иосиф Джугашвили, как зачем-то назван Сталин, был грузином и никогда не просил считать себя русским. А теперь его посмертно награждает этим званием «Единая Россия»? Зачем такие сложности? Что за критерий русскости — «относит себя к пространству русской политики»? И Кондолиза Райс по службе относит себя к этому пространству.

Заключает весь этот социально-консервативный симпозиум сам автор «Русского проекта» И.И. Демидов: «Есть же такой тезис, что народ — это все, и мертвые, и живые, и бу-

душие. А нация — это актуальный народ, в актуальное время расположенный... Как ответственные люди мы должны доказать, что все, что мы сегодня говорили и что еще будем говорить и делать, действительно отвечает интересам нашей русской нации».

Ну это, как говорится, вообще... «Нация — это актуальный народ, в актуальное время расположенный». Нет у нации ни прошлого, ни будущего. Она вся — здесь и сейчас, общность временщиков. Вот какую нацию из нас хотят «сформировать»! Французы будут каждодневно спланиваться воспоминаниями и спорами о Жанне д'Арк и Вольтере, о Наполеоне и Пастере, французские дети будут изучать подвиги Верцингеторига, вождя восстания галлов против Рима в 52 г. до н.э., а «наша русская нация» под рукой «единороссов» — качать французам нефть по трубе и бороться с Зурабовым за пенсии. Какие, однако, странные мысли бродят в этом «Александр-хаусе», где обитает мозг партии.

Итог обсуждению подвел один из ведущих идеологов партии А.К. Исаев: «Я думаю, что мы можем сегодня осознать и сказать, что, безусловно, партия «Единая Россия» является партией русского народа и русской цивилизации».

Прекрасно, что участники заседания «могут осознать и сказать» такие вещи. Надо только дождаться, чтобы это осознали и сказали и другие граждане России.

Все это заседание вызывает такую тревожную мысль. Государство РФ тратит деньги на зарплату и условия работы сотен ученых этнологов, издаются и обсуждаются их труды, созываются международные конференции. Почему интеллектуальная верхушка «партии власти», вместо того чтобы заниматься импровизациями на темы народов и наций, не пригласила двух специалистов, чтобы они сделали два сжатых доклада о современных концепциях по этим вопросам? Есть две концепции, обе их надо знать тем, кто берется за такие «проекты». Надо знать, а не изобретать плохие велосипеды. Честное слово, я не могу найти объяснения тому, что происхо-

дит. Невозможно придумать, чем бы такое знание могло повредить «Единой России».

Надо остановиться и на одной конкретной (и очень рискованной мысли), которая прозвучала на заседании. Ее высказал А.К. Исаев: «Мы должны сказать о том, что идея права наций на самоопределение, вплоть до отделения, в свое время сформулированная большевиками, была сформулирована с вполне конкретной целью — разрушения государства. Мы можем признать право наций на самоопределение вплоть до отделения, если нации грозит геноцид... Поэтому мы выступаем за сохранение существующих государственных и цивилизационных пространств. И в силу этого мы, конечно же, должны принять программу разгосударствления национальных автономных формирований внутри России... Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты. Особенно с национальных образований. И мы должны сказать открыто, что мы по этому пути будем двигаться, никого не унижая и не обижая».

Это — совершенно новый поворот в национальной и международной политике «партии власти». Ссылкой на злодеев-большевиков тут не отделаться. Я даже не буду обсуждать тезис Исаева по существу, в такой манере этого делать просто нельзя. Я хочу сказать именно о форме постановки вопроса такого ранга.

Идеолог правящей партии отвергает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 году (Резолюция ООН № 1514). Ее Статья 1 гласит: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободны определять свой политический статус и свободны осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Допустим, ООН не указ «Единой России», но реальность такова, что на постсоветском пространстве идут болезненные процессы разборки тех дров, что наломали в 1991 г. Перед нами Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Кто упол-

номочил А.К. Исаева одним махом лишать их права на самоопределение от имени РФ? При чем здесь геноцид? Кто и где будет доказывать, что Грузия собирается устроить геноцид абхазов?

И что значит «сохранение существующих цивилизационных пространств»? Что это за понятие? Где кончается «цивилизационное пространство» России? В Константинополе? В Ханты-Мансийске? В Хасав-Юрте? Как можно в политике оперировать такими расплывчатыми сущностями? Ведь это говорится в контексте «формирования российской нации». Дело же нешуточное!

Но главное — практическое следствие из всего этого: «Мы должны принять программу разгосударствления национальных автономных формирований внутри России... Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты».

Скажите, когда, на каком референдуме было принято это революционное решение? Понимает ли г-н А.К. Исаев, что он сказал? Ведь речь не о смутных желаниях или мечтах, а прямо о «программе разгосударствления», вроде как о приватизации по Чубайсу. Объясните, что значит «разгосударствление Республики Татарстан»? Как снять с нее «черты квазигосударства»? Переименовать в «зону № 17»? Ведь есть же какие-то наметки политических действий. Если вы «должны сказать открыто», так и скажите. А не можете сказать, так не смущайте людей. Не лукавый ли нас водит? Мутно небо, ночь мутна...

Наконец, скажу об историческом открытии А.К. Исаева, будто «идея права наций на самоопределение в свое время сформулирована большевиками с целью разрушения государства». Историческая память — одна из важнейших сил, соединяющих людей в нацию. Это проектировщикам «русской нации» надо бы знать. Так вот, к их сведению, из популярных источников.

Принцип «каждая национальность должна быть вершителем своей судьбы» был выдвинут правительством Франции в 1851 г. (хотя Энгельс считал, что это — изобретение злокоз-

ненной России). Понятие «права наций на самоопределение» было высказано в 1865 г., на Женевском конгрессе Интернационала. В глуши Симбирска тогда еще и не родился мальчик Ленин. В 1896 г. Международный конгресс рабочих партий и профсоюзов в Лондоне принял постановление, в котором сказано: «Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций». Марксизм на Западе был тогда влиятельной идеологией, а социал-демократия — влиятельной политической силой. При чем здесь большевики? Их еще просто не было, ведь это немаловажная деталь.

Российские социал-демократы в 1903 г., на своем, по сути, первом съезде, включили в программу право народов на самоопределение (п. 9 Программы). Иначе и быть не могло, раз они социал-демократы. К разделению на большевиков и меньшевиков это не имело отношения.

Концепция самоопределения народов стала одной из главных идей XX века. В американском обзоре на эту тему сказано: «Во времена I мировой войны две личности, неожиданно получившие значительное глобальное влияние в области управления государством, В. Ленин и В. Вильсон, придали этому потенциальному разрушителю международного порядка новый нормативный статус».

Так надо же вникнуть в значение этой идеи, а не бросать ее походя в корзину со странными комментариями. В Сенате США президент Вильсон сказал: «Вы не знаете и не можете себе представить те переживания, которые я испытываю в результате того, что у многих миллионов человек мои слова пробудили надежды».

Право наций на самоопределение, декларированное из России и из США, позволило демонтировать мировую колониальную систему со сравнительно небольшими жертвами. А ведь могло быть так, как в Алжире (1 миллион погибших при населении 8 млн. человек). Представим себе войну Индии за независимость в середине XX века!

А в России, когда начался либеральный развал империи, большевики провозгласили право наций на самоопределение

как раз чтобы сохранить единство трудящихся всей Российской империи — и на этой основе произвести ее «пересборку» уже в виде Советского Союза. Без признания этого права было невозможно нейтрализовать националистические «элиты», которые после Февральской революции растащили империю. И эта программа «усмирения этнонационализма» признана в мировой науке блестящим достижением. Повторите-ка его сегодня!

И опыт подтвердил правильность того шага — неужели А.К. Исаев это забыл? Попытавшись подавить сепаратизм под флагом «единой и неделимой России», белые, по выражению их же историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». Красные, напротив, собрали страну «снизу», как многонациональную «республику Советов», ради которой трудящиеся поддерживали русскую Красную армию против своих «элит».

Право на самоопределение в СССР было отнесено к «нецелесообразным», и Сталин заявил в 1923 г.: «Следует иметь в виду, что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву на самоопределение является подчиненным». На опыте мы знаем, что вплоть до «революции Горбачева» в СССР и в голову никому не приходило ставить вопрос об отделении. Это понятно — советское национально-государственное устройство было устойчивым именно при советском строе. А когда Ельцин стал всем приказывать «берите суверенитета, сколько проглотите», это и означало развал страны «сверху». Но, в отличие от большевиков, никакого проекта пересборки «Единая Россия» не предложит. Мы видим лишь «газовые войны».

Вот такие мысли вызвало это заседание.

А вообще-то лучше не об этом писать, а спокойно и внятно обсудить, чем скреплен русский народ, какие в нем возникли разломы, как их заделать и собрать вокруг русского ядра многонациональную российскую нацию.

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКИЙ НАРОД

Тема отношения религии и народа очень деликатная. Сразу ограничим ее — будем говорить с позиции светской, не касаясь сокровенного смысла религии как разговора личности с Богом, как надежды на спасение души. Это — дело тайное и сугубо личное. Но у религии есть и другая, земная ипостась, ее общественное дело. Она особым светом освещает мир и все человеческие дела, является житнетворным корнем культуры. В этом качестве религия принадлежит всему народу, даже атеистам. Она «пропитывает» всю общественную жизнь — семью и школу, хозяйство и политику.

И даже необязательно это утверждать — религиозный взгляд на мир неустрашим, как ни бьются над его искоренением в некоторых культурах. Понятное дело, в своей земной ипостаси церковь утрачивает ореол непогрешимости — и священники, и верующие выступают как особая часть общества, порой очень влиятельная, которая имеет свои интересы и свои установки, иногда спорные. Даже папе римскому, который формально непогрешим и ошибаться не может, приходится извиняться. Обычно за давно умерших предшественников (как в деле с Галилеем), но недавно и за себя лично.

Сначала несколько общих замечаний. Людей старших поколений у нас долго обучали кое-чему из марксизма. Обрывки его еще сидят в сознании, надо о них сказать. Обсуждение религии — один из главных *методов*, даже инструментов марксизма. Маркс утверждал: «Критика религии — предпосылка всякой другой критики». Если учесть, что все составные части марксизма проникнуты именно *критическим* пафосом, то можно сказать, что «критика религии — предпосылка всего учения Маркса».

Марксизм отрицает конструктивную роль религии в создании и сохранении народов, и это ошибка. Религия (шире — религиозное мировоззрение) — ключевая часть мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ. Маркс пишет

о религии: «Ее сущность выражает уже не *общность*, а *различие*. Религия стала выражением *отделения* человека от той *общности*, к которой он принадлежит, от себя самого и других людей, — чем и была *первоначально*... Она низвергнута в сферу всех прочих частных интересов и изгнана из политической общности как таковой».

Это неверно, религия не отделяет человека от общности, а совсем наоборот — *соединяет* его с нею. Религия всегда была средством господства (то есть создавала «вертикальные» связи между людьми), но она же связывала людей и в «горизонтальные» общности (народы). Даже на пороге Нового времени Ф. Бэкон называл ее «главной связующей силой общества».

Именно в религиозном сознании возникла важнейшая связующая людей сила — *коллективные представления*. Они не выводятся из личного опыта, а вырабатываются только в совместных размышлениях, и были первой в истории человека формой *общественного* сознания. Поэтому религиозные первобытные представления сыграли ключевую роль в этногенезе — соединении людей в племена, а затем и народы.

Религия порождает специфические для каждого народа культурные нормы и запреты, а также и понятия об их нарушении (*грехе*). Это связывает людей в народ. Ведь именно присущие каждому народу моральные (шире — культурные) ценности и выражают его идентичность, неповторимый образ.

Обретя способность «коллективно мыслить», человек сделал огромное открытие для познания мира, равноценное открытию науки — он разделил видимый реальный мир и невидимый «потусторонний». Оба они составляли неделимый Космос, оба были необходимы для понимания целого, для превращения хаоса в упорядоченную систему символов, делающих мир *домом* человека. Эта функция религиозного сознания не теряет своего значения до наших дней.

Религия соединяет людей в народ не только общими ценностями, но и *ритуалами* — которые связывают космологию

с устройством общества. Ритуал — «символический способ социальной коммуникации», его первая функция — укрепление солидарности людей и психологическая защита общества. В ритуальном общении преодолевается одиночество людей, укрепляется чувство принадлежности к целому, через ритуал разрешается внутренний конфликт между желаниями и запретами. Антропологи считают, что именно поэтому в традиционных обществах, следующих издавна установленным ритуалам, не встречается шизофрения. Ее даже называют «этническим психозом западного мира».

Признаком кризиса «среднего класса» считают возникновение субкультур, которые в поисках способа преодолеть отчуждение осваивают мистические культы, создают секты и коммуны, проводящие бдения и медитации (часто с применением наркотиков). Это — реакция на безрелигиозное бытие, не удовлетворяющее неосознанные духовные запросы человека. Всплеск такой мистики мы наблюдаем сейчас и у нас в новом «среднем классе».

Понятно, что для земной жизни человеку нужно рациональное мышление. Религия же — качественно иной тип сознания, в ней осуществляется разделение сакрального и профанного (земного) пространства и времени. Это одна из возможностей убежать от профанного времени, от «ужаса истории» — в богослужении и молитве (другие способы дает искусство, театр). Религиозный взгляд укрепляет рациональность (если их не пытаются вульгарно смешивать).

Религия — *уникальное* историческое явление, возникшее как разрыв непрерывности, подобно науке. Религия не «выросла» из дорелигиозных воззрений, как и наука не выросла из натурфилософии. И функцией религии, вопреки представлениям Маркса, является вовсе не утверждение невежественных представлений, а *рационализация* человеческого отношения к божественному.

При этом религия мобилизует и присущее каждому народу видение *истории*, и *художественное* сознание. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное ме-

сто в мировоззренческой матрице народа, дает ему, по словам Тютчева, «предчувствие неизмеримого будущего».

Христианство во всех его ветвях сыграло важнейшую роль в становлении европейских народов, включая народы России. Русский же человек «создан Православием». В зависимости от того, как формировалось религиозное ядро народа, предопределялся ход его истории на века. Бережное введение христианства в Киевской Руси было важным условием для собирания большого русского народа.

Религия во все времена оказывала огромное влияние на искусство как способ осмысления мира и человека в художественных образах. Песни и былины, иконы и картины, архитектура и театр — все это сплавливает людей одного народа общим невыражаемым переживанием красоты. Русское искусство корнями уходит в Православие. Ему мы обязаны тем, что наше искусство лишено изуверства и «воли к смерти». Можем ли мы найти картины русских художников, подобные картинам Босха!

Роль религии как силы созидания народа была различной в разных странах и в разные моменты. В Новое время в этот момент бывают тяжелые столкновения религии с идеологией национализма, стягивающего народы в нации. Этим объясняется антиклерикализм Французской революции, производившей сборку *нации граждан*. Русская революция была проникнута национализмом в двух его версиях — буржуазно-либерального у кадетов и общинно-державного у большевиков (их интернационализм был формой мессианизма). И в этой революции мы наблюдали столкновение идеологии и религии, как и в других больших революциях. Отношения государства и церкви стабилизировались только после Гражданской войны, к 1924 г.

Во время кризиса Германии для сборки нового «народа фашистов» была попытка создания новой «немецкой национальной церкви». Идеолог этой программы Розенберг писал: «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не распя-

тый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий... Теперь пробуждается *новая* вера: миф крови, вера вместе с кровью вообще защищает и божественное существо человека... Старая вера церквей: какова вера, таков и человек; северно-европейское же сознание: каков человек, такова и вера».

Здесь видны философские различия двух тоталитаризмов — фашистского и советского. Чтобы укрепить связность русского народа, государство не стало создавать суррогат религии, как якобинцы или фашисты, а обратилось за помощью к традиционной для русских православной церкви. В 1943 г. Сталин встречался с иерархами, церкви было дано национальное название — Русская православная церковь. После войны число церковных приходов увеличилось с двух до двадцати двух тысяч (антицерковная кампания Хрущева была *антинационалистической* и имела целью пресечь одну из программ сталинизма; это облегчило демонтаж советского народа).

После советского периода, во время которого народ был скреплен квазирелигиозной верой в коммунизм, вся система связей народа переживает кризис, в преодолении или углублении которого религии снова предоставлена важная роль. Нынешний процесс расщепления народов на расходящиеся этнические общности с возрождением признаков племенного сознания вызван ослаблением всей системы связей, сплачивающих людей в народы, и не в последнюю очередь ослаблением интегрирующей силы религии.

Вся эта система — в неустойчивом равновесии. Разбиты, ослаблены или рассыпаны почти все скрепы, стягивающие русских в народ — государство, хозяйство, общая память и общая мораль, чувство территории, связи с братскими народами, мир национальных символов (не считая символа Великой Отечественной войны, который тоже неустанно подтачивается). Православие стоит, как утес над пропастью, за который мы зацепились. Оно тоже — объект подкопов и подгрызания. В общем, это понимают и берегут Церковь от со-

блазнов реформации, расколов и внешней критики — и злобной, и простодушной.

Опасность, мне кажется, исходит от наших общих неумеренных притязаний. На Православие многие хотят взвалить земную ношу, которой оно не должно и не может нести — без того, чтобы повредить своей главной сокровенной цели. Беда в том, что уровень религиозной грамотности у постсоветской интеллигенции очень невысок, и политики обычно смешивают религиозные и клерикальные понятия, религиозную составляющую мировоззрения с политической ролью церкви. От Православия ждут советов и указаний о том, как нам устроить чисто социальные или даже политические дела. Не хотят вспомнить, что «Богу Богово, а кесарю — кесарево».

Сегодня почти все политические силы трактуют ту или иную религию в качестве атрибута этничности. Когда политики говорят о проблемах русского народа, то вставить в свои программы «немножко Православия» стало почти обязательной нормой. Тут есть риск национализации или даже этнизации церкви, ослабления вселенского и всечеловеческого духа Православия. А этот дух сегодня для русских — необходимая опора, чтобы не поддаться настойчивым попыткам толкнуть наше самосознание в тупик этнического национализма. Это и было бы эпохальной победой противников России, так как лишило бы русских той способности к собиранию народов, которую им дало принятие Православия.

С другой стороны, сам русский народ переживает, как было сказано, кризис всех скрепляющих его систем. Укрепление русской этничности может стать тем чрезвычайным, хотя и рискованным средством, которое на время может компенсировать обрывы и разрыхление других связей. Тут требуется пройти по краешку обрыва.

Судя по всему, в руководстве Церкви понимают величину и сложность задачи. В доктрине «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.) сказано: «Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в

некотором смысле может восприниматься как единая община веры — православный народ».

Пока что и гражданская, и этническая нации в РФ находятся в процессе становления. Более того, между двумя русскими национализмами — гражданским (имперским) и этническим (изоляционистским) идет борьба. Влиятельные силы стремятся загнать русских в этнонационализм и вытравить из них имперское сознание. В массовом сознании Православие выступает как защитник и русской этнической, и российской гражданской идентичности. Это — важный фактор всего политического процесса в нынешней России.

С гражданской точки зрения, это вызывает тревогу. Слишком многие и разнородные интересы липнут к Церкви, пусть даже искренне. В условиях раскола общества и множественного конфликта интересов это может нанести ущерб той системообразующей миссии, которую Православие сегодня выполняет для сохранения России. Эта миссия несравненно важнее частных интересов.

Власть стремится получить от Православия его сакральную силу, которая, как считают, укрепит легитимность политического порядка, вернув идею «Православия — самодержавия — народности» в ее новом виде. Это, на мой взгляд, рискованная попытка. Каша, заваренная Горбачевым с его «демократией» и Ельциным с его «олигархией», никоим образом не отвечала православным нравственным нормам, и расхлебывать ее надо на чисто земной социальной основе, не сваливая эту ношу на Церковь.

Левые иногда ищут обоснования социальной справедливости в христианстве, чуть ли не ставя знак равенства между ним и социализмом. Это — тоже иллюзия, непозволительное смешение земли и Неба. Ведь Царство Божие не от мира сего. Кризисные проблемы земного жизнеустройства надо решать на рациональной основе, исходя из интересов социальных групп, хотя и следуя высоким идеалам. Появились и политические организации, действующие под православными

эмблемами. Эти эмблемы и названия как будто гарантируют правоту их чисто партийным установкам. Иногда эти установки бывают агрессивными и создают новые линии раскола в обществе. Конечно, таких радикалов, как Глеб Якунин, больше мы не видим, но все равно, это — рискованный путь. Запад пошел по этому пути, допустил политизацию религиозности, и это привело, как выражаются их же богословы, к угасанию в людях «естественного религиозного органа». Христианско-демократическая партия — порождение гражданского общества, организованного по интересам на основе социальной конкуренции, благодати она не может иметь по определению. Да она ее и не ищет, ей важна эффективность.

Повторю мысль, высказанную в начале. Есть риск, что, навязав религиозному сознанию и религиозному чувству политические и социальные функции («меч кесаря»), мы помещаем им выполнять ту тайную и, на мой взгляд, необъяснимую миссию Православия, которая необходима России абсолютно.

Православие — невидимый стержень, без которого русский народ рассыплется и исчезнет, как человеческая пыль. Но на этот стержень нельзя нагружать работы, для выполнения которых нужны другие механизмы, причем много разных. Мы обязаны строить и ремонтировать, проектировать и конструировать эти механизмы, не уповая на Бога. Мы же видим, как разнятся православные народы, как отличаются русские от греков, сербы от румын. Значит, в сборке их участвовали и другие силы, помимо Православия.

Другое дело, что строительство этих связей и механизмов надо вести, сверяя их с теми нравственными ценностями, которые Православие излучает в мир. Эти ценности, их явный и сокровенный смысл нам надо понимать гораздо лучше, чем сейчас. И тут, конечно, лучше вести диалог с Русской Православной церковью, чем с астрологами или хаббардистами. Но ответственность за земные дела мы должны брать на себя.

Когда спрашивают, чем люди стягиваются в народ, то самый краткий ответ гласит: общей мировоззренческой матрицей. То есть общим воззрением на мир. Особое место в этой матрице занимает образ своей страны и всех ее ипостасей — родной земли, живущего на ней и создающего ее народа, его символов и святынь, ее государства и личности.

Собирание племен в русский народ означало и строительство в общем народном сознании образа Руси, а собирание множества народов вокруг русского ядра — общего образа России. Расчленение России, стравливание ее народов и рассыпание русского народа включает в себя большую операцию информационно-психологической войны, специально направленную на разрушение образа России. Это разновидность «войны цивилизаций», и Запад ведет ее против России с XVI века, с Ливонской войны, когда сложилась особая идеологическая программа — русофобия. Последние двадцать лет мы переживаем «горячий» этап этой войны, несем большие потери, но в целом выстояли. Во всяком случае, блиц-криг не удался, война стала позиционной.

Заметим, что травмы, которые нам наносит такая война, в то же время необходимы для нашего национального самосознания — под ее ударами образ России очищается и закаляется, мы начинаем не только чувствовать, но и понимать свои сокровенные ценности. Кстати, Запад, вылепивая свой образ России как «варвара на пороге», тоже формировал свою мировоззренческую матрицу, и русофобия была важным инструментом сплочения современных больших наций Запада. Мы для себя такой инструмент не стали готовить, что имело свои большие преимущества, но и породило известные слабости.

Одной из наших слабостей как раз является наивная вера в то, что наш собственный образ России есть что-то «объективное», как таблица умножения. Столкнувшись с русофо-

бией, мы удивляемся, обижаемся, пытаемся «устранить недоразумение». Из-за этого перестройка привела к такому конфузу — мы поверили Горбачеву, позвавшему нас в «лоно цивилизации». Как ядовито пишет один наш политолог, это помешало нашим «идеологам общечеловечества видеть, что все мы скопом уже давно зачислены в разряд нечистых и что неожиданное появление из-за забора бедного дальнего родственника с атомным топором не вызовет сильной радости у родственников богатых».

Но сначала надо разобраться с образом России у нас самих, у жителей России. И, прежде всего, — с образом России у русских. Затем надо будет перейти к больной теме — о том, как в момент кризиса деформируются и расходятся образы России в сознании разных ее народов. Начнем с понятий.

Ясно, что образ такой сложной и большой системы, как Россия, является многомерным. Работа по его реконструкции требует взглянуть в каждый отдельный срез системы, а затем объединить все эти частные образы в один интегральный. Чем больше срезов, тем более верным и насыщенным станет наша многомерная картина. Методологически работа эта сложная на всех ее этапах, тем более, что каждый частный образ имеет свою динамику и во время кризисов преломляется в сознании разных людей по-разному. Всю нашу мировоззренческую матрицу лихорадит. Вот, например, важный срез образа России — образ ее народного хозяйства. Тут даже слова сейчас трудно подобрать, жестами и восклицаниями изъясняемся — одни кулаками трясут, другие ручки потирают.

Так что начнем с более устойчивого образа — Россия на «карте человечества». Как мы видим свою землю и свое небо? В первых дошедших до нас источниках мы видим Русь как *«путь из варяг в греки»*. Некоторые историки даже говорят о Руси *Скандовизантия* (в 1995 г. был введен и второй важный для становления Руси образ — *Славотюркика*). В этих образах выражается самоосознание русских как народа, *соединяю-*

щего мира, а страны русских, как *страны-моста*. За тысячу лет этот образ не выпал из нашей матрицы: и Волга, и Транссибирский путь, и Северный морской путь остаются «осями» образа России, а землепроходцы остаются частью образа русских («Россия — избяной обоз», — писал поэт Клюев).

Объединяющее народ географическое видение мира — это «сплав поэзии и мифа». Отправляясь из Вены в Прагу, Моцарт считал, что едет *на Восток*, к славянам (хотя Прага находится *западнее* Вены). Большое значение люди придают такому условному понятию, как *континент*. Мы, мол — европейцы, а там, за рекой — азиаты. За определение таких признаков ведется ожесточенная идеологическая борьба. Австрийский канцлер Меттерних говорил: «Азия начинается за Ландштрассе», то есть австрийцы живут в прифронтной полосе Европы.

Как страна, соединяющая народы, Россия быстро осознала себя континентом — землепроходцы, казаки и мореходы прошли огромные расстояния объединяя земли. Но и Запад так ее видит. Немец Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока» пишет в 1938 г. о грядущей войне: «Вопрос ставится не в форме: Третий рейх или Третий Интернационал, и не фашизм или большевизм. Дело идет о **мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России**».

В 20—30-е годы XX века русские ученые в эмиграции, размышляя о судьбах России уже в облике СССР, создали целостный и хорошо проработанный образ *Евразии* — особого континента, в котором закономерно уместились русские и связанные с ними общей судьбой народы. При этом народы азиатской части России становились и европейцами, через русских подключались к большой мировой культуре.

Образ России-Евразии обладал мощным духовным и творческим потенциалом и сыграл важную роль в сборке советского народа. Новые возможности включения этого образа в мировоззренческую матрицу наших народов для их

объединения в преодолении кризиса, изучаются сейчас и в РФ, и в азиатских республиках. Он же лежит в основе ряда больших проектов, внешне очищенных от мировоззрения — транспортных и экономических.

Образ страны отражает и космогонические представления — взгляд на нее «с неба». Неосознанно мы верим, что земное (социальное) пространство отражает строение космоса. Устройство города красноречиво говорит о мировоззрении народа. Например, христианский город представляет микрокосм с центром, в котором находится храм, соединяющий его с небом. Один из крупнейших антропологов (А. Леруа-Гуран) помещает в своей книге план Москвы как города, отражающего облик всего мира.

Так Москва и воспринималась, она была мистической точкой в образе России (то-то сюда рвался Наполеон). На шоссе за Волгой на указателе читаем: «Москва — 2372 км», такое в США написать о Вашингтоне никому в голову не придет. Сейчас Москву не любят не потому, что слишком жирует, а потому, что это свое место она продала за чечевичную похлебку. Одумается — снова о ней будут петь «золотая моя Москва».

Редко-редко поэты, говоря о том, как видится Россия с небес, касаются главного. Тютчев написал:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благославляя.

Этот образ — именно обобщенный, в нем соединяются небо и земля (перед этим говорится: «Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа»). Может быть, из стихов русских поэтов и надо было бы составлять действенный образ России. Впрочем, и ученые применяют поэтические выражения. Менделеев, предвидя великие противостояния XX

века, говорил, что Россия живет «между молотом Запада и наковальной Востока».

К нашей теме надо подходить через главное нынешнее противостояние в России, через ядро нашего кризиса. Большую роль в его развитии сыграл за последние два века образ *России-как-Европы*, созданный «западниками». Он заключает в себе сильную идеологическую и политическую концепцию, которая не раз была (и сегодня является) предметом острых общественных конфликтов. Это представление Запада, ставшее официальным во время перестройки, было большой акцией психологической войны, подрывающей образ России. Она отрицала сам статус России как самобытной цивилизации, ее видение в человечестве как системы культур и цивилизаций. Люди чувствовали себя русскими, потому что «с небес» было видно: вот Запад, а вот Россия (СССР).

Эту акцию начали уже «шестидесятники». В книге П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека», которая публиковалась с начала перестройки в журналах, пересказываются мысли И. Эренбурга, которого авторы уподобляют апостолу Павлу. «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Речь шла уже не об историческом месте России на карте человечества... Эренбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад... То, что хотел сказать и сказал Эренбург, очень просто: Россия — часть Европы... Ну что может разделять такие замечательные народы? Пустяки», — пишут Вайль и Генис и приводят слова Эренбурга. — «Их разделяют не мысли, а слова, не чувства, а форма выражения этих чувств: нравы, детали быта».

Итак, русским навязывается совершенно новое основание для самоосознания — из него удаляется стержневое положение о самобытности русской культуры. Дескать, между мыслями и чувствами русских и немцев, православных и протестантов, советского и буржуазного мировоззрения нет никакой существенной разницы — так, детали быта (чуть

позже скажут, что и быт наш недостойный). Не занимает Россия и никакого особого места «на карте человечества». Когда подобные утверждения стали литься на головы людей в тысячах разных словесных и художественных форм, был ослаблен или разрушен целый важный пучок связей народа и национального сознания. Была разрушена часть фундамента этого сознания, выстроенная с огромными трудами в советский период, о чем писал А.С. Панарин: «В формационных сопоставлениях Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом — без всяких изъяснов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию».

Мощная атака была направлена и на образ России как континент Евразии. Вот, в журнале «Вопросы философии» излагается эта навязчивая идея 90-х годов: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия». Как это должны понимать русские — Сибирь не Россия, а часть Российской империи? А Приморье чье будет? Как это должны понимать якуты — они из России изгоняются и места в Европе лишаются? Это типичная идеологическая диверсия, одна из множества бомб психологической войны против России. Устойчивое восприятие пространства, одна из важнейших «сил созидания» народа, подтачивается.

Образ России как части Запада (явно периферийной), означал разрыв генетической связи с русской культурой начала XX века, разрушал историческую память не только советского периода, но и времен Российской империи. Ее евразийство было принято всеми культурными течениями, кроме либералов-западников. Достоевский в «Дневнике писателя» (1881) писал: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»

Уже на революционной волне обнародовал свой поэтический манифест евразийства Александр Блок — свою поэму «Скифы». Напротив, либералы, беря за идеал устройство Запада, вели к разрушению России как евразийской державы. В случае их успеха (как это и случилось в феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на распад.

Это предвидел П.А. Столыпин и в 1908 г. предупреждал: «Не забывают, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

Критический момент образ России пережил в момент политических игр правящей верхушки РФ с НАТО. В массовом сознании НАТО воспринимался как военный союз Запада в его холодной войне против России (СССР). НАТО объединил огромные ресурсы и заставил нас втянуться в тяжелую гонку вооружений. От НАТО исходила постоянная угроза для русского народа как ядра СССР. Советских людей соединяло возмущение несправедливостью и тупостью этой политики с позиции силы, что усиливало и образ России как общемирового препятствия этой тупости.

В Москве «демократы» заговорили о «европейской цивилизационной идентичности» России, взяли курс на выталкивание из союза среднеазиатских республик, выступали в тесном альянсе с «народными фронтами» Прибалтики. Стали говорить о вступлении в НАТО и его расширении до границ Ирана и Китая как общего у Запада с Россией противника. Как только был ликвидирован СССР, Ельцин в первом же своем послании Совету НАТО 20 декабря 1991 г. заявил:

«Сегодня мы ставим вопрос о вступлении России в НАТО, однако готовы рассматривать это как долгосрочную политическую цель».

Влиятельный политик С. Караганов в статье «У дверей НАТО мы должны оказаться первыми» (1994) доказывал, что РФ надо бороться с Польшей, Чехией и Венгрией за право вступить в НАТО первой. А. Козырев представлял РФ как союзника Запада в назревающем столкновении с исламом, в «совместной защите ценностей» при «продвижении на восток». Он выражался ясно: «Здесь основное бремя ложится на плечи России». При этом НАТО вовсе не стал для русского народа мировоззренчески и нравственно близкой организацией. Сама мысль отдать российскую армию и российское оружие под команду американских генералов разрушала образ России.

Те же самые силы в России, которые тащили ее в НАТО, стали и пропагандистами программы мироустройства, которую США пытаются реализовать под названием глобализации. Это очередная программа ослабления и расчленения незападных национальных государств и втягивания их кусков в периферию Запада.

В России большинство населения относится к доктрине глобализации отрицательно, но голос его не слышен, поскольку оно лишено доступа к СМИ.

Каков же исход этого столкновения образов России? В своих главных чертах традиционный образ выдержал удар и снова набирает силу. Ни рвать историческую связь народов, ни пытаться встроиться поодиночке в «Европу» на правах бедного родственника никто из народов России и больших социальных групп не собирается. Представление о России и о самих себе стало жестче. На все попытки заставить русских принять Запад за духовный образец дан ответ в большом опросе 2001 г. Вот как видят люди главные характеристики русского народа (в % от числа опрошенных в каждой возрастной группе):

Характеристики русского народа	Возрастные группы			В целом
	18-24 года	40-49 лет	50-59 лет	
Народ-освободитель	74,2	80,1	79,4	78,9
Созидатель великой культуры	78,4	77,7	80,6	78,2
Народ-строитель	63,8	70,0	71,6	69,1
Защитник народов	60,8	65,8	65,2	63,9

Русский народ — *защитник народов! Народ-освободитель!* Вот что думают о себе русские, сравнивая себя с Западом. И какое единодушие всех поколений! Это и есть образ России и ее исторической роли в человечестве. На этом направлении ударов психологической войны оборона русских устояла.

ЧЕРВЬ СЕПАРАТИЗМА

Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная»). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплывило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура.

Каждая большая страна уникальна и неповторима. И Россия самобытна во всех ее проявлениях. Здесь мы скажем об одном ее творческом открытии — особом типе общежития народов, о ее многонациональной «цветущей сложности». Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ создать на огромном пространстве империю неколониального типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Земли шли в общий котел, а народы принимались в общую семью. Элита этих народов, даже покоренных военной силой, автоматически включалась в дворянство, правящее сословие всей России — и сын

имама Шамиля, взятого в плен после долгой и тяжелой Кавказской войны, становился генералом российской армии.

Это — вовсе не военная хитрость и не обычная вещь. Военное сословие Золотой Орды постепенно влилось в офицерство русского войска не за деньги и не из страха. Оно обрусело, для него Россия уже стала их страной. Но так построить государство — надо было много ума и духовной широты. Когда в 70-е годы XIX века происходило присоединение к России Средней Азии (в том числе и с применением военной силы), индийские наблюдатели вели очень интересные сравнения с тем, как действовала английская администрация в Индии. Полезно бы нам было эти их заметки почитать. Замечали, среди прочего, что в России какой-то генерал — мусульманин, а другой — армянин, и командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови».

В общем, за пять веков в России был выработан сложный и даже изощренный тип межнационального общежития. Его принципам следовала и верховная власть, и местные начальники, и элита, и сами народные массы — что-то поправляя, что-то обновляя, учась предвидеть и гасить конфликты, находить компромиссы. Чем этот тип отличался от других известных «моделей»? Отличия сразу видны. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тем, как очистили для себя Северную Америку англо-саксонские колонисты. Здесь не было планомерной ассимиляции с ликвидацией этнического разнообразия (как произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии). Здесь не было и апартеида в самых разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (мы часто слышали об апартеиде ЮАР, но иммигрантские гетто во Франции — тоже вариант апартеида).

Конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости, и ими умелые противники пользовались. Например, всю вторую половину XIX века либеральные западники, а с конца века и марксисты, интенсивно использовали для подрыва легитимности Российской империи и монархического строя идеологическую концепцию России как «тюрьмы народов». Как только монархия зашаталась, подросшая национальная буржуазия стала рвать ее на куски, торопясь их «приватизировать». В этом деле не отставала и элита русских областей (например, Сибири).

В феврале 1917 г. Российская империя, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня». Это в большой мере произошло потому, что ее растащили «по национальным квартирам». Было разрушено здание межнационального общежития, рассыпана «симфония народов». Тогда Россию спасло то, что подавляющее большинство населения было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они еще с 1902 г. начали сборку нового, уже советского имперского народа — обдумывали проект его жизни, в том числе национальной.

Мирного времени не хватило — матрицу для пересборки народа и страны пришлось достраивать в Гражданской войне, когда разные проекты проверялись абсолютными аргументами — с кровью. Как ни гонишь от себя эту тяжелую мысль, но чем больше читаешь материалов тех лет, тем больше склоняешься к выводу, что для строительства народа России в его советском облике нужно было удалить или подавить те силы, которые до революции вели демонтаж имперского русского народа — и ту философствующую интеллигенцию, которая металась между народопоклонством и народоненавистничеством, и ту «ленинскую гвардию», что слишком глубоко погрузилась в марксизм. Первых отправили на пароходе «в Париж», со вторыми обошлись круче.

Историк Г.П. Федотов, в юности марксист и социал-демократ, уехал в Париж своим ходом в 1925 г. Он вспоминал: «Мы не хотели поклониться России — царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее». (О Печерине мы слышали меньше, чем о Марксе, о нем писал Пушкин: «Ты нежно чуждые народы возлюбил, ты мудро свой возненавидел»).

В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены важными экономическими, политическими и культурными механизмами. Насколько они были эффективны, показала Великая Отечественная война, в которой впервые все народы на равных выполняли воинский долг.

В советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии — формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Но, как любая большая система, нация может или развиваться и обновляться, или деградировать. Стоять на месте она не может, застой означает распад соединяющих ее связей. Если это болезненное состояние возникает в момент большого противостояния с внешними силами (вроде холодной войны), то оно непременно будет использовано противником, и всегда у него найдутся союзники внутри страны — какие-то диссиденты и масоны, сахаровы и курбские. И едва ли не главный удар будет направлен как раз на тот механизм, что скрепляет народы в семью.

Решение перенести главное направление информационно-психологической войны против СССР с социальных проблем на сферу межнациональных отношений было принято в стратегии холодной войны уже в 70-е годы. Но шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против целого. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции.

По советской системе межнациональных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезах — от хозяйственного до символического. Были использованы инструменты всех больших идеологий — либерализма, марксизма и национализма. Вся эта технология — предмет особого разговора, здесь затрагивать его не будем. Главное, что в этой большой операции противникам России удалось произвести два стратегических прорыва.

Во-первых, политизированное этническое сознание нерусских народов в значительной мере было превращено из «русоцентричного» в этноцентричное. Ранее за русским народом безусловно признавалась роль «старшего брата» — ядра, скрепляющего все народы страны. С конца 80-х годов, наоборот, прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание — этнический национализм, обращенный вспять, в мифический «золотой век», который якобы был прерван присоединением к России. Это резко затрудняет восстановление испытанных веками форм межнациональных отношений, создает новые расколы, замедляет преодоление кризиса из-за нагромождения новых, необычных задач.

Во-вторых, «социальные инженеры», которые сумели построить национальные элиты против союзного центра и добиться ликвидации СССР, взрастили червя сепаратизма, который продолжает грызть народы постсоветских государств. Та трещина, которая прошла по Украине, говорит о беде, зреющей во многих народах. Ведь соблазн разделения идет вглубь, и даже народы, давным-давно осознавшие себя еди-

ными, начинают расходиться на субэтноты. В России сумели подавить и опорочить державный национализм, который соединяет родственные народности в народы, а народы — в большую нацию. Взамен в массовое сознание «накачивают» этнонационализм, ведущий к разделению или даже стравливанию народов и к архаизации их культуры.

Эта угроза, прямо связанная с операцией по демонтажу советского народа и его ядра — русских, — продолжает вызревать и порождать новые, производные от нее опасности. Она требует изучения и ответственного хладнокровного обсуждения.

НАРОД И ПРАЗДНИКИ

Что же значат праздники в жизни народа? Затронем лишь малую часть темы. Праздник связывает людей, которые за много лет коллективно выработали его образы и символы, в народ. Праздник — всегда коллективное действо, его корень в религиозном взгляде на мир. Это такой момент времени, когда как будто открывается в небесах окошечко, через которое наша жизнь озаряется особым магическим светом. Он позволяет нам вспомнить или хотя бы почувствовать что-то важное и проникнуть взглядом в будущее.

Важным механизмом сплочения людей в такие моменты является *ритуал* — древнейший компонент религии, поныне сохранный в праздниках. Его первостепенная роль, как выражаются ученые, — укрепление солидарности этнической общности. Ритуал представляет в символической форме действие космических сил, в котором принимают участие все члены народа. Духи предков и боги становятся помощниками и защитниками людей, указывают, что и как надо делать. Во время праздничного ритуального общения преодолевается одиночество людей, чувство отчужденности. Как говорят, «ритуал обеспечивает общество психологически здоро-

выми членами». При этом ритуал — это та часть культуры, которая обладает ярко выраженными этническими особенностями. Они — специфическое культурное наследие народа. Праздники и их ритуалы, будучи продуктом коллективной творческой работы, в то же время *создают* этот народ, придают ему неповторимые черты.

В момент праздника даже у современного человека оживает чувство *святости* времени, а вещи, связанные с ритуалом праздника, обнаруживают свой символический священный смысл. Это не требуется осознавать, об этом не говорят, но праздник, проведенный вместе с близкими за одним столом и вместе с народом за десятками миллионов столов, духовно преображает человека. Праздник мобилизует присутствующие каждому народу видение *истории* и *художественное* сознание. В празднике оживают события национальной истории, определившие судьбу народа, а следовательно, люди незримо соединяются общими воспоминаниями. В этом смысле к праздникам примыкают дни памяти обо всех событиях, вызывающих коллективные гордость и горечь, радость и сожаление. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в центральной мировоззренческой матрице народа.

Отсюда видна прямая связь наших праздников с той главной угрозой для России, о которой мы говорили, — демонтаже нашего народа. Говоря о «шоковой терапии» первых лет реформы, обычно обращают внимание на разрушение хозяйственных и связанных с ними социальных структур. Но едва ли не более важно для нашей темы «молекулярное» действие культурного шока, уничтожавшее «слабые взаимодействия» между людьми, устранение связующего эффекта участия в коллективных действиях, в том числе в праздниках.

Старшие поколения за свою жизнь дважды пережили большие кампании насильственной перестройки «календаря праздников». Это тяжелые испытания. Первая кампания проводилась в 20-е годы «прогрессивной» частью большевиков,

которые ставили своей целью демонтировать старый «имперский» русский народ. По мере того, как этот народ объединялся, уже в советской форме, вокруг Сталина, нарастал накал этой кампании, для оппозиции она была уже средством ослабления социальной базы сталинизма.

В 1928 г. была даже начата кампания против встречи Нового года и Рождества с елкой. Поэт Семен Кирсанов писал в «Комсомольской правде»:

Елки сухая розга
Маячит в глазища нам.
По шапке Деда Мороза,
Ангела — по зубам!

Изживалось и праздничное поминовение войны 1812 года. В 1927 г. Главный репертуарный комитет запретил публичное исполнение увертюры Чайковского «1812 год». Победа России над Наполеоном воспринималась как цивилизационная катастрофа Запада, Отечественная война России была представлена на Западе как война «реакционного народа» против «республики, наследницы Великой Французской революции». Свернуть всю эту кампанию удалось только после того, как была разгромлена, самыми жестокими методами, «оппозиция» в ВКП(б). Резкий поворот был совершен в мае 1934 г. Вернулись и елка, и увертюра «1812 год».

Но сходные лозунги выбросили «шестидесятники» в короткий момент хрущевской «оттепели». Режиссер Михаил Ромм, выступая 26 февраля 1963 г. перед деятелями науки и искусства, заявил: «Хотелось бы разобраться в некоторых традициях, которые сложились у нас. Есть очень хорошие традиции, а есть и совсем нехорошие. Вот у нас традиция: исполнять два раза в году увертюру Чайковского «1812 год». Товарищи, насколько я понимаю, эта увертюра несет в себе ясно выраженную политическую идею — идею торжества православия и самодержавия над революцией. Ведь это дур-

ная увертюра, написанная Чайковским по заказу. Я не специалист по истории музыки, но убежден, что увертюра написана по конъюнктурным соображениям, с явным намерением польстить церкви и монархии. Зачем Советской власти под колокольный звон унижать «Марсельезу», великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна? А ведь исполнение увертюры вошло в традицию».

Ромм увязал увертюру Чайковского с «советским антисемитизмом», а сегодня израильский историк Дов Конторер увязывает эту увертюру и саму победу России в Отечественной войне 1812 г. с тезисом о «русском фашизме». Он пишет о демарше Михаила Ромма: «Здесь мы наблюдаем примечательную реакцию художника-интернационалиста на свершившуюся при Сталине фашизацию коммунизма».

Кампания 90-х годов велась (и продолжается) с гораздо более мощными средствами, чем первая, но по своей структуре и методам схожа с ней. Задача разрушения исторической памяти народа соответствует устойчивым философским установкам западников, согласно которым, по словам историка, «время должно быть не хранителем вековой мудрости, не естественным залогом непрерывности традиции, а разрушителем старого и создателем нового мира».

Люди, лишившиеся привычных праздников, выпадают из традиции. Эту цель и преследовала развернутая в перестройке пропаганда *беспочвенности*. аплодисментами встречали философа Г. Померанца с такими советами: «Что же оказалось нужным? Опыт неудач. Опыт жизни без почвы под ногами, без социальной, национальной, церковной опоры. Сейчас вся Россия живет так, как я жил десятки лет: во внешней заброшенности, во внешнем ничтожестве, вися в воздухе... И людям стало интересно читать, как жить без почвы, держась ни на чем».

Идеал беспочвенности и есть та кислота, которая разъедает связи, соединяющие людей в народ. Правители, стремящиеся сохранить и укрепить эти связи, даже при самых ради-

кальных реформах сохраняют и старый пантеон священных символов, и старый календарь праздников — дополняя и осторожно обновляя его. Вводя на Руси православие, не стали запрещать языческий праздник масленицы, сохранили ритуалы и других старых праздников, включив их в порядок новых. Это — разумный подход царей и президентов, берегущих свой народ.

У нас же с 1991 г. был начат настоящий штурм символического смысла праздников, которые были приняты и устоялись в массовом сознании народа. Вот 7 Ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил «отныне считать Днем Согласия». Какая пошлость, оскорбляющая чувство и достоинство людей. Ведь революция — трагическое столкновение, а не день согласия. Русская революция — великое событие, повернувшее ход истории. Это великое событие с одинаковым волнением отмечал весь народ, независимо от того, на какой стороне баррикады были деды и прадеды. Так же отмечают 14 июля, годовщину своей революции, французы. И сама мысль отменить во Франции этот праздник показалась бы там чудовищной и глупой. У нас, как известно, этот «красный день календаря» отменили. Да еще предложили поприбавить нечто 4 ноября. Мол, какая разница — выпьете водки на три дня раньше. Плюнули людям в душу, да еще стравили людей. Ладно...

Массовое сознание советских людей приняло праздник 23 Февраля, он давно уже утратил первоначальное политическое значение и стал общенародным праздником (в паре с 8 Марта). Но в ритуале этого праздника обязательным было шествие ветеранов, стариков-военных. И вот к этим-то старикам была применена демонстративная жестокость в самой примитивной форме — массового показательного избиения на улицах Москвы 23 февраля 1992 г.

Газета «Коммерсант» (1992, № 9) так описывает ту операцию: «В День Советской Армии 450 грузовиков, 12 тысяч милиционеров и 4 тысячи солдат дивизии имени Дзержинского заблокировали все улицы в центре города, включая площадь

Маяковского, хотя накануне было объявлено, что перекроют лишь Бульварное кольцо. Едва перед огражденной площадью начался митинг, как по толпе прошел слух, будто некий представитель мэрии сообщил, что Попов с Лужковым одумались и разрешили возложить цветы к Вечному огню. С победным криком «Разрешили! Разрешили!» толпа двинулась к Кремлю. Милицейские цепи тотчас рассеялись, а грузовики разъехались, образовав проходы. Однако вскоре цепи сомкнулись вновь, разделив колонну на несколько частей». Разделенные группы ветеранов были избиты дубинками, и это непрерывно показывали по Центральному телевидению.

Газета добавляет: «К могиле Неизвестного солдата не были допущены даже делегации, получившие официальное разрешение: Совета ветеранов войны и Московской федерации профсоюзов». Одновременно ряд СМИ провели кампанию глумления над избитыми. «Комсомольская правда» писала «сочувственно»: «Вот хромает дед, бренчит медалями, ему зачем-то надо на Манежную. Допустим, он несколько смешон и даже ископаем, допустим, его стариковская настырность никак не соответствует дряхлеющим мускулам — но тем более почему его надо теснить щитами и баррикадами?»

А сколько приложено усилий, чтобы вытравить смысл 1 Мая — праздника, очень любимого народом. Реформаторы решили изъять из памяти людей само понятие солидарности трудящихся, велели называть 1 Мая «Днем весны и труда». Какая пошлость! Это — никакой не День весны и труда, а особый праздник трудящихся, их ежегодный крик о солидарности. Праздник стал всемирным потому, что в основе его была пролитая кровь — сила мистическая, не сводимая ни к идеологии, ни к экономическим интересам. Все это прекрасно изучено, и ни один режим на Западе не посягает на этот праздник. В этот день улицы и площади отдаются красному флагу. А демонстрации в этот день имеют характер процессий. Любое правительство, которому взбрело бы в голову запретить, а тем более разогнать первомайскую демонстрацию, было бы устранено назавтра же — причем по инициати-

ве правых партий и самих капиталистов. И, зная все это, Ельцин отдает приказ об избиении демонстрации 1 Мая 1993 г.

Тогда в Москве устроили «анти-праздник», наподобие черной мессы. Поражал сам вид кордонов вокруг отведенного для демонстрации места. С трех сторон маленького пространства — сверкающие на солнце щиты и каски, баррикады из грузовиков, множество машин для перевозки арестованных, свирепые немецкие овчарки. И на глазах этой надменно-враждебной силы людям было «разрешено» провести исполненный большого для них смысла ритуал. Это был садистский удар по подсознанию людей, безусловно преступная акция власти. Мой знакомый (кстати, видный предприниматель), рассказал мне назавтра, как, нарядно одетый, он вышел из метро «Октябрьская» и испытал потрясение, увидев эти легионы с овчарками. Он обошел этот строй и не выдержал — заплакал. «Ничего не мог поделать, — рассказывал он. — Текут слезы, и все. И уехал». Человек, кстати, очень крепкий.

Способом убийства праздников была и профанация, неявное издевательство. Религиозное сознание понесло урон от той пошлости, с которой «возвращали религию» бывшие работники идеологических служб КПСС. Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, подмечает: «По дороге в аэропорт Москва подарила мне прощальный, но впечатляющий образ лжи, которым проникнуто все их так называемое «обновление»: кумачовые плакаты с лозунгом «Христос воистину воскрес!» Сперва думаешь, что перед тобой какая-то новая форма атеистического богохульства...». А разве не профанацией было устройство концерта поп-музыки на Красной площади именно 22 июня 1992 г.? И чтобы даже у тугодума не было сомнений в том, что организуется святотатство, диктор ТВ объявил: «Будем танцевать на самом престижном кладбище страны».

Ученые-гуманитарии кинулись изобретать методы профанации советских праздников. Д.А. Левчик с философского факультета МГУ (!) в академическом журнале дает власти рекомендации. Вот как видит философ возможности *испо-*

ганить людям праздник: «Доказать, что место проведения митинга не «святое» или принизить его «священный» статус; доказать, что дата проведения митинга — не мемориальная, например, развернуть в средствах массовой информации пропаганду теорий о том, что большевистская революция произошла либо раньше 7 ноября, либо позже; нарушить иерархию демонстрации, определив маршрут шествия таким образом, чтобы его возглавили не «главные соратники героя», а «профаны». Например, создать ситуацию, когда митинг памяти жертв «обороны» Дома Советов возглавит Союз акционеров МММ».

Этот интеллектуал понимает смысл того, что советует: «Профанация процедуры и дегероизация места и времени митинга создает смехотворную ситуацию... Катализатором профанации может стать какая-нибудь «шутовская» партия, типа «любителей пива». Например, в 1991 г. так называемое «Общество дураков» (г. Самара) профанировало Первомайский митинг ветеранов КПСС, возложив к памятнику Ленину венок с надписью: «В.И. Ленину от дураков». Произошло столкновение «дураков» с ветеранами компартии. Митинг был сорван, а точнее превращен в хэппенинг» (СОЦИС, 1995, № 11). Такова мораль их «гражданского общества».

Примерно так же профанируют и самый главный праздник, который пока что скрепляет подавляющее большинство народа — День Победы. Философ Л.Д. Гудков, доктор наук, руководитель отдела Центра Юрия Левады и пр., определяет смысл этого праздника так: «Это самое значительное событие в истории России, как считают ее жители, опорный образ национального сознания... Победа торчит сегодня как каменный столб в пустыне, оставшийся после выветривания скалы».

Поэтому этот праздник и стал объектом ударов в психологической войне. Гудков объясняет: «Победа стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задает им масштаб оценок... [Она дала] огромному числу людей свой язык «высоких коллективных чувств», язык лирической государственности». Поэтому ему ненавистен праздник Победы.

Надо быть просто свиньей, чтобы ехать на симпозиум в Германию и говорить такие слова о празднике 60-летия Победы: «Это будет принудительная имитация коллективной солидарности с властью, не имеющей ничего за душой, кроме казенного полицейского патриотизма и политического цинизма».

А нам надо праздновать наши праздники и думать о том, как загнать это свинство в цивилизованные рамки. Рамки, определенные нашей цивилизацией.

СВЯЗНОСТЬ СТРАНЫ И НАРОДА

Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют системным. Это значит, что повреждены все системы страны, она больна. Едва ли не главная опасность, порожденная болезнью, — возможный распад страны. Это всегда — общее бедствие и источник массовых страданий народа. Старшие поколения помнят, как «бригада Горбачева» у власти развалила СССР. Ее дело продолжила «бригада Ельцина», который ездил по регионам и уговаривал: «Берите суверенитета, сколько проглотите». Силы, которые за ними стояли, никуда не делись, и для них Россия — такая же империя, как СССР, только поменьше. Цель развала России с повестки не снята, и работа не прекращается. Каковы перспективы?

Общее правило гласит: большие системы или развиваются и укрепляются, или хиреют и распадаются, покоя им нет. Нынешняя Россия (РФ) — система переходная, в неустойчивом равновесии. В ней сегодня одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы — зависит и от власти, и от всех нас. Подавляющее большинство, конечно, старается укрепить страну. Для этого полезно взглянуть на дело хладнокровно.

За последние годы сделано два больших шага — укрепление центральной власти и в основном потушен опасный очаг в Чечне. Это достижения на двух участках большого фронта. А на остальных? Перечислим главные источники опасности

и посмотрим, угасают ли они. Пройдем по главным скрепам, которые соединяют людей и земли в страну, а также по «механизмам», которые эти скрепы производят, обслуживают, ремонтируют. В каком состоянии все это хозяйство?

Создатель и «держатель» страны — народ. Первое условие прочности страны — соединение ее населения в народ многообразными связями. Главных типов таких связей можно выделить около сотни, объединить их в десяток «пучков». В духовном плане соединение в народ значит наличие общего культурного ядра (мировоззрения, понятий о добре и зле), общего образа «благой жизни». В плане земном — общий для народа реальный образ жизни, принадлежность к одному типу цивилизации. Иными словами, не слишком большое расслоение по доступности основных благ — как в социальном плане (между группами и классами), так и в национальном (между народами и народностями России).

Тут и таится первая и главная опасность для России — продолжается демонтаж народа, хозяина страны. Эта операция, проведенная против советского народа, была для противника успешной и позволила ему расчленить СССР. До сих пор не может опомниться от радости. Но эта операция вовсе не прекращена в РФ. Народ извлек некоторые уроки, сопротивляется, но стихийно. Государство почти не помогает, а то и подливает масла в огонь.

Народ России раскалывают и дробят во всех планах и измерениях, тут тенденция неблагоприятна. Совесть народа так оплевали и осмеяли, что она ушла в катакомбы и там переживает смутное время. Значит, рассыпано скреплявшее нас общее культурное ядро. Результат — динамика смертности и рождений, разбоев и ограблений, ход призыва в армию. Мы вышли из советского времени, а наши отцы и деды — из крестьянской России. 95% их тяжело работали, совершили немыслимый труд, погибали на фронте, построили все то, чем мы сегодня живы. Эта жизнь выработала у них стойкие представления о долге, правах и справедливости.

Сегодня власть у людей другого типа — «новых русских». Они сумели приватизировать все, вплоть до нашего сознания. Их господство над информационным пространством почти тотально. По-детски счастливые, они стали глумиться и издеваться над всем, что нам казалось добрым и красивым. Я старый человек, эмоциям воли не даю. Я просто фиксирую, что с телеэкрана на меня ежедневно льется поток оскорблений, стараются уязвить побольнее, с садизмом. Может, это надо перетерпеть, а потом все наладится? Это зависит от того, получилось ли у этой «элиты» собрать народ на новой духовной матрице.

Нет, не получилось, и сама проблема эта снята с повестки дня. Да, появились богатенькие, которые возомнили себя солью земли и для бодрости считают остальных быдлом и неудачниками. Но это сравнительно небольшая группа, и их жаль — ушиблены реформой, впали в вульгарный социал-дарвинизм. Главное, не убедили большинство людей ни Гайдар с Чубайсом, ни Абрамович с Дерипаской, ни Познер со Сванидзе в том, что их мораль и принципы жизни справедливы и благородны. Посмотрели мы на них и так, и эдак, и все с ними ясно. Пустота и творческое бессилие. Это не строители, с ними Россию ждет тупик, а дальше — падение в пропасть.

В таком положении слаба легитимность государства. Нет у людей уверенности, что оно обеспечивает выживание народа. ВВП, финансовые активы, конкуренция — все это слабые связи. Даже более того, у многих зреет ощущение, что они лично при таком устройстве страны не нужны и даже нежелательны. Нас все время попрекают, что мы много жжем электричества, много тратим топлива на обогрев наших жилищ, загрязняем атмосферу — тяготит это новых хозяев жизни. В.В. Путин нас успокаивает, и ему за это благодарны. Но высокий рейтинг президента при общем недоверии к правительству — признак плохой.

В статье не представить всю карту расколов и трещин, которые пошли по душе народа, но эта карта есть, и от вида

ее содрогнешься. Судя по всему, заделывать эти трещины и «ремонтировать» духовную сферу власть не собирается. Может, кто-то, еще более властный, ей это запрещает? Остался у нас один скрепляющий почти всех символ — Великая Отечественная война. И то, к каждому 9 Мая на бюджетные деньги успевают выпустить пару фильмов, поливающих грязью этот образ.

Если опуститься на грешную землю, то тут положение проще и грубее, но особых сдвигов к лучшему не видно. В период «бури и натиска» 90-х годов народ раскололи, как топором, на два расходящихся мира — патологически богатых и столь же патологически бедных. Это было настолько несправедливое и противное разуму разделение, что надо удивляться, как вся эта безумная социальная конструкция еще держится. Бедной стала самая квалифицированная и самая работающая часть населения, а наверх, в общем, поднялось «дно» советского общества. Еще говорят: ах, как жаль, что у них нет протестантской этики. Какая там протестантская! Что у них вообще есть? Получили в собственность нормально работающую экономику, вторую в мире по мощности — и практически угробили ее.

Ограбили большинство, но ведь и награбленного не пустили в дело — накупили себе вилл и яхт, обжираются самым позорным и примитивным образом. У какого разбитого корыта мы останемся, когда они, наконец, отвалятся от России, как сытые пиявки? Олигархи получили разведанные, обустроенные и налаженные месторождения нефти. Все было в порядке — и кадры, и оборудование. Знай, качай нефть и гони ее на ненасытный мировой рынок! И что же? За десять лет реформ они ухитрились снизить производительность труда в четыре с лишним раза. В 1988 г. на одного работника, занятого в нефтедобыче, приходилось 4,3 тыс. тонн добытой нефти, а в 2001 г. 0,97 тыс. т. Хищник умелым хозяином не станет — вот в чем тут дело. Ведь снимают с месторождений сливки, безвозвратно оставляя в земле 2/3 нефти. И власть хочет, чтобы мы признали их за законных хозяев

национального богатства! Не бывать этому — вот и основание для раскола.

Нам говорят о быстром развитии российской экономики в последние годы. Из чего же это видно? Что построили за эти годы, какие великие «стройки капитализма» завершили? Отверточное производство «Форда-фокуса»? Если взять реальную экономику, то она растет медленнее, чем в годы перестройки — а ведь тогда нас уговорили сломать нашу экономическую систему из-за низкого темпа роста. Посыпалась на нас манна небесная — нефтедоллары, — но где же восстановительная программа? Нет ее, а ведь брешь в экономике за 90-е годы — побольше, чем от войны. Ее явно не собираются закрывать. Деньги идут на ледяные дворцы в Сочи, а в Архангельске теплосети уже не поддаются ремонту.

Не надо говорить о ВВП — надо смотреть на натурные показатели. Посевные площади сократились на 42 млн. га, а поголовье крупного рогатого скота — в три раза. У нас его теперь намного меньше, чем в 1916 г.! Замечательно, что у нас есть приоритетный национальный проект в животноводстве, но сравнима ли эта капля с масштабами провала 90-х годов? А сколько у нас тракторов осталось? А торговый флот, который сократился в 4 раза? А как стареет оборудование промышленности? А кто будет работать на заводах, когда умрут пенсионеры? В ПТУ теперь учатся на официантов.

Какое может быть развитие, если в РФ остается для собственного потребления 0,8 т нефти на душу населения — меньше трети того, что мы имели до реформы? Энергетическая держава — это, иными словами, сырьевой придаток. Ведь нефть и газ не производятся, а извлекаются из кладовых России. Их «тащат из семьи». Да и Запад предупредил, что сокращение поставок нефти из РФ будет рассматриваться как военные действия против стран НАТО. «Наш ответ Чемберлену» таков: не извольте беспокоиться!

Почему это важно для нашей темы? Потому, что без восстановления полноценного народного хозяйства население России не прокормится от Трубы. Значит, большую его часть

так или иначе оттеснят в гетто, в «цивилизацию трущоб». Это и происходит более 15 лет, а признаков отказа от этой доктрины не видно. Кто же будет держать страну, если именно работающая часть переселится в трущобы? Брокеры и дизайнеры? Да они бачок своего унитаза починить не смогут.

Если считать народ человеческой ипостасью страны, то она уже сейчас расчленена — большинство ведет иной образ жизни, нежели 20—30% «зажиточных», живет в иной цивилизации. Когда осознание аналогичного состояния произошло в начале XX века, началась революция. Для большинства населения помещики (1%) и буржуазия (еще 1%) стали «внутренними немцами». И империя рассыпалась, ее пришлось собирать на новых основаниях. Теперь правящие круги умеют революции кастрировать, а значит, будем жить в условиях холодной гражданской войны — психологической и экономической. Небывалый для России размах преступности — одно из выражений этой войны.

Надо признать фундаментальный факт: нынешний тип распределения национального богатства и дохода в России несовместим с длительным существованием страны. Пока он воспринимается как временная аномалия, люди готовы его перетерпеть. Но затем народ разойдется на две уже антагонистические части, их сосуществование станет невозможным. Возможно, большинство угаснет и зачахнет, не найдя способа организовать, — но что это будет за страна?

А что мы видим не в социальном, а территориальном измерении? Тот же процесс — регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница между регионами в среднем доходе на душу в 12 раз означает распад страны, даже если она формально не расчленяется. Да, положение улучшается — в середине 90-х годов разница была почти 16 раз. Но ведь стабилизация происходит на уровне, несовместимом с единством страны. Какова же программа действий государства? Я лично ничего внятного никогда не слышал. Зимняя олимпиа-

да, свободные экономические зоны, куда-то инвестиции... а в Чечне 70% населения — безработные. Какой тип культуры там вызревает? Свяжет ли Чечню со страной Интернет, который там проводят в каждую школу? Это наш национальный приоритет.

Каковы тенденции в техносфере? Ведь эта сфера, созданная человеком, играет важнейшую роль в соединении людей и территорий. Большие технические системы — транспортные, энергетические, информационные, делают организм страны единым, как кровеносная система человека. В целом, мы видим деградацию систем, которые служили всем людям, и оживление той их части, которая обслуживает меньшинство. Слабеет общественный транспорт — укрепляется парк личных автомобилей; в 4 раза сократились авиаперевозки пассажиров внутри России — но взмыли вверх перевозки в дальнее зарубежье; почта стала людям не по карману — но растет Интернет-сообщество. По российским рекам, которые соединяли десятки тысяч деревень и городков, поток пассажиров сократился в 5 раз. Не связывают теперь реки наши села и города. Сколько мы слышим о строительстве дорог — как будто и впрямь у нас строительный бум. Наконец-то! Но ведь в 1991 г. было построено 43 тыс. км дорог, а в 2005 г. — 2 тысячи! И это число все время уменьшается.

Вещь банальная — пространственная связность страны. Но ведь она тает на глазах при разбухании омертвленного Стабилизационного фонда. Что им собираются стабилизировать? Север — часть России? Но морским транспортом на Крайний Север теперь завозят в 7—8 раз меньше грузов, чем до реформы. Рвется артерия, которая связывала западные и восточные районы страны, деградируют северные приграничные территории.

А впереди маячит расчленение Единой энергетической системы, роль которой в интеграции страны важнее финансовых показателей. Но ведь и они резко ухудшатся при уничтожении системной целостности РАО ЕЭС. С такими усилиями СССР создал эту замечательно эффективную систему —

и вот свое же государство ее губит. Еще одна важная скрепа страны будет с нее сбита.

Вот другая система — и техническая, и социальная, и культурная. Это школа, «генетический аппарат» национальной культуры. В Новое время она — один из главных инструментов собирания нации, а значит, и скрепления страны. Она уже в детстве задает будущему гражданину ту мировоззренческую матрицу, которая соединяет людей в народ. Культура России, можно сказать, выстрадала особый тип школы — единую общеобразовательную. Именно эта школа воспитала поколения, которые сделали СССР великой державой, а сегодня с поразительной стойкостью переносят кризис. Эта школа обладала такой интегрирующей силой, что даже спустя 15 лет после развала СССР люди, приезжающие к нам из Средней Азии, оказываются нам цивилизационно близкими. И вот эту школу с поразительной настойчивостью сейчас стараются изменить так, чтобы она утратила именно свои главные черты — перестала быть единой. Ее превращают в конгломерат каких-то лицеев, гимназий, колледжей с мириадами разных программ и учебников. Это выглядит как сознательная операция по развалу страны.

Еще более наглядно это происходит в системе СМИ. Иногда говорят, что современные нации создал «печатный станок» — прежде всего, центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации. Реформа первым делом ликвидировала эту «скелетную» систему, превратив главные газеты в торговцев, конкурирующих на рынке. Кроме того, был сразу резко сокращен доступ основной массы населения к газете — разовый тираж газет на душу населения сократился в России в 7 раз.

Но главное, газеты, якобы подчиняясь диктату рынка, стали нагнетать информацию, углубляющую все трещины и расколы, возникшие в обществе. Особенно это касается межнациональных отношений. Тут, как выражаются социологи, в СМИ господствует «язык вражды». В одном и том же номе-

ре науськивают подростков на «лиц кавказской национальности» — и представляют спровоцированных подростков «русскими фашистами».

Все это вещи известные. Но они как будто не касаются ни государства, ни политических партий. Я пробую представить себе, где все эти вещи могут по-деловому обсуждаться в целом, как система, как общая проблема укрепления связности страны. И я не вижу никаких следов подобных обсуждений, концепций и доктрин. Они не выходят в научную печать, не просвечивают в выступлениях или хотя бы в частных разговорах. Как будто наложен какой-то запрет на обсуждение и даже размышления, касающиеся первейшей обязанности государства.

А для обсуждения таких проблем «внизу» люди лишены минимальных возможностей — нет теперь ни собраний трудового коллектива, ни очередей, ни ночевок у костра. Надо плести какие-то новые информационные сети.

АТАКА НА ЦЕННОСТИ И ДЕМОНТАЖ НАРОДА

И в царской, и в советской России русский народ пребывал в форме идеократического общества. Это общество хрупкое. Достаточно, чтобы в массовом сознании возникла мысль **«живем не по правде»**, и легитимность всего жизнеустройства резко ослабляется. Мысль «живем не по правде», то есть «следуем ложным ценностям», может быть внедрена противником в ходе психологической войны, если внутри страны он имеет влиятельных пособников. Так оно и произошло в СССР, а в 1917 г. обрυσенную Росийскую империю успела подхватить и спасти советская революция.

Атака на ценности — прелюдия к любой войне. Цель этой атаки — ослабить связность народа, лишить его коллективной памяти, общего языка и системы координат, в которой он различает добро и зло. В пределе — демонтировать ту центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран и

воспроизводится народ. Если это удастся, народ рассыпается, как куча песка. В начале XX века ядро этой матрицы удержали русские общинные крестьяне и родственные им рабочие. Они и «собрали» русский народ уже на обновленной, советской матрице. Сюда же подтянулись и народы исторической России.

В 60—80-е годы такой сплоченной общности, как общинные крестьяне, не оказалось, и в момент духовного кризиса смены поколений и образа жизни взял верх альянс геополитических противников России, нашей антисоветской интеллигенции и воров. Скорее всего, взял верх на время — творческого импульса в этом альянсе нет.

Мировоззренческой основой советского строя был *общинный крестьянский коммунизм*, «прикрытый тонкой пленкой европейских идей — марксизмом». Это понимали и большевики, и марксисты-западники (меньшевики), которые видели в этом общинном коммунизме своего врага и пошли на гражданскую войну с ним в союзе с либералами. Своим врагом его считали и большевики-космополиты (вождем которых был Троцкий). Это течение было подавлено в период сталинизма, но в 60-е годы вновь вышло на арену, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения. Поэтому перестройка — этап большой русской революции XX века, которая лишь на время была «заморожена» единством народа ради индустриализации и войны. Сознательный авангард перестройки — наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков.

Утверждение, что советский народ является «неправильным», стало с 1986 г. официальной установкой, и вскоре было заявлено даже, что перестройка является *революцией*, то есть ставит целью радикальное изменение мировоззрения. Перестройка нанесла по культурному основанию народа мощный удар и в большой мере разрушила его. Используя введенный в 70-х годах термин, можно сказать, что в 90-е годы мировоззренческая матрица народа представляла собой *ризому* — размонтированную среду без матричной

иерархии, среду «тотальной равнозначности», лишенную «образа истинности». Это утрата связной картины мира и способности к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Антрополог Конрад Лоренц писал о жертвах таких диверсий в сфере ценностей: «Во всех частях мира имеются миллионы юношей, которые потеряли веру в традиционные ценности предыдущих поколений; эти юноши стали беззащитными против внедрения в их сознание самых разных доктрин. Они чувствуют себя свободными, потому что отбросили отцовские традиции, но немыслимым образом не замечают, что, воспринимая сфабрикованную доктрину, они отбрасывают не только традиции, но и всякую свободу мысли и действия».

Какие части центральной мировоззренческой матрицы советского (прежде всего русского) народа понесли самый тяжелый урон? Прежде всего, *самосознание*. Была проведена кампания по представлению СССР (на деле, исторической России) как неправильной страны. Жизнь в России была официально лишена смысла, самоуважение человека было подорвано. На короткое время людей увлекли идеей «возврата в человеческую цивилизацию», но в эту идею было встроено устройство саморазрушения. Осталась идея *беспочвенности*, что вела к мировоззренческому хаосу и ослаблению всех общественных связей, включая национальные.

Крайне жесткое, во многих отношениях преступное, воздействие на массовое сознание имело целью разрушение культурного ядра народа, его систему ценностей. Изменения такого масштаба уже не подпадают под категорию *реформ*, речь идет именно о революции, когда, по выражению Шекспира, «развал в стране и все в разъединенье».

Хайдеггер сказал: «Человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением». Беды, которые переживает сейчас Россия, вызваны тем, что господствующее меньшинство применяет чужой, западный чекан, чтобы отштамповать им русских. Это наносит народу тяжелые трав-

мы, сводящие на нет шансы реформы на успех. В стремлении «переделать» народ правящая элита РФ проявила мессианское упорство, которого не наблюдалось у реформаторов Японии, Китая, Индии. Поразительно, что даже с опытом XX века, имея доступ к результатам развитой антропологии и этнологии, российский правящий слой проявляет крайнее невежество в отношении России как этнической системы.

Предпринятое в психологической войне разрушение ценностей было направлено абсолютно на все части мировоззренческой матрицы — целью было действительно уничтожение народа как системы, замена его «новыми русскими», тем «демосом», который получал власть и собственность. Лишенные доступа к жизненным ресурсам вымирающие «старые русские» должны были замещаться более покладистыми иммигрантами.

В системе ценностей можно выделить примерно сотню таких установок, которые прямо служат связями, соединяющими людей в народ. Их для удобства можно собрать в десяток «пучков» и рассматривать по блокам — как *силы созидания народа*. Это язык и религия, ландшафт и хозяйство, школа и наука, армия и искусство, нравственность и стереотипы человеческих отношений. И многое другое — все проникнутое ценностями, специфическими для русской культуры.

Реформа 90-х годов мыслилась как смена *типа цивилизации*. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов говорил откровенно: «Трансформация российского рынка... в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры». Радикальные изменения в ядре национальной культуры и есть демонтаж народа. В нашем случае речь шла о замене русского народа каким-то иным, условно названным «новыми русскими».

Ракитов сетует на то, что советская Россия есть *цивилизация*: «Было бы очень просто, если бы переход к этой [западной] цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к

цивилизированному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения, требует замены деспотизма демократией, раба — свободным производителем и предпринимателем, биологического индивида — индивидом социальным и правовым, т.е. личностью. Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры».

Для любого народа является экзистенциальным врагом тот, кто стремится разрушить ядро его национальной культуры, демонтировать ее ценностные основания, рассыпать мировоззренческую матрицу, на которой собран и воспроизводится народ. Кто-то может этого не осознавать, кто-то решает врагу прислуживать, но это — детали, существенные на уровне личностей. А на уровне общности, народа как целого вся рать профессоров, поэтов и клоунов, которая с середины 80-х годов оплевывала, фальсифицировала и осмеивала главные ценности русской культуры, есть коллективный смертельный враг русских.

Конечно, война у нас холодная, отношения политкорректные, русские умирают не от бомб, а от тяжелого всеобщего стресса, переживая «время гибели богов». Но назвать вещи своими именами все-таки надо. Пусть «архитекторы и прорабы» не питают особых иллюзий. Самый разумный выбор для этих отщепенцев — вернуться к преданному ими народу и потрудиться для того, чтобы, насколько возможно, возместить ущерб, нанесенный их разрушительными действиями в сфере сознания.

Сейчас, когда страсти слегка улеглись, началась работа по систематизации и анализу огромного массива текстов (в широком смысле слова), посредством которых велось разрушение ядра русской культуры. Структурирование этого массива, в общем, отвечает той системе связей, которые и формируют этничность, согласно современным представлениям антропологии (в рамках концепции конструктивизма). Однако надо отметить особое внимание, которое «агрессоры в

сознание» уделяют двум ценностным блокам — представлениям русских о богатстве и бедности (и, соответственно, о человеческих отношениях в этой плоскости); представлениям русских о правильном общежитии народов (о «семье народов»). Иными словами, речь идет о ценностях социальных отношений и национальных отношений.

Эти ценности, сложившиеся в Российской империи и «дозревшие» в Советском Союзе, были подвергнуты репрессиям со стороны перестроечно-реформаторской элиты. Для ведения психологической войны ей была предоставлена сначала идеологическая машина КПСС, а теперь унаследованная от КПСС олигархами и властью «рыночно-бюрократическая» идеологическая машина. Свою войну с ценностями репрессированного большинства эта элита ведет с поразительным культурным садизмом, и рано или поздно военные преступники предстанут перед трибуналом какого-то рода.

Стоит также отметить, что «оккупанты культуры», составляющие в России в численном отношении ничтожное меньшинство, вынуждены, конечно, нанимать и множество рядовых исполнителей, делающих свою работу просто из-за куска хлеба. Это удел побежденных, тут нет ничего необычного. Сложнее дело с теми искренне уверовавшими в «новые ценности», которые наносят травмы своему народу по невежеству, не ведая, что творят.

Они действительно не понимают, что система ценностей и традиций — это очень плотная ткань. Она плохо изучена, и полуобразованный самонадеянный интеллектуал, по тупости своей берущийся «исправлять» эту ткань и выдергивать из нее «неправильные» нити, может нанести ей непоправимый ущерб. Конранд Лоренц писал, что такой придурок не посмеет вытащить из телевизора и выбросить какую-нибудь деталь, но без всяких сомнений будет разрушать «устаревшие ценности и пережитки», пытаясь вставить на их место другие, прогрессивные. По словам Лоренца, при таких операциях совесть в человеке может угаснуть, как пламя свечи.

В антропологии существует фундаментальное правило: сохранение народа (этнической общности) достигается лишь при определенном соотношении устойчивости и подвижности. Непосредственная опасность гибели таится в избыточной подвижности, которая нередко возникает после периода застоя. Один из крупнейших антропологов второй половины XX века А. Леруа-Гуран пишет: «Народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам».

Не менее важна для нас другая мысль Леруа-Гурана: именно пережитки («традиция») являются и условием подвижности народа. Это тот фонд, который позволяет следующему поколению народа экономить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов.

Значение традиции как неперменного условия сохранения этноса доказывали антропологи самых разных школ и направлений. Б. Малиновский писал: «Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания». Отсюда выводится общее правило **уничтожения** народов: хочешь стереть с лица земли народ — найди способ системного подрыва его традиций. Российские перестройщики и реформаторы это хорошо усвоили.

Здесь нам необходим низовой ликбез. Русским сегодня нужно усиленно задуматься над тем, что такое народ, как он создается, как он растаскивается на части «предателями Яго», как он стравливается с другими народами и государством — и по всем этим вопросам спокойно объясниться между собой.

Главный вывод после двадцатилетней войны на уничтожение ядра русской культуры сводится к следующему. «Реформации России», о которой мечтал «архитектор» А.Н. Яковлев, не произошло — далеко ему до Лютера. «Прораб» Ю. Левада незадолго перед смертью с горечью признал, что *homo sovieticus* не просто уцелел, но и окреп, во многом откатившись от либеральных ценностей в «допетровские времена». Центральная мировоззренческая

матрица русского народа выдержала удар, хотя верхние ее слои сильно изуродованы.

Теперь все зависит от того, кто быстрее извлечет уроки из этого «блицкрига» — сами русские или разрушители их культуры. Видимо, скоро начнется вторая кампания этой большой войны. В живой силе у русских большое преимущество, но требуется новое оружие и выучка.

РАСКОЛ РУССКИХ: БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ

Внимание ведущих политических сил в начавшейся выборной кампании обращено к проблеме сплочения русского народа и российской нации. Я считаю, что на эту проблему надо взглянуть и с особой точки зрения, о которой пока не говорят, — взглянуть на главный разлом, разделивший наш народ.

Мы видим, что по русскому народу прошли трещины и разломы. Люди съежились, сплотились семьями и маленькими группами, отдаляются друг от друга, как разбегаются атомы газа в пустоте. Народ, который в недавнем прошлом был цельным и единым, становится похож на кучу песка.

Но сначала его раскололи на большие блоки — и так умело раскололи, что мелкие трещины прошли и по всем частям. На какие же блоки нас разделили, в каких плоскостях прошли разломы? В двух — социальной и национальной. Это — те плоскости, в которых уложены главные связи, соединяющие людей в народы. Связи общего хозяйства, общей культуры, общей памяти. Для России обе эти плоскости всегда были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску — и наоборот. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы.

Сегодня самым глубоким расколом население России считает деление между *богатыми* и *бедными*. Это надежно установленный социологами факт. Да и без социологов

этот разлом видят все — богатые и бедные. Диалог о нем — необходимая тема в национальной повестке дня русских.

Мы должны сформулировать тему на своем языке, идя к ней снизу, от человека. Обратим внимание на ту сторону проблемы, от которой уходят политики. Суть ее такова: по достижении критического порога в разделении богатых и бедных (в расслоении социальном) это разделение смыкается с разделением на русских и нерусских. Расслоение социальное становится и расслоением на разные народы. И тогда образуется пропасть, навести мосты через которую становится уже очень трудно.

Речь идет о том, что одним народом ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа *образ жизни*. Иными словами, социальное расслоение народа не может быть слишком глубоким. Когда оно достигает «красной черты», разделенные социально общности начинают расходиться по разным дорогам и приобретают черты разных народов.

Такое наложение и сращивание этнических и социальных признаков — общее явление. *Этнизация* социальных групп — важная сторона политических процессов. Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни, отделяет ее от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

В России социальный разлом в XIX веке в конце концов «рассек народ на части» — вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга.

Крестьяне сравнивали помещиков с французами 1812 года. Так, сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал в на-

казе 1906 г.: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков».

Как дошли до этого, хорошо известно — отделяться от русских начала элита, богатое меньшинство. Богатые тяготеют к тому, чтобы стать «иным народом» — по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, начавшие говорить по-французски).

А.С. Грибоедов писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами».

В начале XX века на социальный раскол наложился и раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения — так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с *представлением о человеке*.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, «братья во Христе». Отсюда «человек человеку брат» — как отрицание языческого (римского) «человек человеку волк». Православие твердо стоит на этом, но социальный интерес богатых породил целую идеологию, согласно которой человеческий род не един, а разделен, как у животных, на виды. Из расизма, который изобрели, чтобы оправдать обращение в рабство и ограбление «цветных», в социальную философию Запада перенесли понятие «раса бедных» и «раса

богатых». Рабочие тоже считались особой расой. Отцы политекономии учили, что первая функция рынка — через зарплату регулировать численность этой расы. Возник *социальный расизм*. Потом подоспел дарвинизм, и эту идеологию украсили научными словечками (это «социал-дарвинизм»).

Русская культура отвергла социал-дарвинизм категорически, тут единым фронтом выступали наука и Церковь (этот отпор вошел в мировую историю культуры как выдающееся событие). Но когда крестьяне в начале XX века стали настойчиво требовать вернуть им землю и наметилась их смычка с рабочими, русское либеральное дворянство и буржуазия качнулись от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Будучи западниками, они получили оттуда готовую идеологию и вдруг заговорили на языке социал-дарвинизма. Большая часть элиты впала в социальный расизм. Рабочие и крестьяне стали для нее *низшей расой*.

Элита отошла от православного представления о человеке и впала в социальный расизм. Группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в журнале «Экономист России»: «Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы нисколько не боимся. Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

Тогда же Толстой сделал очень тяжелый вывод: «Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия. Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие. И это не предположение только. Подтверждением этого служит

вся русская жизнь, все то, что не переставая происходит по всей России. Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода... богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы?»

Основная масса народа долго не могла поверить в расизм элиты, считала его проявлением сословного эгоизма. Ответный расизм «трудового народа» возник только к концу Первой мировой войны, а проявился в социальной практике уже после Февраля 1917 г., летом. После 1916 г. буржуазию и помещиков в обыденных разговорах стали называть «внутренними немцами» — народом-врагом. Вся революция в России пошла не по Марксу — боролись не классы, а части расколотого народа, как будто разные народы. Но к этому привели те, кто считал себя «белой костью». Они стали отщепенцами. Надо бы из их опыта извлечь урок, но сегодня «белая кость» с помощью телевидения сумела обратить гнев сытых как раз на тех крестьян и рабочих, а не на элиту, впадшую в расизм. Видно, на чужих уроках учиться мы еще не научились.

Эта история сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей поддались, тем более что она подкреплялась шансами поживиться за счет «низшей расы». Этот резкий разрыв с традиционным русским и православным представлением о человеке проложил важнейшую линию раскола.

В отличие от начала XX века, часть тех, кто возомнил себя «белой костью», а остальных «быдлом», количественно довольно велика, больше и ее агрессивность. Достаточно почитать в Интернете рассуждения этой «расы», чтобы оценить, как далеко она откатилась и от русской культуры, и даже от современного Запада. Мы имеем дело с социальным расизмом без всяких украшений.

Богатые стали осознавать себя особым, «новым» народом и называть себя *новыми русскими*. Но «этнизация» соци-

альных групп, то есть их самоосознание как особых народов, происходит не только сверху, но и *снизу*. Совместное проживание людей в условиях бедности порождает самосознание, близкое к этническому. Крайняя бедность изолирует людей от общества, и они объединяются этой бедой. В периоды длительного социального бедствия даже возникают кочующие общности бедняков, прямо называющих себя «народами», даже получившими собственное имя.

Реформа делит наш народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах — на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не произошел окончательно, но мы уже на краю пропасти.

От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности. В результате реформ в РФ образовалось «социальное дно», составляющее около 10% городского населения, или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее. Такого «дна» не бывало нигде за всю историю человечества.

Отверженные выброшены из общества с демонстративной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, их жизнь не изучает наука, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *ближними*. Так, им отказано в праве на медицинскую помощь. И никто не обращается в Конституционный суд, хотя речь идет именно о конституционном праве, записанном в ст. 41 Конституции РФ. При этом практически все бездомные *больны*, их надо прежде всего лечить, класть в больницы. Больны и 70% беспризорников — дети граждан России и сами будущие граждане. Где в приоритетном Национальном проекте в области медицины раздел о лечении этих детей? Им не нужны томографы за миллион долларов, им нужна теплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного

производства — но именно этих простых вещей им не дает нынешнее русское общество со всей его духовностью и выкупленными у Гарварда колоколами. А ведь колокола продавали именно чтобы вылечить тогдашних беспризорников — так кто больше христианин, Наркомздрав 20-х годов или добрый Вексельберг?

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к бедным. Депутат Н.А. Нарочницкая недавно сказала: «Мы должны из народонаселения стать нацией — единым организмом, в котором возобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями». Вот вам частное разногласие: к концу 2003 г. в Москве действовало 2 «социальные гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест — при наличии 30 тыс. *официально* учтенных бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более 800 человек. Не успело в них возобладать ощущение общности.

И вот выводы социологов: «Всплеск бездомности — прямое следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного «класса» людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной «возможностью» для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство».

Сложился и слой «придонья», в который входят примерно 5% населения (7 млн. человек). Принадлежащие к этому слою люди еще в обществе, но с отчаянием видят, что им в нем не удержаться. Вывод социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования» та-

ков: «В обществе действует эффективный механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан».

Это — пропасть, отделяющая от русского народа общность изгоев в размере около 18 миллионов человек — целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство в главном перестает быть русскими, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни — значит порвать с русской культурой.

И разделение народа произошло вовсе не потому, что бедные завидуют богатым и хотели бы отнять у них кошельки. Народным достоянием завладела часть общества, начисто лишенная созидательного инстинкта. А человек труда, который обустроивал и содержал страну, втопан в нищету и бесправие. Вот в чем национальная трагедия. Дело в том, что нищета честных трудящихся людей, часто высокой квалификации, есть нестерпимое надругательство над разумом и совестью. Такое состояние разрушает народ. На этом пути нефтедоллары — временная передышка. Они даны нам свыше для проверки — одумаемся ли мы, сможем ли разумно истратить эти шальные деньги?

Есть ли возможность воссоединить две части разорванного народа? Мы считаем, что такая возможность еще есть. Эти части социально разделены, но они еще не стали враждебными расами (классами). Половина богатых сознает, что это их богатство — плод уродливых социальных условий. Как граждане, они тоже считают, что *проиграли* от реформ. Эти люди не стали ни извергами, ни изгоями, они будут работать на восстановление страны. Отщепенцев, которые поклоняются маммоне, среди русских еще немного. Они не решат нашу судьбу, если мы найдем разумное, приемлемое для подавляющего большинства решение.

«НЕПРИЗНАННЫЕ РЕСПУБЛИКИ» — ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

После развала СССР на его территории возникло несколько особых государственных образований, которые называют «непризнанными республиками» — Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье. Все они — осколки бывших союзных республик вне РСФСР. Внутри РФ был поднят мятеж в Чечне, и какое-то время существовала «непризнанная республика» Ичкерия, но надолго сохранить этот свой статус не смогла, сил для создания государственности у мятежников не было, даже Сергей Адамович Ковалев не помог. Во всех случаях предыстория этих республик различна, различны и их долгосрочные планы, и характер государственной идеологии. Несмотря на внешнее сходство некоторых черт, рассматривать их надо порознь.

Если речь идет о выработке разумных установок в отношении этих образований для российского общества, то, видимо, первым должно быть стремление избежать военного конфликта с теми странами, которые претендуют на возвращение своего суверенитета над территориями этих республик. Войны были бы огромным бедствием для всех сторон. Так что подталкивать к войне — значит играть на руку тем геополитическим силам, которые заинтересованы в дестабилизации «постсоветского пространства» и затягивании кризиса в России.

Для начала надо не подливать масла в огонь и отказаться от тех определений, которые давались этим республикам. Эти определения часто настолько противоречили здравому смыслу, что возмущали разум людей и наводили на мысль о заговоре тайных врагов. Например, был введен в оборот термин «самопровозглашенные республики» — как определение, косвенно отвергающее право на их существование. Что за бессмыслица! Разве бывают какие-то другие республики?

Разве республика, рожденная Великой французской революцией, не была самопровозглашенной? А Соединенные Штаты Америки, которые решили отделиться от английского королевства? Само слово «республика» (то есть «общее дело») как раз и предполагает возникновение государства в результате волеизъявления граждан, то есть самопровозглашения — в отличие от монархии. Короля или царя коронует церковь — как помазанника Божьего. В крайнем случае император может учредить марионеточное королевство и провозгласить королем своего маршала (как делал Наполеон). В нашем случае западные СМИ ввели в политический лексикон провокационное выражение, но уж в России-то не следовало бы его применять.

Столь же провокационной является квалификация жителей Приднестровья, Абхазии или Южной Осетии как сепаратистов. Совсем наоборот! Они сопротивляются именно попытке их отделения (то есть сепарации) от тела той большой нации, частью которой они себя осознают. В то же время они сопротивляются их помещению в совершенно иную общность, цивилизационный вектор которой они не принимают. В случае Южной Осетии эта попытка отделения принимает просто скандальные формы — осетин отделяют не только от российской нации, частью которой они себя издавна считают, но даже и от своего этноса, от осетинского народа. При этом Тбилиси пытается заставить их жить в государстве, которое приобретает все более ярко выраженную анти-русскую позицию.

В.В. Путин назвал развал СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века». Наши «непризнанные республики» различаются в отношении этой катастрофы. Нагорный Карабах и Ичкерия были использованы как ее инструмент, а другие три — как оплот сопротивления катастрофе. Это большая разница. Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье, находясь в зоне межнационального пограничья, первыми испытали на себе удар этнократического национализ-

ма, разрушавшего СССР — и их народы первыми осознали, чем это грозит. Это бесценный опыт.

Имея доступ к рычагам власти и СМИ, начавшая раздел СССР республиканская номенклатурная элита подрывала все механизмы, воспроизводящие советский тип межнациональных отношений. Так, во многих республиках была начата борьба против русского языка и алфавита (кириллицы). Один наблюдатель так писал о первой фазе противостояния Приднестровья и Молдавии: «После того как в августе 1989 г. был напечатан проект «Закона о функционировании языков на территории Молдавской ССР», спокойная жизнь на левом берегу Днестра была взорвана. Многонациональный район кожей ощутил опасность... Молдавский язык объявлялся государственным. На его изучение давалось пять лет, после чего все основные взаимоотношения в республике планировалось перевести на язык так называемой коренной нации... Но взволновали не статьи закона, а само его появление на свет».

В советское время административное включение территории в ту или иную республику не оказывало существенного влияния на национальное и культурное самосознание населения. Все были частью большого советского народа, ощущали себя гражданами единого государства, учились в единой школе, служили в одной армии и участвовали в ведении единого народного хозяйства. Но в 80-е годы были сознательно запущены процессы, разрушающие ту сложную систему межнациональных отношений, которая была создана за 200 лет и достроена в советский период. «Прораб» перестройки Нуйкин рассказал, как готовилась война в Нагорном Карабахе именно с целью ввергнуть страну в катастрофу разделения.

Очевидно, что в этот момент каждый народ оказался перед выбором — с какой из расходящихся сторон он желает строить свою будущую жизнь. Это был типичный момент самоопределения народов. Право народов на самоопределение было утверждено в XX веке после полувековых дебатов. Противоречивость этого права в том, что оно входит в

конфликт с принципом территориальной целостности государств. В стабильное время компромисс между двумя этими принципами ищется в долгих переговорах, на которых взвешиваются совокупности аргументов обеих сторон. Но в момент «геополитической катастрофы» принцип территориальной целостности не действует. Дело решается или взаимным согласием, или силой. СССР был расчленен вопреки самоопределению народов на референдуме, причем расчленен по линиям, которые фактически не были никакими государственными границами. Литва, которая декларировала «продолжение своей государственности до 1939 г.», отделилась от СССР вместе с городом Вильнюсом и Виленским краем, которые были переданы в состав Литовской ССР лишь после ее вхождения в Советский Союз. Латвия и Эстония отделились, «утащив» с собой почти два миллиона русских. Тогда все решила совместная сила Запада и горбачевской правящей верхушки. И речи не было ни о государственном праве, ни о правах человека.

Наши «непризнанные республики» возникли именно в ходе этой катастрофы, поэтому ссылаться на принцип территориальной целостности «самопровозглашенных» Грузии и Молдовы нет оснований. Это — демагогия самого примитивного толка. Разумный способ разрешить конфликт — согласие и в будущем добрососедские отношения. Тем более, что глобализация резко снижает значение границ для хозяйства и культуры, но повышает значение добрососедства. Самый неразумный способ — попытаться действовать силой. Общий рецепт в таких случаях — постараться образумить неразумных.

Нам же надо понять аргументы обеих сторон в возникших конфликтах — непредвзято и не превращая в карикатуру никакую сторону. Надо учесть, что разделение СССР резко ослабило связность и тех осколков, которые возникли после его развала. По ряду этих новых государств прошли войны — или между разными этносами (как на Кавказе), или между частями уже, казалось бы, единого народа (как в Таджикиста-

не), или между региональными общностями (как в Приднестровье). В центре РФ мы не так чувствуем, какая принципиальная разница для небольшого народа — быть частью СССР (а ранее Российской империи) — или быть частью их осколка. Абхазия вошла в Российскую империю (потом была частью СССР, пусть и формально в Грузии), но абхазам трудно было примириться с пребыванием в этнократической Грузии, «освободившейся от иностранной оккупации». Никогда в истории абхазы такого выбора не принимали.

Связность Грузии вообще резко ослабла и конфликтом с Абхазией ослабляется еще дальше — в ней возникли доселе неизвестные этносы, возмущающие грузинских националистов («темные апсуйцы», «дикие кударцы»). А жители центральных областей Грузии «не хотят завоевывать Абхазию для мингрелов». Тяготение абхазов, осетин и приднестровцев к России вызвано, прежде всего, желанием стабильного национального бытия, не отягощенного этнократическим давлением малых и крайне возбужденных государств, какими стали Грузия и Молдова. Но важно и то, что тяга к России определяется долгосрочным цивилизационным выбором. Привлекает и мировоззренческая матрица русского народа как ядра России, и большая культура и язык, через которые братские русским народы включаются в мировую культуру, и тип межнационального общежития, который сложился в России. Все это — большие непреходящие ценности, признанные в мировой цивилизации. И Молдова, стремящаяся в Румынию, и Грузия, предлагающая себя Бушу как «спецназ демократии» — то в Белоруссии, то в Ираке, — от этих ценностей России отказываются. А значит, вернуть в свое лоно республики, связывающие свою судьбу с Россией, они не смогут. Это не конъюнктурная размолвка, а именно расхождение исторических судеб.

Не вдаваясь в детали, хочу все же подчеркнуть отличие Нагорного Карабаха. Тот способ, которым армянское большинство его населения стало воссоединяться с Арменией, был навязан антисоветскими и антироссийскими силами.

Это — беда армян, и надо как-то ее изживать. Сама проблема началась как подрывная акция — в ноябре 1987 г. ее поднял академик Аганбегян на приеме во Франции (при этом сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой тот якобы сказал, что Карабах будет передан Армении). Это сразу было подхвачено радио «Свобода», «Голос Америки» и др. В Москве эстафету принял Сахаров. В письме Горбачеву он потребовал передачи НКАО в состав Армении и начал кампанию в прессе. На месте конфликта стали действовать агенты иностранных разведок. Как писали, в Нагорном Карабахе боевиками командовал американский офицер-армянин Монте Аво. Он координировал действия войск в Мортунинском районе, погиб и похоронен в Армении как национальный герой.

Такого не было и нет в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье. Поэтому их борьба и принимается так близко к сердцу в России. Она — часть борьбы за целостность России, неважно даже, как будут оформлены ее результаты. Армянам Нагорного Карабаха можно сочувствовать, как можно сочувствовать и албанцам Косово — понятно желание воссоединиться со своими соплеменниками. Но во всей нынешней драматической перестройке стран и народов Нагорный Карабах и албанская борьба за Косово идут по другой статье. Хотя при доброй воле все раны со временем можно залечить.

Здесь нам нет смысла обсуждать варианты внешнеполитических решений РФ в отношении трех республик — признавать или не признавать, ругаться с Грузией и Молдавией или не ругаться. Это — вопрос техники и дипломатических хитросплетений. Наше дело — понять, что для нас означают «непризнанные республики». На мой взгляд, они для нас — огромная ценность, данные судьбой зародыши матриц для сборки будущей крепкой и растущей России (о Белоруссии, как другой большей части такой матрицы, надо говорить особо).

Лояльность населения этих «республик» цивилизационному вектору России даже сильнее, чем у значительной час-

ти населения РФ, ибо внутри РФ господствует иллюзия ее гарантированного выживания. Мы здесь, под защитой ядерного щита и нефтегазовых сокровищ, не испытали потрясения от той явной угрозы национальному бытию, какой испытали абхазы, осетины и приднестровцы (в последнем случае речь более явно идет не об этнических общностях, а о ячейке именно нации; в случае абхазов и осетин их самоосознание как части большой нации маскируется моноэтничностью). Граждане РФ получают из этих трех точек излучение гражданского национального сознания, которое нам так необходимо.

Горяче-холодная война, которую вынуждены вести эти республики, это не война за выживание, а война за восстановление России как семьи народов. Поэтому к ней так неравнодушны и друзья, и враги исторической России. И для русских это большая поддержка. Ведь реформа и вызванная ей смута оставила множество людей без опоры, без необходимой полноты человеческих связей. Видеть, что кто-то рядом готов жертвовать жизнью за восстановление этих связей, меняет дело. Трудно переоценить оздоравливающее значение этой стойкости.

Мы здесь должны вести дело так, чтобы власти РФ оказали нашим братьям необходимую поддержку, желательно не сорвавшись при этом в международные конфликты.

ЯЗЫК ИХ — ВРАГ МОЙ

30 марта 2006 года НТВ показало репортаж о первом в российской армии батальоне, сформированном из граждан стран СНГ, набранных по контракту. Обычные для НТВ прибаутки и ерничество приобрели в этом репортаже особенно зловещий характер. Как будто мы вернулись в 1996 г., когда этот телеканал Гусинского не скрывал своей русофобии и ненависти к армии. Тогда военные в Чечне не раз давали репортерам затрешины и разбивали прикладами их камеры. Сей-

час у нас, говорят, диктатура закона, и на слово надо отвечать словом. Не ответить нельзя.

Начался репортаж с сенсации: теперь у России, как и у Франции, есть свой иностранный легион. Знающие люди сразу навестили уши. Иностранный легион Франции заслужил дурную славу тем, что туда набирали бежавших из своих стран уголовников, а также ветеранов фашистской армии, которые скрывались от преследования за военные преступления. Этому легиону поручалась самая грязная работа карательного характера во время войны в Алжире и во Вьетнаме. Об этом легионе сняты фильмы, написаны повести. Уподобить батальон нашей армии этому легиону — явная провокация.

Дальше — больше. Репортер НТВ применил к этим военнослужащим термин «иностранные наемники». Это уже открытая злобная выходка. Во-первых, до недавнего времени этот термин обозначал юридическое понятие, которым определялась запрещенная международным правом деятельность. Скорее всего, и в странах СНГ этот термин имеет такой же смысл. К гражданам СНГ он неприменим юридически, поскольку между ними существует договор о коллективной безопасности и соглашения, регулирующие службу по контракту в армиях стран Содружества.

Но главное не в юридической стороне дела. Слова «иностранный наемник» имеют в русском языке совершенно определенный гнусный смысл. Иностранный наемник — антипод воина-защитника Родины. Он по найму, за деньги чужеземных хозяев проливает чужую кровь, часто кровь беззащитных мирных жителей. Этим занимались типичные иностранные наемники («серые гуси») в Африке. Все это прекрасно знали молодчики с НТВ — и кинули шматок грязи в наших солдат.

Неизвестно, о чем они говорили с солдатами за кадром, но, похоже, гадостей наговорили. В кадре солдат по фамилии Сорокин, русский (кажется, с Украины), взволнованно объясняет: «Как это иностранный? Мы же все из одной страны,

из СССР. Мы России будем служить и защищать ее, как свою родную страну».

Это до чего же надо дойти, чтобы русского человека, надевшего российскую военную форму и взявшего в руки оружие, чтобы защищать Россию, московское телевидение назвало «иностранным наемником»! Да хоть бы и не русского. Разве тому узбеку, что промелькнул в репортаже, дед которого, может быть, погиб в Великой Отечественной войне где-то под Вязьмой, Россия — чужая страна? Это «независимое» телевидение, оскорбив этих солдат, оскорбило меня лично. Ладно, запомним.

Да, мы не уберегли историческую Россию, ее на какое-то время расчленили. Это стало катастрофой для большинства из 280 миллионов граждан Советского Союза. Мы за это расплачиваемся и извлекаем уроки. Но непреодолима тяга к сращиванию обрубков, хотя пересборка большой страны наверняка произойдет в каких-то новых формах. Те украинцы, узбеки, казахи и русские (из «зарубежья»), которые пришли служить в российской армии, пройдут в ней хорошую школу, чтобы потом более умело сращивать порванные нити и связи, по-новому сшивать страну. Это и вызывает кое у кого злое чувство.

В коротком репортаже сумели эти деятели озвучить сразу несколько гадких идей. Вот прошипели: «Солдат-контрактников набирают из *гастарбайтеров*». Новые законы не дают нам права подавать в суд, если оскорбили не тебя лично. Тем самым ухудшают положение — ведь из-за этого гроздя гнева набухают сильнее. Какой мерзавец ввел в наш язык это слово — гастарбайтер! Его изобрели немцы, когда стали завозить бесправную и дешевую рабочую силу из Турции. Это слово означало, что временные «гости-рабочие» не имеют в Германии гражданских прав и не должны считать ее «своей» страной. Это слово там применяют, когда хотят подчеркнуть бесправное положение «чужого». Вот за это «чужие», запертые в гетто-предмestьях Парижа, начали помаленьку жечь автомобили «полноправных» обывателей. И нас

так же пытаются стравить! В этих интеллектуалах с НТВ кро-
кочет комплекс Яго.

Потоки временных работников и беженцев в Россию —
следствие общей беды. В гетто скучиваются приезжие, в гет-
то заперты местные подростки — без работы, без учебы, без
перспектив. С отчаяния они ищут простой образ врага, на
которого излить свою ярость от безысходности. И вот им
этот образ подсовывают — мигранты! Происходят трагедии,
НТВ улюлюкает: расисты! на каторгу! раздавить гадину! А в
другом кадре НТВ подливает масла в огонь: *гастарбайте-
ры, иностранные наемники!*

На это надо глядеть внимательно.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ЕВРЕИ, ДИССИДЕНТЫ И ЕВРКОММУНИСТЫ

Без антисемитизма и юдофилии	8
Единство и разделение Израиля	15
Возможен ли диалог?	28
Разжигание антисемитизма как всемирная культурная программа	38
Первый миф об антисемитизме России	46
Социально-экономические предпосылки антисемитизма	58
Социально-культурные предпосылки для антисемитизма в России	68
От «комиссаров в пыльных шлемах» к антисоветизму	78
Сионистов обижают	84
Станут ли чужими сыны Иегуды?	98
Диссиденты — советская «закваска» антисоветского проекта	107
Западные левые и крах советского проекта	128

Раздел 2. РОССИЯ И РУССКИЕ

Угроза для России: демонтаж народа	145
Кризис России и этничность: упорядочение понятия	150
Как нас собираются формировать	169
Православие и русский народ	177
Россия: взгляд с неба	185
Червь сепаратизма	193
Народ и праздники	198
Связность страны и народа	206
Атака на ценности и демонтаж народа	214
Раскол русских: богатые и бедные	221
«Непризнанные республики» — взгляд из России	229
Язык их — враг мой	235

Массово-политическое издание

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

Сергей Кара-Мурза

ЕВРЕИ И СОЦИАЛИЗМ

Редактор *О. Селин*

Художник *Б. Протопопов*

Художественный редактор *Е. Анисина*

Компьютерная верстка *А. Кувшинников*

Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825

Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел.: 8-903-519-8541

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 11.08.2009.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага газ. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 4000 экз. Заказ №4931011

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

По известному утверждению
С. Кара-Мурза, советскому
обществу противостоял
сложившийся в течение
многих лет антисоветский
проект, в котором участвовала
часть советской интеллигенции –
так называемые диссиденты
и советские евреи, а также важное
течение в среде левой западной
элиты – еврокоммунизм.

Почему вся эта злита – и наша,
и западная – стала противником
советского строя и какую роль
она сыграла в его гибели –
об этом книга известного
писателя и ученого.

ISBN 978-5-9265-0680-5

9 785926 506805 >